

S E R I E S M I N O R

И. Е. СУРИКОВ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО
АФИНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

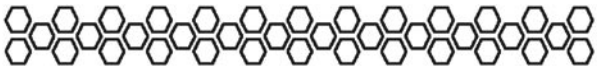

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA HISTORICA

SERIES MINOR

И. Е. СУРИКОВ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО
АФИНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 67.3
С 90

Суриков И. Е.

С 90 Проблемы раннего афинского законодательства. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 144 с. — (Studia historica. Series minor).

ISBN 5-9551-0040-7

В книге рассматривается ряд вопросов, связанных со становлением законодательства и права в архаических Афинах, с созданием в одном из крупнейших древнегреческих полисов первых сводов письменных законов (VII–VI вв. до н.э.). Имена творцов этих сводов – Драконта и Солона – известны многим, однако исследование их деятельности всегда оказывается сопряжено со значительными трудностями. Причиной тому – и неудовлетворительное состояние источников, и слабая на сегодняшний день степень изученности общего исторического контекста столь ранней эпохи развития античного мира. Наибольшее внимание автора привлекает религиозный аспект раннего законодательства, которому уделялось особенно незначительное внимание в предшествующей историографии. Попутно рассматривается специфика самого феномена древнегреческого права, во многих своих чертах разительно расходящегося с нашими современными представлениями о правовых системах и комплексах.

Книга предназначена для специалистов – историков и юристов, для всех, интересующихся культурой и обществом античности.

ББК 67.3

В оформлении обложки использовано изображение головы коры с афинского Акрополя. VI в. до н.э..

Игорь Евгеньевич Суриков

ПРОБЛЕМЫ

РАННЕГО АФИНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина
Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 09.09.2004. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 3,65. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-9551-0040-7

© И. Е. Суриков, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия «УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ФЕНОМЕН», ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ	7
Часть I ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ.....	27
Часть II ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ	55
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	144

Вместо предисловия
«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ФЕНОМЕН»,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ

Наверное, каждый специалист-антиковед, которому приходилось сталкиваться в своей работе с теми или иными проблемами древнегреческого права, не мог не обратить внимания на парадоксальную коллизию двух обстоятельств. С одной стороны, никто не будет спорить с тем, что право Древней Эллады — культурный феномен мирового значения. Это — первое институциональное право в истории Европы. Оно входит неотъемлемым компонентом в систему непревзойденной по уровню культурного, творческого подъема античной греческой цивилизации, наследием которой в значительной мере и по сей день живем мы все. Древнегреческое право сыграло немаловажную роль в оформлении права римского, что охотно признавали и сами римские авторы (Cic.De leg.II.59; Liv.III.31.8; Plin.Epist.VIII.24.4¹). Во многом под влиянием древнегреческого права сложилась правовая система Ви-

¹ Слова Плиния Младшего о Греции особенно известны, они стали просто-таки хрестоматийными: «Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы, не по праву победы, а по нашей просьбе» (перевод А. И. Доватура).

зантийской империи², многие элементы которой, в свою очередь, впоследствии были перенесены в страны Восточной Европы, входившие в византийский культурный ареал, в том числе и на Русь³. Одним словом, можно с полной уверенностью говорить о том, что древнегреческое право заслуживает всестороннего внимания и изучения. Имена некоторых из греческих законодателей — Драконта, Солона и др. — известны ныне даже школьнику.

А с другой стороны, в реальной действительности состояние изученности права Древней Греции воистину плачевно. Лучше всего это можно увидеть, сопоставляя в данном отношении греческое право хотя бы с тем же римским. О последнем — огромное количество трудов самого разного характера: от многотомных компендиумов до кратких общих очерков, от статей по отдельным аспектам и проблемам, появляющихся в специальной периодике, до вузовских учебников. А что с древнегреческим правом? Мы не говорим здесь об отечественной историографии, в которой к его изучению почти еще вообще не приступали. Но даже и в западном антиковедении ситуация ненамного лучше. Со времен немецких ученых рубежа XIX—XX веков (Липсиуса, Каршtedта, Бузольта и др.), занимавшихся разнообразными проблемами публичного и частного права греческих полисов столь же скрупулезно, как и любой другой проблематикой, интерес исследователей к данному кругу вопросов не возрос, а, кажется, толь-

² В первые века своего существования Византия жила по нормам латинского Юстинианова *Corpus iuris civilis*. Однако со временем (особенно явной эта тенденция становится с IX в.) можно говорить «о замене латинского Юстинианова корпуса греческим корпусом законов» — греческим не только по языку, но и по духу. См.: *Медведев И. П.* Развитие правовой науки // *Культура Византии: вторая половина VII — XII в.* М., 1989. С. 227.

³ *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 333 слл.

ко уменьшился. Несколько монографических исследований, определенное количество статей... Нельзя, конечно, сказать, что древнегреческое право ныне — *terra incognita* в полном смысле слова. И тем не менее не оставляет ощущение, что оно — в своей целостности, как феномен, как культурное явление — известно нам далеко не в той мере, в какой оно того заслуживает.

Разумеется, дело не в субъективном желании или нежелании исследователей заниматься теми или иными проблемами (хотя и такого рода субъективные факторы тоже нельзя полностью сбрасывать со счетов: понятно, в частности, что антиковедам Запада просто в силу врожденных цивилизационных интенций римское право несравненно ближе, нежели греческое). Описанная ситуация обязана своему складыванию прежде всего причинам объективного характера. Каковы же эти причины, почему изучать право греческого мира значительно сложнее (и неблагодарнее), чем право Рима?

Прекрасно известно, каких вершин достигла римская юриспруденция. Право в Римском государстве прошло через ряд последовательных кодификаций, в течение всей своей истории (от децемвиров до Трибониана) подвергалось постоянной разработке и систематизации. Последнее привело, помимо прочего, к предельной отточенности категориального аппарата. Чего стоит хотя бы изощренное разграничение (едва ли не противопоставление) римскими юристами категорий собственности и владения в сфере имущественного права. Строго и четко отделялись друг от друга право вещное и обязательственное, частное и публичное, светское (*ius*) и сакральное (*fas*).

Ничего подобного не встречаем мы у греков. В первую очередь невозможно не упомянуть о проблемах и сложностях, возникающих в связи с намного худшей, чем в случае с Римом, целостности и сохранности греческих правовых памятников. Во вводной части любого учебника по

римскому праву обязательно есть глава, посвященная его источникам, где эти источники методично перечисляются и классифицируются: законы, сенатусконсульты, конституции императоров, эдикты магистратов, ответы юристов...⁴ Всё буквально «разложено по полочкам», всё приведено в единую и внятную систему. Из отдельных памятников, как из кирпичиков, складывается грандиозное здание *ius Romanum*. А в каком положении окажется специалист, которому доведется составлять аналогичный раздел для труда по древнегреческому праву? О каких источниках придется ему вести речь? Разрозненные, не объединенные никакой внутренней связью фрагменты законодательных памятников, относящиеся к самым разным эпохам и регионам эллинского мира, дошедшие частью в виде надписей, частью в форме цитат у позднейших авторов. Судебные речи ораторов, являющиеся, бесспорно, исключительно важными источниками по многим сторонам жизни греческого общества, но при этом насквозь проникнутые субъективностью и тенденциозностью, доходящими до прямого извращения фактов. Немалое количество пассажей на правовые и законодательные темы, разбросанных по произведениям писателей разнообразных жанров — от ранних историков и философов до лексикографов византийского времени. Нельзя сказать, чтобы весь этот материал был малым, недостаточным, не позволяющим составить представление о праве в греческих полисах. Но он, повторим, настолько несистематизирован и даже просто нерелевантен, что является ввиду этого чрезвычайно трудным для изучения, предполагающего определенное обобщение фактов.

Дело здесь не только в том, что памятники древнегреческого права сохранились несравненно хуже, чем памят-

⁴ См. (чисто *exempli gratia*): Римское частное право: Учебник / Под ред. Новицкого И. Б., Перетерского И. С. М., 1997. С. 17—46.

ники римского. Играет свою роль также ряд принципиальных особенностей греческого права, в частности, действительно имевшая место недостаточная разработанность его положений. Обходиться без права греческое общество, конечно, не могло. Однако в течение всей истории древнегреческого мира (включая эпоху эллинизма) право оставалось явлением чисто эмпирическим. Практически никогда право в греческих полисах не становилось предметом теоретического анализа, да хотя бы просто полномасштабной систематизации. С полным основанием древнегреческое право было остроумно названо одним из современных исследователей «правом без юриспруденции»⁵.

В Греции, в отличие от Рима, не сложилась прослойка профессиональных юристов. Можно долго говорить о причинах подобного положения вещей⁶. Указывалось, помимо прочего, на доступность и простоту языка греческих законов, на широкое распространение грамотности во многих греческих полисах, на участие большинства граждан в судопроизводстве, на отсутствие у часто сменявшихся магистратов специальной правовой компетенции. Всё это вело к тому, что знание права было не сконцентрировано в кругу одной профессиональной группы, а как бы рассеяно по всему гражданскому коллективу.

Следует, однако, заметить, что вышеприведенные аргументы далеко не во всем убеждают. Во-первых, описанная ситуация характерна главным образом для демократических Афин классической эпохи. Но и в тех полисах, где не наблюдалось участия широкой массы граждан в дея-

⁵ Jones J. W. *The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxf., 1956. P. V. Cp.: Saunders T. J. *Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia* // Symposium 1990. *Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 115.

⁶ См., например: Harris E. *Response to Trevor Saunders* // Symposium 1990. *Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 133—138.

тельности судебных органов, положение с правом было точно таким же. Во-вторых, не столь уж велико, как может показаться на первый взгляд, отличие от римских реалий. И в Риме точно так же грамотность была широко распространена, и в Риме магистраты, ведавшие судопроизводством (преторы), ежегодно сменялись. В-третьих, вряд ли следует переоценивать знание законов и правовых норм рядовыми гражданами даже наиболее продвинутых в этом плане Афин. Даже в них право никогда не было предметом организованного, правильного преподавания (будь то преподавание государственное или частное). В результате дикасты (судьи-присяжные), укомплектовывавшие многочисленные афинские судебные коллегии, отнюдь не отличались хорошим знанием законов и судили больше по «гражданской совести»⁷. На наш взгляд, при оценке серьезных различий в отношении греков и римлян к праву следует не в последнюю очередь иметь в виду особенности цивилизационного менталитета тех и других⁸.

Как бы то ни было, упомянутая несистематизированность и даже, можно сказать, аморфность греческих правовых комплексов создает серьезные трудности для их исследователей⁹. Очень сложно (подчас просто невозмож-

⁷ Jones J. W. Op. cit. P. 11. Подробнее о пороках афинского судопроизводства и правосознания см.: Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert V. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321—331; Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. №2 (5). С. 34—41.

⁸ См. об этом нюансе проблемы: Суриков И. Е. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273—288.

⁹ О проблемах и сложностях, стоящих перед исследователями греческого права, см. в наиболее обобщенной форме: Wolff H. J.

но) проводить на греческой почве грань между правом сакральным и светским, публичным и частным¹⁰. В частности, убийство вплоть до последних веков истории греческого мира относилось отнюдь не к сфере наказуемых государством преступлений, а считалось по большому счету частным делом¹¹. Чрезвычайно слабо был разработан и категориальный аппарат права. Так, даже в наиболее «продвинутом» афинском праве не была развита правильная концепция собственности и не существовало, в сущности, даже адекватного термина для ее обозначения¹².

Удивляться всему этому не приходится, если учесть, что, по сути дела, в древнегреческом языке отсутствовало даже слово, которое можно было бы без существенных оговорок перевести как «право», иными словами, которое являлось бы эквивалентом римского термина *ius*. С наибольшей степенью приближения на эту роль могло бы претендовать греч. *δίκη*, что, впрочем, чаще переводится на русский язык как «справедливость». Однако не раз уже проводившийся анализ семантики слова *δίκη* показывает¹³, что в нем имплицитно заложена идея мировой гармо-

Juristische Gräzistik — Aufgaben, Probleme, Möglichkeiten // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 1—22.

¹⁰ *Jones J. W.* Op. cit. P. 32; *Maffi A.* Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposium 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 23—53; *Hansen M. H.* Atimia in Consequence of Private Debts // Ibid. S. 113—120.

¹¹ *Mélèze Modrzejewski J.* La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3—16.

¹² *Cohen E. E.* Banking as a “Family Business”: Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 255.

¹³ О понятии *δίκη* см.: *Hirzel R.* Themis, Dike und Verwandtes: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Lpz., 1907;

нии, порядка, равновесия, нарушение которого влечет за собой неминуемое возмездие. Справедливость в греческом понимании (δίκη) контролирует даже физическую вселенную, а отнюдь не регулирует столкновения индивидуальных волей¹⁴, как римское *ius*. Δίκη — это принцип упорядоченности, регулярности, баланса. Греки наблюдали эту регулярность в мире природных явлений, и вполне естественным для них было переносить ее также на человеческий социум.

Из вышесказанного, кстати, вытекает определенный «глобализм» древнегреческого правосознания. В сущности, любое правонарушение воспринималось во всей совокупности его космических импликаций. Даже незначительное отклонение от δίκη было, как считалось, чревато подрывом той самой мировой гармонии, наносило ущерб нормальным отношениям между людьми и сверхъестественными силами, в общем, угрожало не только непосредственно пострадавшим индивидам, но и всему обществу. В наиболее заостренной форме, даже с эсхатологическими нотками этот мотив звучит, конечно, у Гесиода¹⁵, но

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 303—305; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 40 слл. Нас здесь интересует не индоевропейская этимология термина, восходящего к основе *deik, а его актуальное словоупотребление в древнегреческой традиции. О специальном и вторичном употреблении термина δίκη для обозначения частного иска в отличие от *υραφή* — иска публичного — речь в данном случае тоже не идет.

¹⁴ *Jones J. W.* Op. cit. P. 4, 17, 24—36.

¹⁵ Hes. OpP. 238 sqq. (перевод В. В. Вересаева):

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздаст по заслугам владыка Кронид дальнозоркий.
Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

нет серьезных оснований полагать, что в данном вопросе воззрения беотийского аэда сильно отличались от общераспространенных. Если учитывать при этом общую весьма значительную роль религии в жизни греческих полисов (бывало, что эта роль недооценивалась, но теперь ей, кажется, начинают воздавать должное¹⁶), то окажется вполне естественным, что религиозные воззрения пронизывали собой всю структуру греческого права.

Вот с каким правовым комплексом приходится иметь дело: с правом несистематизированным, нерerefлектированным, обладающим неразвитым категориальным аппаратом, к тому же с правом, синкретически связанным с религией и этикой, не отделенным в достаточной мере от них. Так что же, речь идет о каком-то примитивном праве? Нам меньше всего хотелось бы, чтобы у читателя составилось такое представление. В некоторых своих областях древнегреческое право достигло весьма значительной степени разработанности. В первую очередь следует сказать в данной связи о процессуальном праве. Так, аттическое право, о котором современные исследователи ос-

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.
Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.

¹⁶ Sourvinou-Inwood Chr. What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 304, 322; Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995. Passim; Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 309. Необходимо отметить, что первым в должной мере подчеркнул значение религии для всех сторон жизни античного полиса еще в XIX веке выдающийся французский ученый Н. Д. Фюстель де Куланж в классическом труде «Древняя гражданская община».

ведомлены лучше всего, характеризовалось чрезвычайным многообразием типов судебных процессов, как частного, так и публичного характера. Этих типов были, как минимум, десятки, если не сотни. Вообще систему судопроизводства в Афинах V-IV вв. до н.э. следует признать чрезвычайно развитой, даже изощренной. Дело, таким образом, не в том, что греческое право ниже по уровню развития, чем то же римское. Скорее следует говорить о двух во многом не схожих феноменах, эволюция которых в силу ряда обстоятельств шла различными путями и, соответственно, привела к неодинаковым результатам. Эту специфику, несомненно, приходится учитывать каждому, кто работает с памятниками древнегреческого права, изучает тот или иной аспект его истории.

Важным для понимания ситуации с изучением древнегреческого права является еще один нюанс. Римское право — система, действовавшая в едином могучем государстве, которое претерпело за свое тысячелетнее существование целый ряд серьезнейших перипетий, но при этом сохраняло преемственность в правовой области. И опять же в Древней Греции, которая никогда не была единым государством, всё складывалось принципиально иначе. Отдельно взятый полис являлся для греческого мира основополагающей единицей как во всех прочих отношениях, так и в сфере права. Можно сказать, что законы и иные правовые акты, существовавшие в каждом данном полисе, имели силу именно в нем и только в нем. Конечно, в этом суждении есть некоторая доля упрощения, и оно нуждается в ряде оговорок. Во-первых, в силу общности исторического развития греческих полисов, а также постоянных контактов между ними, правовые комплексы этих городов-государств обладали значительной степенью схожести, как в общих принципах, так и в отдельных деталях. Более того, известны случаи, когда свод законов, принимавшийся в одном полисе, впоследствии заимство-

вался — полностью или (чаще) частично — другими. Такова была, например, судьба кодификаций Залевка и Харонда. Во-вторых, не следует забывать о союзах полисов, в которых в той или иной мере возникала тенденция к унификации права, вплоть до создания единых, общеобязательных правовых норм. Так, в Афинской симмахии V в. до н.э. полис-гегемон силой навязывал своим более слабым союзникам законы и другие нормативные акты. В-третьих, существовало межгосударственное право, находившее отражение в договорах между равноправными полисами, в общих неписаных, но чрезвычайно авторитетных правилах поведения государств и их представителей на внешней арене в военное и мирное время и т.п.

Всё сказанное, безусловно, верно. И тем не менее полисная, партикуляристская тенденция была решительно преобладающей, в том числе и в правовой сфере. Независимость, суверенный характер власти были для полиса превыше всего. Чуть раньше приводился пример с заимствованиями показавшихся подходящими законов из одного полиса в другой. Но не следует считать, что это заимствование происходило автоматически, что законы одного полиса просто начинали действовать в другом. Это отнюдь не так: для того, чтобы «чужой» закон получил силу, он должен был стать «своим», то есть быть принятым полисными органами власти путем официальной процедуры.

Полисный характер права, о котором идет речь, имеет чрезвычайно важные импликации для его изучения. Собственно говоря, само понятие «древнегреческое право» следует признать в известной мере условным. Не было права, действовавшего во всем греческом мире; было право афинское, право спартанское, право коринфское, право какого-нибудь Флиунта, право критских полисов, право полисов Великой Греции... И далеко не о каждом из этих правовых комплексов мы вообще имеем хоть какие-то све-

дения, а сведения, которые позволяли бы составить целостную картину, — вообще лишь в единичных случаях. Исчерпывающих сведений не имеем в принципе — ни для одного полиса. Больше всего информации (по ряду причин источниковедческого характера, которые в основном общеизвестны и вряд ли нуждаются здесь в подробной характеристике) сохранилось до нашего времени, естественно, о праве Афин. Только его можно изучать с известной степенью системности. Для остальных же регионов Эллады существует лишь разрозненный материал, который дает возможность тех или иных конкретных наблюдений и выводов, но по большей части крайне затрудняет широкомасштабные обобщения. При этом следует помнить, что данные о праве одного полиса не могут быть прямо эксплицированы на другой. Иными словами, если мы получаем какой-то результат, — пусть даже совершенно неоспоримый, — на данных Афин, то этот результат и следует относить к Афинам и только к ним (во всяком случае, если нет специальных резонов считать, что это не так). Перед нами — факт афинского права, а не общегреческого. Или, если выразиться чуть точнее, факт афинского права и только как таковой, в опосредованной форме, могущий выступать как факт общегреческого права.

Можно было бы еще долго говорить о подобного же рода причудливых особенностях древнегреческого права. Но, думается, сказанного уже достаточно для того, чтобы с полным основанием утверждать: перед нами явление чрезвычайно сложное, крайне неоднородное, в недостаточной, а зачастую в неудовлетворительной степени отраженное в источниках (что приводит к фрагментированности наших знаний о нем) и потому в высшей степени сложное для исследования и комплексного анализа. Греческое право — в полном смысле слова «ускользающий феномен». Означает ли это, что следует отказаться от его изучения? Ни в коей мере. Но при подходе к нему всегда

нужно отдавать себе отчет о его перечисленных специфических чертах и учитывать возникающие в связи с ними проблемы. Ту работу систематизации и обобщения, которую в отношении римского права в значительной мере проделали сами ученые юристы Древнего Рима, для греческого права приходится выполнять современным исследователям. Но такого рода синтетический труд необходимо должен предваряться эмпирическим анализом непосредственного фактического материала по праву, происходящего из различных полисов и датирующегося различными эпохами. Пока что мы еще в основном на этой эмпирической стадии. И коль скоро это так, при работе с правовыми памятниками греков надлежит помнить еще о нескольких обстоятельствах, которые мы здесь лишь очень кратко охарактеризуем.

Первое. Блестящая полисная цивилизация I тыс. до н.э. возникла не на пустом месте. Ей предшествовала цивилизация крито-микенская, существовавшая в предшествовавшем тысячелетии в том же географическом ареале. Вопрос о соотношении двух великих цивилизаций, последовательно возникших на земле Эллады, очень сложен и, разумеется, не может быть сколько-нибудь подробно затронут в данном контексте. По целому ряду важных параметров греческое общество архаической и классической эпох не было похоже на ахейскую Грецию; в некоторых сферах жизни, бесспорно, наблюдается разрыв преемственности (этот аспект проблемы особенно подчеркивают в своих работах Ю. В. Андреев, В. П. Яйленко). Однако разрыв, по нашему мнению, не следует абсолютизировать и преувеличивать. Необходимо помнить и об ином — об имевшем место континуитете в области языка, религии и мифологии, генеалогической традиции и т.д. (моменты континуитета между греческой цивилизацией II и I тыс. до н.э. справедливо оттеняются в исследованиях Т. В. Блаватской, А. А. Молчанова). Для историка, занимающегося

правовой проблематикой, сказанное знаменательно прежде всего в том отношении, что напоминает: историю древнегреческого права не следует начинать, как это чаще всего делается, со знаменитой сцены суда у Гомера (в описании щита Ахилла, II.XVIII.497 sq.)¹⁷. Греческое право началось значительно раньше, в мире дворцовых царств Крита и микенского Пелопоннеса¹⁸. Эти царства, создавшие развитую административно-бюрократическую систему с письменностью, иерархией, налогами и всеми другими признаками сложившейся государственности, безусловно, не могли обходиться без права. Пусть мы почти ничего не знаем об этом древнейшем греческом праве (больше всего дает семантический анализ некоторых лексем на табличках линейного В, имеющих отношение к юридическим процедурам), но сомневаться в том, что оно было, не приходится. И эти первые на греческой почве достижения в правовой сфере далеко не во всем оказались забыты впоследствии, в период «темных веков».

Можно упомянуть в данной связи хотя бы о ситуации, сложившейся на Крите. Этот остров после крушения ахейской цивилизации в принципе стал глухой провинцией греческого мира, заповедником архаичных форм социальной и политической организации. Создается впечатление, что общественная жизнь на Крите как бы застыла в неподвижности, и это, между прочим, способствовало сохранению минойского и микенского наследия. Ученых не раз приводил в удивление тот факт, что не какой-нибудь из самых развитых регионов греческого мира, а именно «отсталый» Крит может в наибольшей степени претендо-

¹⁷ Интересную интерпретацию этой сцены см.: *Bonner R. J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V. 2. Chicago, 1938. P. 117 f.

¹⁸ Ср.: *Effenterre H. van.* Droit et prédroit en Grèce depuis le déchiffrement du linéaire B // Symposium 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 3—6.

вать на роль «колыбели» законодательства архаической эпохи. Самые ранние своды письменных законов были созданы (в VII, а, пожалуй, уже и в VIII в. до н.э.) в полисах Крита и уже оттуда переняты государствами материковой Греции¹⁹. Для Крита вообще характерно огромное по греческим меркам количество документов, имеющих отношение к праву, многие из которых демонстрирует владение достаточно развитой юридической терминологией²⁰. Не будем забывать и о том, что самый крупный памятник древнегреческого права, наиболее обширный из сводов законов — так называемая «Гортинская правда» (V в. до н.э.) — тоже издан именно на Крите, и это, надо полагать, не случайно. Почему же не Афины, не Коринф, не Милет, а «захолустная» периферийная Гортина? Многого встанет на свои места, если мы учтем, что Крит уже во II тысячелетии до н.э. славился как родина прекрасных законов, а его легендарный царь Минос получил в традицию репутацию древнейшего и замечательного законодателя²¹. Думается, есть все основания говорить о продолжении старинных традиций, об определенном континуитете в правовой сфере. В эпоху становления полиса критяне, создавая законодательные кодексы, начинали не с нуля, а опирались на достижения своих далеких предков.

Второе. Пусть не покажется банальностью настоятельное требование исторического подхода к изучению фак-

¹⁹ Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 B. C.* L. — N. Y., 1996. P. 186.

²⁰ Effenterre M. van. Ein neues Gesetz aus den archaischen Kreta // *Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1989. S. 23—27; Effenterre H. van. Criminal Law in Archaic Crete // *Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1991. S. 83—86.

²¹ Молчанов А. А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 129 слл.

тов, норм и памятников древнегреческого права. Это означает, что каждое анализируемое событие, имеющее отношение к правовой истории (принятие свода законов или отдельного закона, важный судебный процесс, о котором сохранилась обильная и достоверная информация в источниках) должно рассматриваться не изолированно, а в максимально возможной степени браться в историческом контексте, как синхронном, так и диахронном. Увы, временами контекстом пренебрегают, что ведет к неполному или превратному пониманию юридических фактов. Особенно часто это случается, когда по проблематике древнегреческого права пишет не историк, а юрист. Каким бы крупным специалистом в своей области он ни был, он не застрахован от опасности неисторического подхода к исследуемому вопросу²². Порой проводятся конкретные параллели между греческим и римским правом, иногда полезные, но в других случаях только дезориентирующие. В 1970-х годах, когда в Европе началась активизация интереса к древнегреческому праву (с периодичностью раз в несколько лет стали проводиться конференции по его проблемам, выпускались по их итогам сборники «Symposion») такого рода издержки встречались достаточно часто; ныне же от них в основном избавились.

При этом следует подчеркнуть: контекст изучаемого факта правовой истории должен определяться объективно и непредвзято, а не реконструироваться ученым на базе собственных или чьих-либо других априорных построений. Так, в работах, где заходит речь о раннем греческом законодательстве, оно нередко рассматривается как некий промежуточный этап борьбы между правящей аристокра-

²² Например: *Talamanca M. Giuridico paragrafico ed ammissibilità dell'azione nel sistema processuale attico // Symposion 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 125—129.* М. Таламанка — весьма крупный юрист, специалист по римскому праву.

тией и добивающимся улучшения своего положения демосом, как ступень на пути к демократии, то есть в известной мере телеологически (сказанное в особенной мере относится к отечественному антиковедению). На наш взгляд, здесь имеет место определенное упрощение исторического контекста, приводящее к его искажению, к модернизации античности, к произвольной интерпретации выборочно подбираемых свидетельств источников. Был ли в VII в. до н.э., когда начали появляться своды письменных законов, демос настолько весомой и сознательной политической силой, чтобы влиять на принятие таких важных решений? Позволим себе в этом усомниться. На протяжении большей части архаической эпохи политическая борьба развертывалась в достаточно узком кругу аристократической элиты, а демос в основном был ее пассивным свидетелем. Раннее греческое законодательство, таким образом, со значительно бóльшим успехом может быть трактовано именно в контексте межаристократической борьбы (подробнее об этом будет говориться ниже). Мы привели лишь один пример, демонстрирующий необходимость внимательного учета реального (а не воображаемого) исторического контекста при изучении древнегреческого права. Такого рода примеров на самом деле значительно больше.

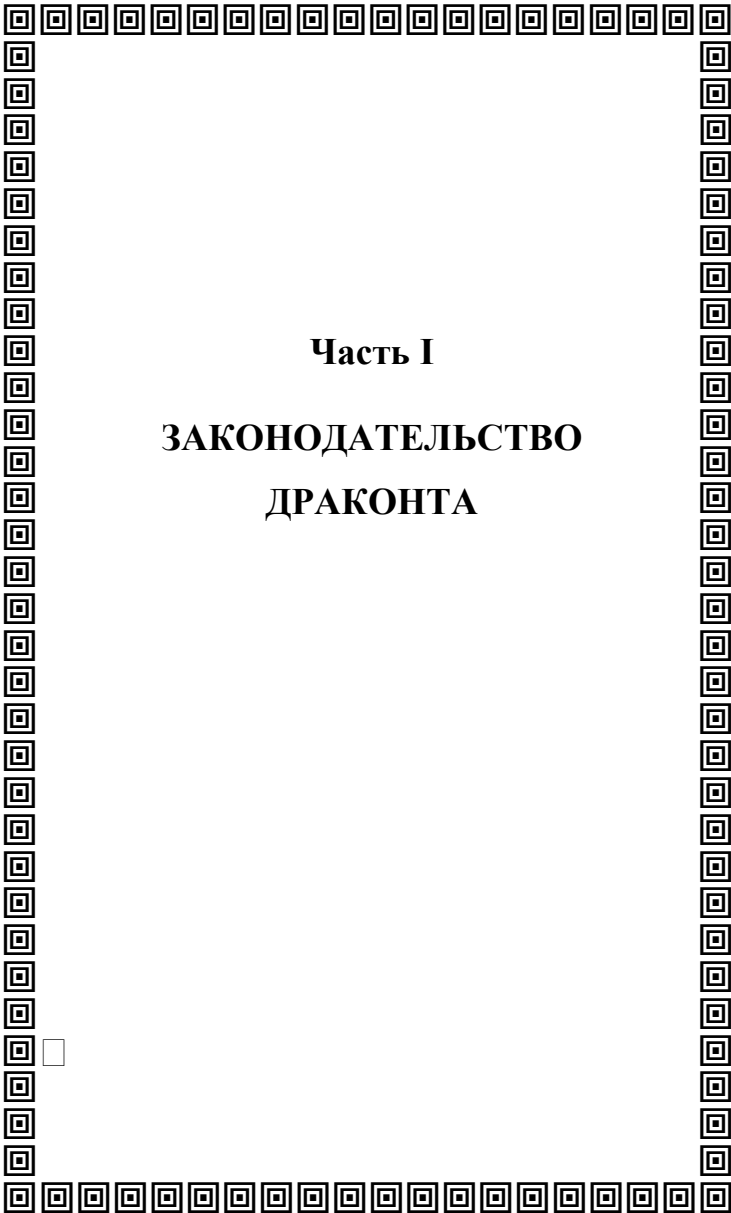
Третье. Справедливо отмечалось²³, что стержнем всего бытия древнегреческого полиса была политическая жизнь, властные отношения. Наверное, в истории человечества не было второго столь же политизированного общества, как древнегреческое в его лучшую пору. Право было столь же тесно связано с политикой и не может поэтому изучаться в отрыве от нее. Порой даже практически невозможно провести четкую грань между этими двумя сферами. И это, бесспорно, всегда надлежит учитывать.

²³ *Murray O. Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Aristotle. Oxf., 1991. P. 19.*

* * *

В последние годы можно говорить о начале возрождения в нашей стране добрых традиций дореволюционной русской школы изучения римского права. В области права греческого пока, к сожалению, перспективы не столь радужны. В отечественном антиковедении оно всегда изучалось в высшей степени спорадически, так что о складывании каких-то особых традиций в этой области говорить не приходится. Предлагаемая вниманию читателей книга — фактически одна из первых попыток осветить некоторые аспекты историко-правовой проблематики греческого мира.

Автор вполне осознает, что эта попытка не могла еще — на нынешнем уровне изучения греческого права — быть всеобъемлющей, целостной, лишенной пробелов, приводящей к какому-то единому, синтетическому взгляду на право Древней Эллады. Всё это — дело будущего. Хотелось бы надеяться, что выход книги в какой-то степени послужит стимулом для дальнейшей активизации исследования «ускользающего феномена».

Часть I
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ДРАКОНТА

□

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Уникальность афинского полиса в греческом мире выразилась, помимо прочих многочисленных обстоятельств, еще и в том факте, что в архаическую эпоху, когда передовые государства Эллады пережили своеобразный «законодательный бум», Афины — и, насколько известно, только они — стали ареной действия *двух* законодателей, местом письменной фиксации *двух* следовавших друг за другом с незначительным хронологическим разрывом законодательств. Причина этой необычной ситуации, возможно, станет нам ясна в ходе исследования, пока же отметим, что если первый из этих двух законодателей — Драконт — представляется фигурой, в общем, стандартной для своего времени, равно как и его деятельность не имеет значительных отличий от мероприятий его «коллег» из других городов, то со вторым — Солоном — дело обстоит совсем иначе. Этот последний был, безусловно, одной из самых ярких личностей во всей античной истории и уж во всяком случае не имевшей себе равных в архаической Греции по разносторонности и одновременной гармоничности своих проявлений. Уникальная деятельность Солона не стала определяющей для последующей политической, социальной, идейной эволюции Афин в той мере, в какой могла бы, лишь по той причине, что он, судя по всему, существенно опередил свое время.

Предметом анализа в дальнейшем станет именно законодательная деятельность Драконта и Солона, естественно, не во всём своем объеме — такая задача потребовала бы многократно большего по объему исследования, — а в ряде представляющихся нам важными и недостаточно изученными предшествующей историографией аспектов.

Законодательство Драконта (621 г. до н.э.) хронологически не является самым первым в греческом мире эпохи архаики. Ему несомненно предшествовала во времени деятельность таких номофетов, как Залевк в Великой Греции, Филолай в Фивах; к более раннему времени, судя по всему, относится и составление первых письменных законов в полисах Крита, который вообще можно считать «колыбелью» законотворчества в Элладе¹. Однако древнейшая кодификация права в Афинах не может не привлекать оправданного внимания антиковедов в связи с рядом обстоятельств. Во-первых, важно уже то, что речь идет именно об Афинах, то есть о полисе, сыгравшем в античной истории уникальную роль. Вполне понятно стремление узнать как можно больше о начальных, еще тонущих в полутьме легенды фактах общественно-политической жизни «города Паллады».

¹ О наиболее ранних греческих законах и сводах законов см.: *Gehrke H.-J. Der Nomosbegriff der Polis // Nomos und Gesetz: Ursprünge und Wirkungen des griechischen Gesetzesdenkens. Göttingen, 1995. S. 14 ff.* Специально о законодательстве Залевка см.: *Строгоцкий В. М. Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда // Античность, средние века и Новое время. Социально-политические и этно-культурные процессы. Нижний Новгород, 1997. С. 68—78.* О законодательстве Филолая: *Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 74—93.* О раннем критском законодательстве см.: *Effenterre M. van. Op. cit; Effenterre H. van. Criminal Law... О Крите как колыбели греческого законодательства см.: Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c.700—500 B. C. L., 1978. P. 76.*

Во-вторых, в силу счастливого стечения обстоятельств законодательство Драконта можно изучать не только по скудным и неясным сообщениям поздних авторов (а именно так обстоит дело с остальными раннегреческими номофетами — Залевком, Харондом, Филолаем и др., исключая разве что Солон, традиция о котором значительно обильнее), но также по дошедшему до нас уникальному эпиграфическому памятнику (IG.I³.104) — копии закона об убийстве (περὶ τοῦ φόβου), местами даже неплохо сохранившейся². В ходе дискуссий об «отеческом государственном устройстве» в конце V — начале IV вв. до н.э. интерес к драконтовскому законодательству, к тому времени уже полузабытому, значительно возрос. Очевидно, с этим и было связано предпринятое по решению народного собрания в 409/8 г. копирование вышеупомянутого закона с пришедших в негодность деревянных аксонов³ на каменную стелу. Сомневаться в абсолютной верности копии оригиналу нет оснований: об этом говорит, в числе прочего, архаичность лексики сохранившегося текста закона⁴.

Таким образом, в нашем распоряжении наряду с данными нарративной традиции, в которой в течение ее многовекового бытования были возможны и даже неизбежны aberrации, находится безусловно аутентичный источник, от которого и следует отталкиваться при исследовании драконтовского законодательства, по возможности поверяя содержащейся в нем информацией все прочие сведе-

² Лучшее, прямо-таки образцовое издание этого памятника см. в книге: *Stroud R. S. Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968.

³ Об аксонах см. специальное исследование: *Stroud R. S. The Axones and Kytbeis of Drakon and Solon*. Berkeley, 1979.

⁴ В частности, в нем употреблены термины родства γαμβρός и πειθερός, в классическую эпоху уже вышедшие в Афинах из употребления и замененные более широким κηδεστής.

ния по данной теме. В связи с этим представляется необходимым прежде всего привести текст и перевод закона Драконта⁵.

10 πρῶτος ἄχσων.

καὶ ἑὰμ μὲ ἕκ [π]ρονοία[ς] [κ]τήνει τις τινα, φεύγειν δι-
 κάζειν δὲ τὸς βασιλέας αἰτιῶν φόβ[ο]ς] ε.....17.....ε [β]ολ-
 εύσαντα· τὸς δὲ ἐφέτας διαγν[ο]μί[α]. [α]ιδέσασθαι δ', ἑὰμ μὲν πατέρ]ρ ἕ-
 ι ἔ ἀδελφ[ο]ς] ἔ ἡυῆς, ἡάπαντα]ς, ἔ τὸν κολλούοντα κρατέν· ἐὰν δὲ μὲ]ρ ἡοῦ-
 15 τοι ὄσι, μέχρ' ἀνεφ[ο]σί]ότετος καὶ [ἀ]νεφ[ο]σί, ἐὰν ἡάπαντες αἰδέσ]α[σ]-
 θαι ἐθέλοσι, τὸν κολλ[ο]ν[ο]ν]τα κρατέν· ἐὰν δὲ τούτον μεδὲ ἡῆς ἕι, κτ[η]-

⁵ Текст приводится по изданию: *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C.* Revised ed. Oxf., 1989. P. 264—265 (No.86). Мейггс и Льюис, в свою очередь, опираются на реконструкции Страуда. Ввиду остающегося желать лучшего состояния памятника таких реконструкций оказывается довольно много, однако практически все они вполне надежны, поскольку издатели принимают во внимание многочисленные цитаты из закона, встречающиеся у афинских ораторов. За ненадобностью мы не приводим текст преамбулы 409/8 г., составляющей начальную часть надписи (ст.1—9). В преамбуле после упоминания имен архонта, секретарей, эпистата и автора предложения (имя последнего не сохранилось; одно из возможных восстановлений — Ксенофан) и обычной формулы ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δημῷ следует указание специальным должностным лицам (οἱ ἀναγραφεῖς τῶν νόμων), получив вместе с секретарем Совета текст закона Драконта об убийстве у архонта-басилея, зафиксировать его на каменной стеле и выставить перед «царской стоей»; полетам предписывается заключить контракт на эту работу в соответствии с законом, а эллиноتامиям — предоставить денежные средства. Последний пункт сам по себе достаточно интересен: он свидетельствует о том, что сохранность интересующего нас закона рассматривалось как дело, важное для всей Афинской архэ. Алфавит надписи — аттический; приводя текст закона, мы сохраняем его особенности, но при дальнейшем цитировании в интересах удобства восприятия будем придерживаться более привычного ионийского алфавита.

νει δὲ ἄκοιν], γῆσι δὲ ἡοῖ πεντέκοντα καὶ ἡς ἡοὶ ἐφέται ἄκοιν]α
 κτέναι, ἐσέσθωιν δὲ ἡοὶ φιλότεροι, ἐὰν ἐθέλωσι, δέκα· τούτος δὲ ἡο-
 ι πεντέκοιν]τα καὶ ἡς ἀριστ]ίνδεν χαιρέσθων. καὶ ἡοὶ δὲ πρότε[ρ]-
 20 ον κτέν[α]ίντ[ε]ς ἐν] τῷιδε τῷ θεσμοῖ ἐνεχέσθων. προειπῆν δὲ τῷ κ-
 τένα]ιτι ἐν ἀγορᾷ μέρχ' ἀνεφισότητος καὶ ανεφισοῦ· συνδιόκειν
 δὲ [κἀνεφισιδὸς καὶ ἀνεφισιδὸν παῖδας καὶ γαμβρὸς καὶ πευθερὸς κ-
 αὶ φιλ[ι]ο[ρ]ας36.....]αῖτι-
 ος [ἔ]ι] φόνο26..... τὸς πεντέκοιν]τα καὶ
 25 ἡένα42..... φόνο
 ἡέλωσι35..... ἐὰν δὲ [τ]ις τ-
 ὶν ἀνδρ[ο]φόνον κτένει ἔ αῖτιος ἔι φόνο, ἀπεχόμενον ἀγορᾶς ἐφο-
 ρί[α]ς κ[α]ὶ [ἄ]θλων καὶ ἱερῶν Ἀμφικτυονικῶν ὅσπερ τὸν Ἀθην[α]ίων κ-
 [τένα]ι]τα ἐν τοῖς αὐτοῖς ἐνέχεσθαι, διαγιγνώσκειν δὲ τὸς ἐ[φ]έταις].

Перевод: «Первый аксон. И если⁶ один человек убьет другого неумышленно, он должен уйти в изгнание. Басилей же⁷ должны судить виновного в убийстве... организовавшего его⁸; эфеты же должны расследовать дело. Если у убитого есть отец, брат или сыновья, примириться с убий-

⁶ Пока даем условный, наиболее нейтральный перевод конструкции καὶ ἐὰν. О ее более точном значении в данном контексте см. ниже.

⁷ Имеются в виду архонт-басилей и четыре филобасилея (главы доклисфеновых ионийских фил в Афинах).

⁸ Предлагались следующие варианты заполнения лакуны в ст. 12: ἔ [ἐὰν τις αἰτιᾶται ἡος βου]λέσαντα — «или если кто обвиняет его как организовавшего убийство»; ἔ [τὸν αὐτόχερα ἔ τὸν βου]λέσαντα — «или совершившего его собственноручно, или организовавшего». Оба варианта реконструкции порождают трудности эпиграфического характера и, следовательно, не могут быть приняты в чистом виде; но более удовлетворительный смысл дает второй вариант, который, таким образом, оказывается ближе к истине. О различии в раннем аттическом праве между собственноручным убийством и организацией убийства см.: *Thür G. The Jurisdiction of the Areopagos in Homicide Cases // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hel- lenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 53—72.*

цей⁹ они могут только все в совокупности; в случае несогласия кого-либо из них его мнение должно иметь решающую силу. Если же таковых нет, примиряться должны родственники убитого вплоть до двоюродных братьев¹⁰, если все они желают примирения; в случае несогласия кого-либо из них его мнение должно иметь решающую силу¹¹. Если же нет и таких родственников, убийство же совершено неумышленно, что установлено коллегией из 51 эфета, простить убийцу могут, если пожелают, десять членов фратрии¹², которых должна избрать из числа наиболее знатных коллегия из 51 [эфета — *И. С.*]. Совершившие убийство ранее должны подпадать под действие этого закона. Объявить убийцу на агоре¹³ должны родственники убитого, включая двоюродных братьев. Участвовать в судебном преследовании убийцы должны также двоюродные братья и их дети, зятья, тести, члены фратрии... Виновен в убийстве... пятьдесят одного... будет уличен в убийстве... Если же кто-либо убьет убийцу, не пересекающего границ агоры¹⁴, не участвующего в состоя-

⁹ Речь идет о прощении убийцы родственниками убитого за выкуп.

¹⁰ Впрочем, греческие слова ἀνεψιότης и ἀνεψιός имеют довольно расплывчатое значение и не обязательно должны относиться именно к двоюродным братьям. Скорее всего, здесь в общих выражениях определяется степень родства, которой касается вопрос о примирении.

¹¹ В ст. 16 предлагался также другой вариант восстановления вместо τὸν κολλύου[τα κρατῆν] — τὸν ἡ[όρ]κλον [ὀμόσαντας] («принеся клятву»).

¹² Имеется в виду фратрия, к которой принадлежал убитый.

¹³ Непосредственно после убийства родственники убитого должны были объявить на агоре имя предполагаемого убийцы; с этого момента до судебного процесса обвиняемому запрещалось появляться в священных местах полиса.

¹⁴ Агора считалась сакральным пространством, и поэтому ее пределы были маркированы специальными пограничными камнями (ὄροι).

заниях и не посещающего амфикионовских святилищ, или окажется виновным в его убийстве, такой человек подлежит такому же наказанию, как убивший афинянина; расследовать дело должны эфеты».

В остальной части довольно обширной надписи читаются лишь отдельные слова и обрывки фраз: ст. 30—31 — τῆι ἐμεδ[ατῆι] («на родной земле»); ст. 33—34 — [ἀρχον]τα χε[ρ]ῶν ἀ[δίκου] («первым несправедливо начавшего рукоприкладство»)¹⁵; ст. 34—35 — [τ]ὸν ἄδικον κ[τ]έ[ν]ει («убьет обидчика»); ст. 35—36 — διαγιγνώσκ[ε]ν δὲ τὸς ἐ[φ]έτας («расследовать же должны эфеты»). В ст. 36—39 благодаря привлечению данных ораторов удастся реконструировать еще один осмысленный пассаж: |εις ἔ ἐλεύθε[ρ]ος ἔι καὶ ἔαν ἄγοντα ἔ έροντα βίαι ἀδικῶς εὐθὺς] ἀμυνόμενης κτέ[ν]ει |ε[ποινὲ τεθνάναι20.....] ΣΕΧΟΝΤΟΒ[ΙΑΝ..Α — «...или свободный»¹⁶; и если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости, причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не требует наказания...», далее — не дающий удовлетворительного смысла в своем нынешнем состоянии набор букв. Наконец, значительно ниже, в ст. 56, Страуд смог прочесть слова [δευ]τέρος [ἄχου] («второй аксон»), начертанные, как и заголовок первого аксона, более крупным шрифтом, нежели основной текст.

В ограниченных рамках данной работы вряд ли уместен подробный историографический очерк. Тем не менее пред-

¹⁵ Речь идет о том, что убийство, совершенное при самообороне, не подлежит наказанию.

¹⁶ Очевидно, в данной части закона устанавливалось одинаковое наказание для убийцы вне зависимости от того, был ли он рабом или свободным. Возможно и другое понимание — убийство раба ведет к такому же судебному преследованию, как и убийство свободного (*Шишова И. А.* Ук. соч. С. 57), что, впрочем, представляется нам менее вероятным.

ставляется необходимым хотя бы в нескольких словах упомянуть об основных точках зрения на законодательство Драконта, высказывавшихся в последние годы. В отечественной историографии эта тема затрагивалась в основном в общих работах по истории Греции архаической эпохи, хотя и не во всех¹⁷. Так, Э. Д. Фролов, исследуя «первоначальную законодательную реформу» в греческих полисах и посвящая в связи с этим краткий пассаж деятельности Драконта¹⁸, пишет о том, что его законодательство, «надо думать, отражало стремление формирующейся демократии ограничить твердо фиксированными правовыми нормами самоуправство правящей знати». Этот тезис вызывает у нас серьезные сомнения, поскольку говорить о «формирующейся демократии» в Афинах VII в. до н.э., по меньшей мере, слишком рано. В монографии И. А. Шишовой, одной из главных тем которой является как раз раннее греческое законодательство, также весьма кратко говорится о Драконте (в основном развиваются мысли Э. Д. Фролова со ссылками на него), причем некритически повторяются уже многие десятилетия кочующие из работы в работу, но, как мы увидим далее, довольно спорные положения о введении первого свода писаных законов как уступке евпатридов народным массам «под натиском демоса», о наличии в этом своде законов об охране частной собственности и т. п.¹⁹ Г. Т. Залюбовина обращает особенное внимание на то, что в законах Драконта проводилось различие между различными видами убийства (умышленным, неумышленным, убийством на законном

¹⁷ Так, В. П. Яйленко в монографии, специально посвященной этому историческому периоду (*Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990), активно привлекая, в числе прочего, афинский материал, тем не менее совершенно не касается драконтовского законодательства.

¹⁸ *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. М., 1988. С. 131.

¹⁹ *Шишова И. А.* Ук. соч. С. 56—57.

основании) и справедливо видит в этом «вмешательство полиса в дело кровной мести»²⁰. Слишком категорично, на наш взгляд, высказывание, согласно которому «реформы Драконта» знаменовали отмену в Афинах кровной мести²¹, тем более что ему противоречит содержащееся чуть ниже мнение, что злонамеренный убийца по этим законам передавался родственникам убитого для совершения мести²². В целом деятельность Драконта осмысляется, как и в вышеуказанных работах, в рамках борьбы демоса против привилегий аристократии²³. Иными словами, в российском антиковедении и по сей день бытуют в отношении законодательства Драконта некоторые устоявшиеся штампы, не вполне соответствующие истинному положению вещей. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что специально заниматься этим событием афинской истории не доводилось никому из наших ученых.

В то же время в западной науке об античности в последние десятилетия появился целый ряд серьезных работ, во многом заставляющих по-новому осмыслить рассматриваемую нами тему. Так, Э. Рушенбуш исследовал становление античной нарративной традиции о законодательстве Драконта, а также значение этого законодательства для становления афинского полиса²⁴. Д. Макдауэлл

²⁰ Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А. Кровная месть у древних греков и германцев. М., 1993. С. 43—44 (главы о древних греках в этом издании написаны Г. Т. Залюбовиной).

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 44.

²³ Там же. С. 18.

²⁴ *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts V. Chr. // *Historia*. 1958. Bd. 7. Ht. 4. S. 398—424; *idem.* ΦΟΝΟΣ. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden des athenischen Staates // *Historia*. 1960. Bd. 9. Ht. 2. S. 129—154.

проанализировал случаи применения закона Драконта об убийстве в Афинах классической эпохи, взяв в качестве основного источника судебные речи аттических ораторов²⁵. Р. Страуд, как уже говорилось выше, с максимально возможной полнотой восстановил текст закона и рассмотрел ряд сопутствующих проблем²⁶. М. Гагарин предложил оригинальную и кажущуюся нам глубоко верной интерпретацию некоторых формулировок закона²⁷, о чем подробнее будет сказано ниже. Из исследований самого последнего времени нельзя не упомянуть чрезвычайно интересную статью известной исследовательницы древнегреческого общества и культуры С. Хамфрис, в которой предпринимается попытка реконструировать исторический контекст законодательства Драконта об убийстве²⁸.

Именно вопросы исторического контекста первой афинской письменной кодификации права в первую очередь будут нас интересовать в рамках данной статьи. При этом речь пойдет о контексте не столько общегреческом, сколько конкретно афинском. С первым всё более или менее ясно; нет никакого сомнения, что законодательная деятельность Драконта, действительно проходившая в общем русле «первоначальной законодательной реформы» (здесь абсолютно прав Э. Д. Фролов), осуществлявшейся

²⁵ *MacDowell D. M. Athenian Homicide Law in the Age of the Orators. Manchester, 1963.*

²⁶ *Stroud R. S. Drakon's Law...* См. также: *idem. Aristotle and Athenian Homicide // Aristote et Athenes. P., 1993. P. 203—221* (рассматривается применение законодательства об убийстве в Афинах в эпоху Аристотеля и отражение этих сюжетов в «Афинской политике»).

²⁷ *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981.*

²⁸ *Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17—45.*

в ту же эпоху в целом ряде полисов, была обусловлена целым рядом объективных факторов, в значительной мере общих для большинства передовых регионов Эллады. Однако несомненно и то, что, помимо факторов общего порядка (письменная фиксация хотя бы каких-то частей устного обычного права в любом случае очень скоро должна была встать «на повестке дня»), существовал и более непосредственный повод законодательства Драконта, который должен был заключаться в обострении внутренней напряженности. Каковы же были причины и характер этого обострения? На наш взгляд, вряд ли правомерно обращать внимание лишь на его социальную сторону, говорить в данной связи преимущественно о борьбе аристократии и демоса. Конечно же, нельзя отрицать того факта, что демос в результате кодификации Драконта в некоторой степени избавился от всевластия евпатридской знати, полностью державшей до того в своих руках толкование неписаных правовых норм. Не следует, пожалуй, лишь преувеличивать значение этого факта²⁹. Вряд ли в VII в. до н.э. сколько-нибудь заметная доля рядовых аттических крестьян владела искусством грамотности и могла прочесть что-либо на драконтовских аксонах³⁰. Да и пред-

²⁹ Ср.: *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies // *Social Struggles in Archaic Rome*. Berkeley, 1986. P. 262—300. В этой работе обосновывается тезис о том, что раннее греческое законодательство являлось не «уступкой» демосу, а, напротив, реакцией на его движение, что оно осуществлялось в интересах аристократии и имело целью укрепить на правовом уровне существующие социальные отношения. Автор отмечает, что в Афинах времен Драконта и Солона мы не встречаем требований кодификации права, исходящих от народных масс.

³⁰ Резкий и быстрый рост количества грамотных среди афинских граждан наблюдается лишь после установления демократии в результате клисфеновских реформ. Впрочем, в современном западном антиковедении появилась тенденция преуменьшать

назначались законы скорее не для них, а для судей (архонтов, филобасилеев, ареопагитов, эфетов), которые в рассматриваемую эпоху все без исключения происходили из числа аристократов. При проведении самого этого мероприятия — записи законодательства об убийстве — голос демоса не мог играть решающую роль еще и потому, что тематика зафиксированного письменно закона ближайшим образом касалась интересов аристократических родов, активно практиковавших обычай кровной мести, но вряд ли имела прямое отношение к повседневной жизни незнатного гражданина, не входившего в систему родов, не являвшегося геннетом³¹. Нам представляется, таким образом, что коллизии межаристократических отношений должны были оказать на появление первого афинского законодательства значительно большее влияние, нежели какие-либо иные обстоятельства³².

значение грамотности даже в классических Афинах (ср.: *Harris W. V. Ancient Literacy*. Cambridge Mass., 1989. P. 54—55; *Hedrick C. W. Writing and the Athenian Democracy // The Birth of Democracy*. Athens, 1993. P. 7—11), которая отнюдь не представляется нам плодотворной (для более взвешенной оценки количества грамотных см.: *Harvey F. D. Literacy in the Athenian Democracy // REG*. 1966. V. 79. P. 585—635; *Burns A. Athenian Literacy in the Fifth Century B. C. // Journal of the History of Ideas*. 1981. V. 42. No. 3. P. 371—382) и к тому же противоречит историческим фактам, в том числе такому, как существование института остракизма, предполагавшего, хотя бы теоретически, поголовное знание азов грамоты всеми членами гражданского коллектива. Но в VII в. до н.э. ситуация, повторим, была совсем иной.

³¹ О геннетах в Афинах см.: *Littman R. J. Kinship and Politics in Athens 600—400 B. C.* N. Y., 1990. P. 15 ff.

³² Характерен пример Крита, где законодательная деятельность в архаическую эпоху была весьма интенсивной. При этом в критских полисах, насколько можно судить, демократические элементы никогда не были особенно сильны и социальная борьба внутри гражданского коллектива в силу ряда причин, в том

За некоторое время (скорее всего, за пятнадцать лет) до того, как экзегет Драконт, избранный архонтом-фесмофетом (Paus.IX.36.8), осуществил письменную фиксацию закона об убийстве³³, в Афинах произошла так называемая

числе из-за наличия зависимых работников (кларотов) тормозилась и не достигала значительного накала. Иными словами, прямого соотношения между письменной фиксацией законов и противостоянием аристократии и демоса не обнаруживается.

³³ О полномочиях фесмофетов по фиксации правовых норм см.: *Gagarin M. The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // TAPhA. 1981. V. 111. P. 71—77.* О способе избрания архонтов в досолоновых Афинах см.: *Arist.Ath.pol.8.2* (избрание членами Ареопага). О Драконте как экзегете см.: *Нукитский А. В. Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т.13. С. 601—614.* В целом об экзегетах наиболее подробно см. в исследованиях: *Oliver J. H. The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law. Baltimore, 1950. Passim* (впрочем, автор этой работы исходит из ошибочной, на наш взгляд, посылки, согласно которой коллегия экзегетов появилась в Афинах лишь в IV в. до н.э.); *Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 26 ff.* В афинском полисе было три вида экзегетов: экзегеты-пифохресты (назначавшиеся с санкции Дельфийского оракула и толковавшие его прорицания), экзегеты из Евмолпидов (в их прерогативы входили вопросы, связанные с элевсинским культом) и экзегеты из евпатридов (полномочия последних были довольно широкими и для нас не вполне ясны; помимо прочего, они давали толкования обычаев, связанных с ритуальными очищениями). Драконт не мог быть пифохрестом (эта религиозная магистратура была установлена в Афинах не ранее, чем при Солоне, см.: *Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 38 ff.; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Oxf., 1956. V. 1. P. 110—112; Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 131;* ко времени же Драконта дружественные отношения между Афинами и Дельфами еще не установились, см.: *Daux G. Athènes et Delphes // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge Mass., 1940. P. 37 ss.*); не

мая «Килонова смута»³⁴. Мятеж, поднятый олимпионом Килоном с целью захвата тиранической власти, потерпел полное фиаско, а его участники были перебиты по приказу афинских властей и при активном участии аристократического рода Алкмеонидов, глава которого Мегакл занимал в это время пост архонта-эпонима. Однако разыгравшийся в Афинах стасис на этом отнюдь не закончился, а, напротив, начал приобретать всё более острые формы. В этих-то условиях и выступил на сцену Драконт.

Многие исследователи истории архаических Афин совершенно справедливо подчеркивали, что близость по времени мятежа Килона и составления первого свода законов в Афинах не может быть простым совпадением³⁵,

принадлежал он и к Евмолпидам. Судя по всему, первый афинский законодатель являлся экзегетом из евпатридов. То, что он входил в состав евпатридской знати, несомненно из факта его архонства. Возможно даже, что он (как предположил А. В. Никитский) происходил из аристократического рода, специально называвшегося Евпатридами.

³⁴ Подробнее об этом событии афинской истории см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 78—124. Обоснование его датировки 636 г. до н.э. см.: Там же. С. 33—36. Датировки, относящие мятеж Килона ко времени после законодательства Драконта (например: *Costanzi V.* Cyloniana // *RFIC.* 1902. V. 30. Fasc. 4. P. 558—566; *De Sanctis G.* Atthis: Storia della repubblica ateniese dalle origini alla età di Pericle. Firenze, 1975³. P. 355—366; *Seeck O.* Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. VI. Der Kylonische Frevel // *Klio.* 1904. Bd. 4. S. 318—326; *Cornelius F.* Die Tyrannis in Athen. München, 1929. S. 36 ff.; *Lévy E.* Notes sur la chronologie athénienne au VIe siècle. I. Cylon // *Historia.* 1978. Bd. 27. Ht. 4. S. 513—521), не выдержали критики и были отвергнуты.

³⁵ *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952. P. 86—87; *Ruschenbusch E.* ΦΟΝΟΣ... S. 147; *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democ-

хотя были и попытки отрицать непосредственную связь между этими событиями³⁶. В связи с этим встает вопрос: какие конкретно силы были в последней трети VII в. до н.э. заинтересованы в письменной фиксации законодательства об убийстве? В частности, какую позицию по отношению к такой фиксации могли занять Алкмеониды, во главе которых, насколько можно судить, по-прежнему стоял тот же Мегакл (I), руководивший подавлением мятежа и убийством мятежников? Высказывалось мнение, что законодательство Драконта стало возможным благодаря изгнанию Алкмеонидов, которые, таким образом, причислялись к противникам законов³⁷. Нам, однако, представляется более обоснованной позиция тех исследователей³⁸, которые зачисляют Алкмеонидов в сторонники законодательства Драконта, демонстрируя те выгоды, которые предоставляло последнее для этого рода. Для решения этого вопроса следует иметь в виду несколько взаимосвязанных обстоятельств. Прежде всего, ближайшей целью первого афинского законодательства было пресечение кровной мести между аристократическими родами,

расу: The Character of Greek Politics, 800—400 B. C. L., 1966. P. 146; *Stroud R. S.* Drakon's Law... P. 70—74; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700—338 B. C. Berkeley, 1976. P. 105—106; *Jeffery L. H.* Op. cit. P. 87—89; *Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P. 120; *Blickman D. R.* The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // Classical Journal. 1986. V. 81. No. 3. P. 200—201; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 60; *Humphreys S.* Op. cit. P. 20; *Фролов Э. Д.* Ук. соч. С. 131.

³⁶ *Gagarin M.* Drakon.... P. 19—21.

³⁷ *Колобова К. М.* Возникновение и развитие Афинского государства. Л., 1958. С. 15—17.

³⁸ *Stroud R. S.* Drakon's Law... P. 70—74; *Littman R. J.* Op. cit. P. 59; *Stanton G. R.* Athenian Politics c. 800—500 B. C.: A Sourcebook. L. — N. Y., 1991. P. 26.

распространение которой грозило стабильности полиса, да и самому его существованию.

Законодательство Драконта в значительной мере подорвало корни варварского обычая не санкционированной государством кровной мести, заменив последнюю правильным судебным процессом. Конечно, нельзя говорить о том, что кровная месть была полностью отменена. Ее осуществление сохраняло законную силу для некоторых частных случаев (например, если убийца отказывался удалиться в изгнание или возвращался в Аттику, не достигнув предварительного примирения с родственниками жертвы). Но тем не менее в целом вооруженные конфликты, терзавшие афинский полис, принимавшие одновременно личный и политический характер, приводившие к новым и новым убийствам, отныне запрещались, становились противозаконными. И это не могло не устраивать в первую очередь Алкмеонидов, страдавших от мести со стороны родственников убитых мятежников (Plut.Sol.12).

Не менее важным для них был и другой факт. Если закон об убийстве и не давал точного определения этого преступления (этого было бы и странно ожидать на столь ранней стадии развития правовой мысли³⁹), то, во всяком случае, он, отграничивая умышленное убийство от неумышленного, одновременно выделял, как можно видеть из приведенных выше ст. 36—39, *оправданное* убийство, совершившие которое лица освобождались от ответственности⁴⁰. Именно под эту последнюю категорию (пусть даже и с некоторой натяжкой) подпадали действия Алкмеонидов при подавлении мятежа Килона. Не случайно впо-

³⁹ Впрочем, категориальный аппарат греческого права всегда оставался слабо разработанным и практически не дифференцированным (см.: Суриков И. Е. Камень и глина... С. 281).

⁴⁰ Почти исчерпывающий перечень случаев, когда убийство не влекло за собой ответственности, см.: Bonner R. J., Smith G. Op. cit. V. 2. P. 203.

следствии на состоявшемся ок.615 г. до н.э. суде над членами этого рода против них было выдвинуто обвинение не в убийстве, а в религиозном преступлении (ἀσέβεια), и судила их не какая-либо из древних коллегий, традиционно ведавших делами об убийствах (Ареопаг, эфеты в Дельфинии и Паллади), а специально сформированный для этого случая экстраординарный орган (Arist.Ath.pol.1; Plut.Sol.12).

Говоря о законодательстве Драконта, следует иметь в виду еще одно обстоятельство. На наш взгляд, С.Хамфрис имеет определенные основания утверждать, что Драконт вообще не подверг письменной фиксации никаких законов, кроме законов об убийстве (точнее, одного большого закона, состоящего из ряда параграфов). В ином случае было бы не вполне понятно, почему через каких-нибудь два десятилетия Солону пришлось вводить совершенно новый кодекс⁴¹. Аристотель (Ath.pol.7.1) и Плутарх (Sol.17) говорят, что Солон отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве⁴². Но неужели за такой краткий срок ситуация в Аттике настолько радикально изменилась, что побуждала к почти полному пересмотру *всего* свода законов? Другие примеры такого полного пересмотра в греческом мире нам неизвестны. Не будем забывать и о том, что некоторые законы Солона, например: «Кто выколет глаз одноглазому, тому за это выколоть оба глаза», «Чего не клал, того не бери, а иначе смерть» (Diog. Laert.I.57), «Невесте перед тем, как запереть ее с женихом, давать поесть айвы» (Plut.Sol.20) и т.п. — никак не производят впечатления «ав-

⁴¹ Humphreys S. C. Op. cit. P. 18.

⁴² Arist.Ath.pol.7.1: «Государственный строй, который установил Солон, и законы, которые он издал, были новые; законы же Драконта перестали применять, за исключением законов об убийствах». Plut.Sol.17: «Итак, Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве; он сделал это ввиду жесткости их и строгости наказаний».

торского творчества» великого законодателя. Это, конечно же, архаичнейшие нормы обычного права, уходящие корнями едва ли не в глубины первобытности и в неизменном виде вошедшие в солоновский корпус, который, таким образом, отнюдь не был новым, написанным афинским мудрецом специально для того, чтобы заменить «устаревшие» законы Драконта. Гораздо резоннее предположить, что последние касались *только* убийства, и именно поэтому через достаточно короткий срок Солон должен был кодифицировать остальные сферы обычного права для регулирования иного рода жизненных ситуаций.

Стало быть, пресловутые законы, охраняющие частную собственность и карающие посягательство на нее смертью, являются позднейшей фикцией? В принципе, это нельзя считать исключенным. Известно, что в политической публицистике V—IV вв. до н.э. фигура Драконта, как и других ранних деятелей афинской истории, подверглась значительной мифологизации⁴³. Первому афинскому законодателю был приписан целый ряд мер, никакого отношения к нему не имевших. Безусловно фиктивной является, например, знаменитая «конституция Драконта» (Arist. Ath. pol.4), имеющая характер цензовой политики и измышленная, скорее всего, автором какого-то памфлета эпохи Пелопоннесской войны, последний период которой ознаменовался олигархическими переворотами Четырехсот и Тридцати и общим нарастанием интереса к «отеческому государственному устройству». И тем не менее даже такой критичный ум, как Аристотель, не распознал этой фальсификации и уже после завершения своего трактата о государственном устройстве Афин «задним числом» ввел туда сведения об этой «конституции»⁴⁴.

⁴³ См. наиболее подробно: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ...

⁴⁴ *Fritz K. von.* The Composition of Aristotle's Constitution of Athens and the So-called Dracontian Constitution // *CIPh.* 1954. V. 49.

И всё же нам кажется, что в традиции, приписывавшей Драконту смертную казнь за кражу, есть зерно истины. Здесь можно говорить скорее не о фикции, а о неточном понимании афинянами классической эпохи одного из положений драконтовского закона об убийстве. Это положение, находившееся ближе к концу эпитафической копии (ст.36—39) и потому очень плохо сохранившееся, но выполняемое из цитаты у Демосфена (XXIII.60), звучит так: «Если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости (под эту категорию подпадают и воры, точнее, грабители — *И. С.*), причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не требует наказания (*νηπιονεῖ τεθνάναι*)⁴⁵. Убивший грабителя не нес никакой ответственности. Это-то и могло впоследствии восприниматься как смертная казнь за воровство.

Еще один интересный вопрос связан со структурой текста закона Драконта. До недавнего времени считалось, что до нас дошел лишь закон о неумышленном убийстве. Указывалось при этом, что текст первого аксона непосред-

No.2. P. 73—93; *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 75 (Рушенбуш считает, что непосредственным источником главы о «конституции Драконта» послужило для Аристотеля сочинение Деметрия Фалерского *Περὶ τῶν Ἀθηναίων πολιτείων*, появившееся в середине 320-х гг.). Об использовании Аристотелем в «Афинской политике» олигархических «конституций» эпохи Пелопоннеской войны (т. е. теоретических трактатов и памфлетов конституционного содержания) см.: *Ruzé F.* Les oligarques et leurs “constitutions” dans l’*Athênaiôn Politeia* // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 185—201.

⁴⁵ Об этом выражении см.: *Velissaropoulos-Karakostas J.* *Νηπιονεῖ τεθνάναι* // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 94—105.

ственно после преамбулы конца V в. начинался словами: καὶ ἔαν μὴ ἔκ προνοίας κτείνῃ τίς τινα, φεύγειν. Иными словами, возникало впечатление, что перед нами — не начало закона (καὶ!), а его продолжение. Однако такое толкование ставило перед исследователями кажущиеся неразрешимыми проблемы. Где же тогда закон об *умышленном* убийстве? Может быть, он шел после закона о неумышленном? Или такой закон вообще не был записан Драконтом? Или он был впоследствии отменен, перестал применяться, утратил силу, заменен другим? Все эти предположения выдвигались, но сразу же отвергались как не подкрепленные данными источников, да и попросту противоречащие элементарной логике.

Блестящий, на наш взгляд, выход из положения предложил М.Гагарин. Он очень убедительно показал, что сохранившийся закон относился не только к неумышленному убийству, но и ко всем видам этого преступления. В частности, им было продемонстрировано, что конструкция καὶ ἔαν должна переводиться не «и если», а скорее «даже если» (в противном случае в начале фразы стояло бы не καὶ ἔαν, а ἔαν δὲ)⁴⁶. Таким образом, начало закона звучало так: «*Даже если* один человек убьет другого неумышленно, он должен уйти в изгнание». Имплицитно предполагалось, что в случае умышленного убийства преступник должен тем более поступить так же. Следовательно, наказанием и за умышленное, и за неумышленное убийство по закону Драконта в равной степени было изгнание (а не смертная казнь!).

Но как же быть с вошедшей в поговорку суровостью «драконовского» законодательства, которое, если верить поздним авторам, будто бы предусматривало смертную казнь почти за все преступления, будь то кража чужих овощей, праздность или убийство (Plut.Sol.17)? Впрочем, не говоря уже о том, что само наличие в кодексе Дракон-

⁴⁶ Gagarin M. Drakon... P. 65—101.

та отдельных законов о краже и тем более о праздности, как было сказано чуть выше, вызывает серьезные сомнения⁴⁷, позволительно усомниться и в том, были ли первые афинские законы действительно столь уж недифференцированными. Что это не вполне так — понимали уже некоторые античные авторы (например, Paus.IX.36,8: «Когда же впоследствии Драконт писал афинянам свои законы, то в его законах... были установлены случаи, когда убийство не влечет за собой уголовной ответственности»). Они указывали, что Драконт различал умышленное и неумышленное убийство, проявляя к ним разное отношение (Dem.XXI.43: «К тем же, кто совершил убийство нечаянно, они [законы] допускают вполне гуманное отношение и даже могут простить их»), ввел категорию оправданного или дозволенного убийства (Dem.IX.44: «В законах об убийствах есть оговорка насчет таких лиц, для которых в случае их убийства законодатель не допускает судебного разбирательства, но которых считает позволительным убить»); XX.158: «Драконт... установил в законодательном порядке случаи, при которых убийство разрешено»), даже предоставил убийце некий минимум правовых гарантий (Dem.XXIII.28: «Подвергать же пыткам его [убийцу] не разрешается, как не разрешается и взыскивать с него выкуп или требовать от него двойного возмещения стоимости вреда, причиненного им»). Как мы теперь видим, эпиграфический текст закона об убийстве тоже не дает повода говорить о какой-то особой «суровости»: помимо того, что в качестве наказания предлагается не смерть, а изгнание, еще и настойчиво рекомендуется примирение родственников жертвы и убийцы. Таким образом, жестокость драконтовских законов была, очевидно, сильно преувеличена аристократической традицией: в VII в. до н.э. родо-

⁴⁷ Уже античные авторы колебались, приписать ли закон о праздности Драконту, Солону или даже Писистрату (Theophr. fr.99 Wimmer; Plut.Sol.31; Diog.Laert.I.55).

вая знать уже в самом появлении писанных законов, ограничивавших ее всевластие при толковании устного права, видела ситуацию весьма для себя неблагоприятную⁴⁸.

Тем не менее, остается не снятым вопрос о том, почему же за убийство (и умышленное, и неумышленное) Драконт предписал изгнание, а не смерть. Ответить на него можно, на наш взгляд, лишь учитывая специфику менталитета греков архаической эпохи. Убийство, считавшееся, в принципе, частным, а не государственным преступлением⁴⁹ (впрочем, частным в рассматриваемый период скорее для родов, чем для отдельных лиц), затрагивало тем не менее также и интересы полиса, но лишь постольку, поскольку оно было религиозным феноменом. Правда, в исследовательской литературе имела место дискуссия, присутствует ли в законе Драконта об убийстве понятие о религиозной оскверненности⁵⁰, хотя нам, откровенно говоря, не вполне понятен ее пафос и, в частности, причина отрицания такими видными специалистами по греческому праву, как Д.Макдауэлл и М.Гагарин, наличия этой категории в первом афинском законодательстве. Достаточно посмотреть на текст сохранившейся копии закона. В нем ясно указано (ст.26—29), что одной из мер, направленных против убийцы, является запрещение ему посещать агору, состязания и святыни (или священнодействия — ἱερά), связанные с амфиктионией; в случае выполнения им этих предписаний он не подлежал кровной

⁴⁸ Суриков И. Е. О некоторых особенностях... С. 35—36.

⁴⁹ Bonner R. J., Smith G. Op. cit. V. 2. P. 207 ff.; Méléze Modrzejewski J. Op. cit.

⁵⁰ Отрицают наличие категории скверны у Драконта: MacDowell D. M. Op. cit. P. 142; Gagarin M. Drakon... P. 165—167; Parker R. Op. cit. P. 115—116. Признают наличие этой категории: Bonner R. J., Smith G. Op. cit. V. 1 Chicago, 1930. P. 153; Blickman D. R. Op. cit. P. 200 f.; Frost F. J. The Rural Demes of Attica // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 173.

мести. Таким образом, убийца отстранялся от святынь (в том числе от сакрального пространства агоры), вне сомнения, с целью предотвратить их осквернение. Таким образом, представление о скверне, порождаемой кровопролитием, у Драконта налицо.

Убийство, иными словами, создавало такую ситуацию, когда на полисной земле оказывался «оскверненный» индивид — источник некоей магической «заразы» для окружающих⁵¹. Как следовало поступить с таким индивидом? Оставить его совершенно безнаказанным было, конечно, невозможно: это *ipso facto* создало бы угрозу осквернения для всех его сограждан, для всего полиса. Но ответ на убийство новым убийством (в виде казни) тоже был не оптимальным решением проблемы: на смену старому возникал новый источник скверны⁵². Самым лучшим в подобном положении казалось именно *изгнание* убийцы, удаление его за пределы страны. Такой выход и ликвидировал непосредственную опасность для государства, и в то же время не приводил к новой насильственной смерти. Убийца, спокойно живущий где-то далеко от Аттики и не претендующий на возвращение, как справедливо замечает С.Хамфрис, не представлял для законодателя никакой проблемы⁵³. Потому дошедший до нас закон Драконта и дела-

⁵¹ О понятии скверны в древнегреческой религии см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 227—238 (с указаниями на предшествующую литературу).

⁵² К идее о том, что государство, как учреждение, санкционированное богами, может своей властью снять скверну убийства (наиболее ярко эта идея проявилась в «Эвменидах» Эсхила), афиняне VII в. до н.э., конечно, еще не пришли. К истории формирования этого воззрения см.: Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т.1. М., 1916³. С. 1—44.

⁵³ *Humphreys S. C. Op. cit.* P. 36. Конечно, умышленный убийца, не желавший уходить в изгнание или самовольно возвращавшийся из него на родину, подлежал смерти. Таким обра-

ет особый акцент на более сложных и неоднозначных ситуациях, таких, как неумышленное убийство.

Первое афинское законодательство не должно рассматриваться телеологически, как стадия в прогрессивной эволюции некой «правовой идеи». Драконт не знал и не мог знать, что в достаточно скором времени за его законами последуют законы Солона. Он не задавался целью не только составить целостный свод обычного права, но даже и осветить в равной степени все аспекты или нюансы того преступления, которому были посвящены его законы, и наказания за него. Строго говоря, законодатель вообще не предписал никакого наказания за убийство. Он устанавливал условия изгнания и примирения, иными словами, ставил проявления кровной мести под контроль государства (но не отменял этот институт совершенно). Что, пожалуй, самое важное, — Драконт связывал всех жителей Аттики некими общеобязательными процедурами, необходимыми для ликвидации «скверны», вызванной убийством, поскольку, повторим, божественное наказание могло обрушиться на страну в целом⁵⁴. Вводить же какие-то санкции со стороны полиса за совершенное преступление не входило в его задачу.

Законы Драконта — не «уголовный кодекс» и даже не часть такового, а конкретный продукт конкретной эпохи, письменная фиксация древнего обычая, причем лишь в тех его пунктах, которые вызвали сомнение и требовали разъяснения и уточнения⁵⁵. Последний аспект важно спе-

зом, смертная казнь за убийство в Афинах всё-таки существовала, но существовала скорее *de facto*, нежели *de iure*. Именно так следует понимать некоторые пассажи Демосфена (XXI.43; XXIII.28—31).

⁵⁴ *Frost F. J. Op. cit. P. 173.* О необходимости освобождения полиса от скверны убийства см. также: *MacDowell D. M. Op. cit. P. 3—5.*

⁵⁵ *Mélèze Modrzejewski J. Op. cit. P. 8—9; Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 70.*

циально подчеркнуть, поскольку он редко принимается во внимание. Именно уточнение спорных вопросов, связанных с убийством и его последствиями, вопросов, которые стали особенно животрепещущими в период внутрисполитических конфликтов, последовавших за подавлением Килонова мятежа (Plut.Sol.12), стало, на наш взгляд, основной целью рассматриваемой кодификации. И такое уточнение было произведено: в законе оговаривалось, что даже неумышленный убийца не может принуждать родственников жертвы к примирению, которое должно быть результатом добровольного согласия на строго определенных условиях (ст.13—19); что убийца, покинувший пределы Аттики, защищен от кровной мести (ст.26—29); что отдельные, специально оговоренные случаи убийства не влекут за собой отмщения (ст.36—39); разграничивалась компетенция «царей» (архонта-басилея и филобасилеев) и эфетов при проведении следствия и суда (ст.11—13), устанавливалась ретроактивная сила ряда положений закона (ст.19—20) и т.п. В сущности, мы имеем дело с кропотливой работой экзегета, с помощью различных приемов толкования разъясняющего положения обычного права, ставшие с течением времени темными и малопонятными даже для аристократов-судей. Перед Драконтом, в отличие от Солона, отнюдь не стояла задача создать что-то принципиально новое; он не был реформатором. В частности, не приходится сомневаться в том, что система афинских судов по делам об убийствах (Ареопаг, Дельфиний, Палладий, Фреатто, Пританей) существовала задолго до Драконта, сложившись исторически, в течение веков⁵⁶;

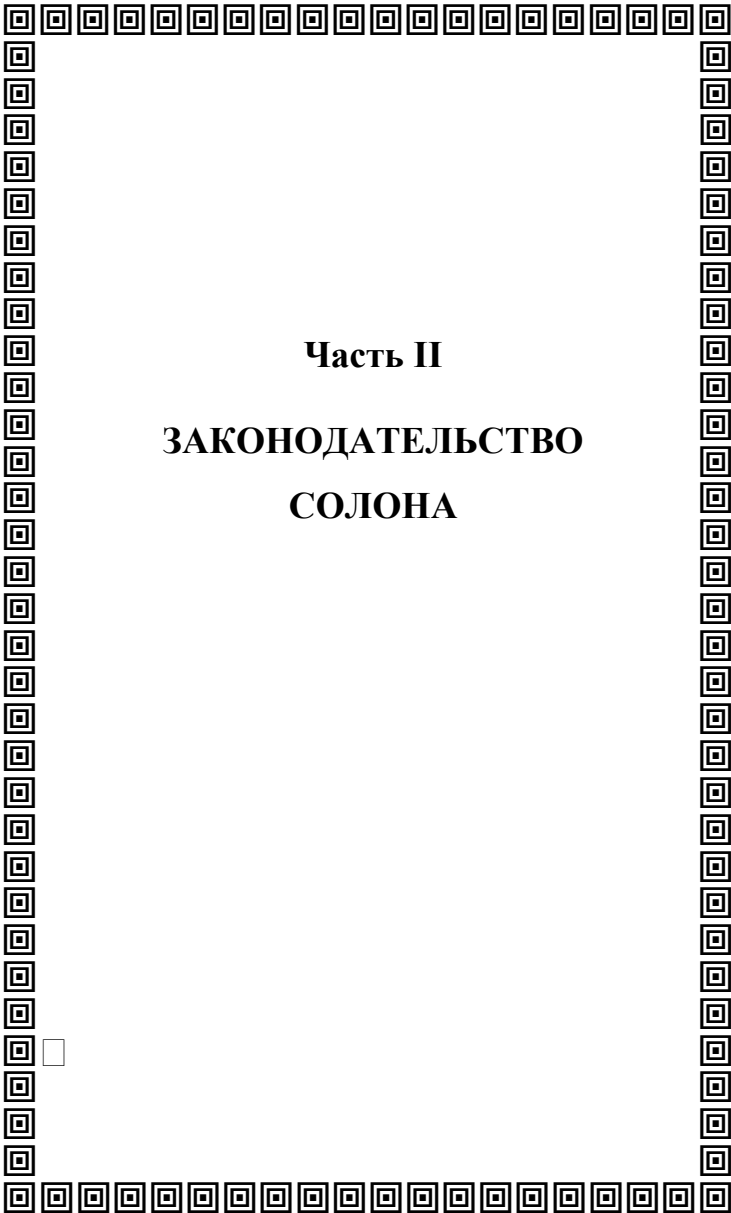
⁵⁶ Литература об этих афинских судебных коллегиях, особенно об Ареопаге, достаточно обширна. См. из последних работ: *Sealey R.* The Athenian Courts for Homicide // *ClPh.* 1983. V. 78. No. 4. P. 275—296; *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B. C. Baltimore, 1989; *Ostwald M.* The Areopagus in the Ἀθηναίων πολιτεία // *Aristote et Athènes.* P., 1993. P. 141—153;

равным образом и коллегия эфетов была учреждена не этим законодателем, а ранее. Собственно, античные авторы ничего подобного Драконту и не приписывают, да и в эпиграфическом тексте закона о такого рода нововведениях не говорится.

В заключение автору хотелось бы подчеркнуть: он вполне осознает, что многие из высказанных выше положений могут показаться читателю спорными. В них действительно немало гипотетичного, и мы ни в коей мере не настаиваем на их безусловной истинности. Нами была принята лишь одна из возможных попыток интерпретации драконтовского законодательства. При том, что она, насколько можно судить, имеет право на существование, разумеется, отнюдь не следует отвергать и иных подходов к исследованию этого факта ранней истории Афин. Кроме того, вышесказанное вовсе не должно принизить в наших глазах кодификацию афинского права Драконтом. При всей конкретности и ограниченности стоявших перед законодателем задач, несмотря на его сознательную ориентацию в сторону традиции, а не инновации, это мероприятие знаменательно уже тем, что оно стало первым на афинской почве шагом от «предправа» (термин введен Луи Жерне) к праву в собственном смысле слова⁵⁷ и, таким образом, внесло исключительно важный вклад в процесс складывания полиса, впоследствии не знавшего себе равных по темпам развития в Греции.

Boegehold A. L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, et Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995. P. 43—50; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. №1. С. 23—40.

⁵⁷ О понятии «предправа» (prédroit) применительно к античной Греции см.: *Gernet L.* Droit et institutions en Grèce antique. P., 1982. P. 7—119.

Часть II
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
СОЛОНА

□

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

О Солоне — даже в сугубо научной работе — трудно говорить без восхищения, граничащего с изумлением. Его имя по справедливости стало одним из самых славных в древнегреческой истории. Законодатель и мудрец, поэт и путешественник, воин и дипломат, первый в ряду «отцов-основателей» афинской демократии... Его удивительно разносторонняя личность и многогранная деятельность уже в античности вызывали оживленный интерес¹. Авторитет Солона был настолько велик, что к нему сплошь и рядом прибегали (другой вопрос, насколько обоснованно) политики, идеологи, публицисты, ораторы для подкрепления тех или иных поддерживаемых ими взглядов, особенно в связи с *πάτριος πολιτεία*, основные черты которой оказывались неразрывно связаны с фигурой этого деятеля. В данном отношении Солон можно сопоставить, пожалуй, лишь с мифическими или полумифическими реформаторами глубокой древности (Тесеем, Ликургом), да еще, может быть, с Гомером, который также был последним авторитетом во многих сферах жизни.

¹ Из важнейших работ, в которых анализируется античная традиция о Солоне и его законодательстве см.: *Ленцман Я. А.* Достоверность античной традиции о Солоне // *Древний мир.* М., 1962. С. 579—586; *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ... S. 399—408; *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene.* 1973. V. 11. P. 31—65.

В наши дни Солон тоже отнюдь нельзя назвать забытым или малопопулярным представителем античной истории. Достаточно сказать, что в науке XX в. мало кому из афинских политиков (разве что Периклу) было посвящено большее количество монографических исследований, чем ему. Еще в первой половине столетия вышли книги И. Линфорта, У. Вудхауза², которым, впрочем, была свойственна определенная неполнота: так, Линфорт основывался исключительно на стихотворных свидетельствах самого законодателя и сознательно не брал в расчет более поздние источники, считая их недостоверными, а Вудхауз ограничился рассмотрением вопросов, связанных с экономическими реформами Солон и их историческим контекстом. В течение последующих десятилетий появился ряд книг, в которых предпринимались попытки рассмотреть деятельность законодателя в более целостной форме, учитывая по возможности все ее аспекты и все отразившие ее свидетельства (К. Хённ, А. Масараккья, Дж. Феррара, В. Эренберг, П. Олива и др.³). Колоссальную и чрезвычайно важную работу проделали Э. Рушенбуш и А. Мартина, собравшие и систематизировавшие информацию о деятельности и законах Солон, содержащуюся в античной традиции⁴.

Помимо работ общих, фундаментальных, существует весьма значительное количество статей о Солоне. Однако в этой области даже невооруженным взглядом прослежи-

² *Linforth I. M. Solon the Athenian.* Berkeley, 1919; *Woodhouse W. S. Solon the Liberator.* Repr. ed. N. Y., 1965 (первое издание книги Вудхауза вышло в 1938 г.).

³ *Hönn K. Solon: Staatsmann und Weiser.* Wien, 1948; *Masarakchia A. Solone.* Firenze, 1958; *Ferrara G. La politica di Solone.* Napoli, 1964; *Ehrenberg V. From Solon to Socrates.* L., 1968; *Oliva P. Solón.* Praha, 1971.

⁴ *Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte.* Wiesbaden, 1966; *Martina A. Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera.* R., 1968.

вается определенный дисбаланс. Очень обширна литература по социально-экономическим аспектам деятельности реформатора⁵. Не упускаются из внимания и его нововведения в политической сфере⁶. На этом фоне неоправданно пренебрегаемой оказывается религиозная, культовая сторона солоновской законодательной реформы. Этой проблематики специально касается, пожалуй, разве что одна довольно давняя работа Ф. Якоби⁷.

⁵ См., например: *Cavaignac E.* Les classes soloniennes et la répartition de la richesse à Athènes // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1911. Bd.9. S. 1—30; *Lewis N.* Solon's Agrarian Legislation // *AJPh*. 1941. V. 62. No.2. P. 144—156; *Thiel J. H.* On Solon's System of Property-Classes // *Mnemosyne*. 1950. T.3. Fasc. 1. P. 1—11; *French A.* The Economic Background to Solon's Reforms // *CIQ*. 1956. V. 6. No.1/2. P. 11—25; *Hammond N. G. L.* Land Tenure in Attica and Solon's Seisachtheia // *JHS*. 1961. V. 81. P. 76—98; *Càssola F.* Solone, la terra e gli ectemori // *Parola del passato*. 1964. Fasc.94. P. 26—68; *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1969. Bd.19. S. 7—24; *Will E.* Soloniana // *REG*. 1969. V. 82. P. 104—116; *Skydsgaard J. E.* Solon's Tele and the Agrarian History // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen*. Aarhus, 1988. P. 50—54; *Harris E. M.* A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.-N. Y., 1997. P. 103—112; *Horsmann G.* Athens Weg zur eigenen Währung: Der Zusammenhang der metrologischen Reform Solons mit der timokratischen // *Historia*. 2000. Bd. 49. Ht. 3. S. 259—277.

⁶ Например: *Lavagnini B.* Solone e il voto obbligatorio // *Rivista di filologia classica*. 1947. V. 25. Fasc. 1/2. P. 81—93; *Hopper R. J.* The Solonian "Crisis" // *Ancient Society and Institutions*. Oxf. 1966. P. 139—146; *Ellis J. R., Stanton G. R.* Factional Conflict and Solon's Reforms // *Phoenix*. 1968. V. 22. No. 2. P. 95—110; *Goldstein J. A.* Solon's Law for an Activist Citizenry // *Historia*. 1972. Bd. 21. Ht. 4. S. 538—545; *French A.* Solon's Act of Mediation // *Antichthon*. 1984. V. 18. P. 1—12; *Pecorella Longo Ch.* Sulla legge "Soloniana" contro la neutralità // *Historia*. 1988. Bd. 37. Ht. 3. S. 374—379.

⁷ *Jacoby F.* ΓΕΝΕΣΙΑ. A Forgotten Festival of the Dead // *CIQ*. 1944. V. 38. No. 3/4. P. 65—75.

В последнее время в западной историографии вообще наблюдается парадоксальная ситуация, вроде бы свидетельствующая о снижении интереса к Солону: количество исследований о нем несколько уменьшилось. Означает ли это, что тема исчерпана и закрыта, что для связанных с ней проблем подысканы убедительные и непротиворечивые решения? Отнюдь нет, скорее наоборот: насколько можно судить, в определенной мере наступает признание недостаточной плодотворности, если не тупиковости, предыдущей работы в этом направлении. Целый ряд общих трудов по истории архаической Греции в целом и Афин в частности, вышедших в во второй половине XX столетия и серьезно подорвавших традиционные представления об эволюции социальных и политических отношений в них, но, в общем-то, не предложивших альтернативной целостной и взаимосвязанной реконструкции⁸, стал причиной того, что мы сейчас знаем об этой эпохе не больше, а меньше, чем знали (или считали, что знают) ученые предшествующих поколений. Вопросы явно преобладают над ответами, загадки — над разгадками. В результате ныне, чтобы всерьез заняться Солоном и его временем, нужна даже некоторая дерзость. Писать о нем так, как писали еще несколько десятков лет назад (веря в массовую задолженность крестьян и их обезземеливание в Аттике конца VII в. до н.э., где не было еще ни стенохории, ни денег, ни значительного имущественного расслоения, говоря о борьбе демоса с аристократией за власть в условиях, когда этот самый демос не имел ни организации, ни самостоятельных осознанных целей и двигался всецело в русле соперничества аристократических политических группировок, слепо веря всему, что сообщают о Солоне Аристотель или тем более Плутарх, отделенные от него веками), уже решительно невозможно. Но как писать? А вот

⁸ Критический анализ важнейших из этих трудов (Финли, Старра и др.) см.: *Фролов Э. Д.* Ук. соч. С. 18 слл.

этого, похоже, пока никто не знает. Старые подходы в известной мере дискредитированы, новые еще не обрели права на существование. Не удивительно, что всё меньше находится желающих обращаться к данному сюжету.

Следует сказать, что российского антиковедения эта «переоценка ценностей» во взглядах на Солона практически не коснулась. Впрочем, у нас об этом законодательстве тоже предпочитают не писать, видимо, осознавая или ощущая сопряженные с этим сложности. Монографических исследований, посвященных Солону, на русском языке нет. Наиболее значимые статьи о нем выходили уже довольно давно, в 1930-е — 1950-е гг.⁹, и к настоящее-

⁹ Колобова К. М. Революция Солона // Ученые записки ЛГУ. № 39. Л., 1939. С. 25—72; Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Там же. С. 73—88; Ленцман Я. А. Рабы в законах Солона: к вопросу о достоверности античной традиции // ВДИ. 1958. № 4. С. 51—69. Одним из немногих ученых, который специально занимался деятельностью Солона позже, был В. В. Горовой (например: Горовой В. В. Солон и формирование политического опыта античной демократии // Античность и современность: Доклады конференции. М., 1991. С. 45—50; он же. Солон и гектеморы: к вопросу о форме денежной системы в Афинах // Античность и общечеловеческие ценности. Вып. 4. Алматы, 1996. С. 38—41), работы которого, посвященные архаической Греции, небезынтересны по задумке, но много теряют в силу крайне невразумительного характера изложения. См. также: Касаткина Н. А. Солон Афинский и остров Саламин // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59—70. Названные статьи довольно узки по тематике. Автору этих строк также доводилось писать о Солоне. См., в частности: Суриков И. Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72—79; он же. Из истории греческой аристократии... С. 133 слл.; он же. Эволюция религиозного сознания... С. 64 слл.; он же. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // ДП. 2002. № 1 (9). С. 8—21; он же. Солон и Дельфы // *Studia historica*. Т. 3. М., 2003. С. 38—52; он же. Ав-

му времени, при всех их достоинствах, просто не могли не устареть. На этих работах лежит несомненная печать эпохи, в которую они создавались: для них характерна, например, острая дискуссия о том, считать ли Солона «революционером» или «контрреволюционером»¹⁰, и т.п. К тому же тематика указанных статей — тоже исключительно социально-экономическая и политическая. В последние годы деятельность Солона затрагивалась в упоминавшихся нами выше отечественных исследованиях об архаической Греции. Так, Э. Д. Фролов высказал продуктивную мысль о Солоне как реформаторе, стремившемся к компромиссу между различными слоями общества для достижения единства, стабильности полиса¹¹; И. А. Шишова кратко остановилась на реформах Солона в контексте демократизации афинского полиса¹². Во всех упомянутых работах, как и в большинстве зарубежных, религиозный аспект солоновских преобразований практически никак не освещается, всецело отходя на задний план по сравнению с аспектами социально-экономическим и политическим.

В принципе, в этом нет ничего трагичного. Напротив, отрадно, что хотя бы какие-то стороны законодательной реформы Солона подвергаются всё более полному научному анализу. Однако в разрозненном изучении отдельных аспектов феномена, искусственно отрываемых друг от друга, в результате чего остаются швы и пробелы, коренится опасность потерять самого Солона, дух его деятельности, который в равной степени органично проявился на всех ее уровнях. Еще К. М. Колобова указывала на теснейшую связь всех солоновских реформ между собою: любая из них естественно вызывала к жизни и осталь-

торское начало в лирике Солона // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. М., 2003. С. 235—240.

¹⁰ Первого мнения придерживалась К. М. Колобова, второго — С. Я. Лурье.

¹¹ Фролов Э. Д. Ук. соч. С. 131—135.

¹² Шишова И. А. Ук. соч. С. 58—62.

ные¹³. Ту же мысль о единстве, целостности, гармоничности (при всём многообразии проявлений) личности и деятельности Солона ярко выразил Виктор Эренберг: «Солон был поэтом и государственным деятелем, он — первый греческий политик, по-прежнему обращающийся к нам. В его личности отразился целостный аспект культуры его времени, неразрывная связь между искусством и политикой, между словом и делом. Единство греческой жизни проявилось в человеке, который писал элегии ионийским диалектом и размером, который любил блага жизни и страстно любил свой город, который твердо верил в водительство богов и в то же время создавал политические, социальные и экономические проблемы, стоявшие на повестке дня, и смело проектировал их решение»¹⁴.

В этом гармоничном единстве, в этой цельности своё немаловажное место занимал и религиозный аспект. Ф. Якоби отмечал, что реформы в области культа — неотъемлемая часть общей программы Солона¹⁵. Еще более категоричен К.Хёни: «Только религия дает окончательное понимание личности и деятельности Солона»¹⁶.

Насколько справедливо такое утверждение? Дать убедительный ответ на этот вопрос будет возможно только после скрупулезного исследования всех солоновских мероприятий, имеющих отношение к религии, выявления религиозной составляющей даже там, где она не очевидна, имплицитна. Во всяком случае, уже заведомо можно сказать, что пренебрежение ролью религии в мировоззрении, политике, даже экономике архаической Греции вряд ли уместно, если мы действительно хотим реконструировать объективную, свободную от издержек модернизаторства картину этой эпохи.

¹³ Колобова К. М. Революция Солона... С. 29.

¹⁴ Ehrenberg V. Op. cit. P. 1.

¹⁵ Jacoby F. ΓΕΝΕΣΙΑ... P. 69.

¹⁶ Hönn K. Op. cit. S. 71.

Безусловно, данная работа не может претендовать на раскрытие во всей полноте религиозного содержания законодательных реформ Солона. Автору приходится ставить перед собой значительно более скромные и конкретные задачи. Мы планируем положить лишь несколько кирпичиков в фундамент будущего здания, рассмотреть и попытаться решить лишь некоторые взаимосвязанные вопросы, непосредственно порождаемые темой «Солон и религия» и при этом не являвшиеся еще (или почти не являвшиеся) предметом анализа в специальных исследованиях. Один из таких вопросов касается взаимоотношений Солона с крупнейшим греческим святилищем — храмом Аполлона в Дельфах, характера этих взаимоотношений, их возможной эволюции, их отражения в законодательстве, политической деятельности, мировоззрении афинского мудреца. Еще один привлекающий наше внимание вопрос — законы и иные мероприятия Солона, имеющие отношение к погребальной обрядности. В системе греческой культовой практики, да и в целом в жизни греческих полисов, как общественной, так и частной, эта обрядность занимала весьма значительное и почетное место, и отнюдь не случаен тот факт, что ее регулирование оказалось одной из существенных частей солоновской деятельности.

Несколько предварительных замечаний. Античная традиция о Солоне принадлежит к числу предметов, неплохо изученных в современной историографии. Существует целый ряд исследований по этому вопросу¹⁷. Это в значи-

¹⁷ См. работы, указанные в прим. 1 к этой главе, а также: *Доватур А. И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 134—141; *Adcock F. E.* The Source of The Solonian Chapter of the Athenaion Politeia // *Klio*. 1912. Bd. 12. Ht. 1. S. 1—16; *idem*. The Source of Plutarch: Solon XX-XXIV // *CIR*. 1914. V. 28. No.2. P. 38—40; *Linforth I. M.* Op. cit. P. 3—26; *Mühl M.* Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // *RhM*. 1955. Bd. 98. Ht. 4. S. 349—354; *idem*. Solon gegen Peisistratos. Ein Beitrag zur peripatetischen Geschichtsschreibung //

тельной мере освобождает нас от необходимости нового подробного обзора источников и позволяет ограничиться несколькими замечаниями, принципиальными для интересующей нас проблематики.

Наиболее ранним (и безусловно, наиболее аутентичным) источником, говорящим о Солоне, являются, разумеется, принадлежащие ему самому стихотворения. Их нам еще неизбежно придется привлекать в дальнейшем, пока же отметим только, что наиболее информативен и интересен этот памятник для уяснения мировоззрения автора, что вполне естественно для произведений лирической поэзии. Несравненно меньше сведений дает солонский сборник о политической деятельности и законодательстве афинского реформатора¹⁸. Не то чтобы всё это совершенно не нашло отражения в сохранившихся элегиях, но разбросанные в них спорадические, несистематизированные и довольно темные реминисценции тех или иных событий могут быть интерпретированы только в свете более поздних источников, причем эта интерпретация отнюдь не однозначна¹⁹.

RhM. 1956. Bd.99. Ht.4. S. 315—323; *Masaracchia A.* Op. cit. P. 1—79; *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 39—52; *Marianos S. S.* The Chronology of the Herodotean Solon // *Historia*. 1974. Bd. 23. Ht. 1. S. 1—20; *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, "père fondateur" de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. V. 34. № 3. P. 425—437; *David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // *MH*. 1984. V. 41. Fasc. 3. P. 129—138; *Chiasson Ch.* The Herodotean Solon // *GRBS*. 1986. V. 27. No. 3. P. 249—262; *Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *CM*. 1989. V. 40. P. 71—99.

¹⁸ *Sealey R.* A History... P. 91.

¹⁹ Ср. пример «нетрадиционной» интерпретации солонских стихотворений: *French A.* Solon's Act... P. 1 ff., где на их основании делается чрезмерно смелый вывод о неисторичности оспуествленной Солоном кассации долгов (сисахфии).

Затем в традиции о Солоне возникает полуторавековая, до середины V в. до н.э., лакуна, объясняющаяся прежде всего малым количеством дошедших до нас письменных памятников, созданных в VI в. и в первой половине следующего столетия. Законодатель вновь появляется на сцене (в самом прямом смысле) как популярный персонаж древней аттической комедии. Комедиографы Кратин (в недошедших драмах «Хироны», «Законы»), Аристофан (Nub.1178 sqq.; Av.1660 sq.), Евполид (в несохранившейся пьесе «Демы») нередко упоминают Солона или прямо выводят его в числе действующих лиц. В этот же период в «Истории» Геродота Солон изображается в качестве мудрого собеседника чванливого лидийского царя Креза (I.29—33)²⁰ и еще несколько раз назван по имени (I.86; II.177; V.113). На исходе V в. до н.э. и на протяжении следующего столетия, вне всякого сомнения, в связи с возрастанием в среде афинской интеллектуальной элиты интереса к идее «отеческого государственного устройства» (πάτριος πολιτεία), одним из основателей которого считался Солон, упоминания об этом законодателе впервые входят в арсенал ораторов, философов, публицистов. Радикальный демагог Клеофонт пользуется свидетельствами его элегий для дискредитации своего политического противника Крития (Arist.Rhet.1375b32), а представитель младшей софистики Алкидамант упрекает афинян за то, что те предают солоновские законы забвению (Arist. Rhet. 1398b16).

Ситуация значительно улучшается (и в количественном, и в качественном отношении) в IV в. Уже в его первой половине имя Солона появляется в речах Андокида (I.81 sqq., 95 sqq.), Лисия (X.15; XXX.2,26), а затем и у крупнейших представителей греческой исторической и философской прозы — Ксенофонта (Symp.8.39; Oec.14.4) и особенно часто у Платона, который, помимо прочего,

²⁰ Об этом эпизоде см.: Суриков И. Е. Гостеприимство Креза...

приписывает именно ему знаменитый миф об Атлантиде (Plat. Tim. 20d-21c). Нередко в той или иной связи упоминает Солона и его законы Исократ (VII.16; XV.231—232, 235), а вслед за ним — мастера судебного и политического красноречия второй половины столетия: Демосфен (XVIII.6; XIX.251—255; XXVI.23; XLIII.62; XLVI.14; LIX.85—87), Эсхин (I.6 sqq., 25; III.108,257). Вполне естественно, что законодатель должен был занимать важное место в трудах аттидографов — историков, специально занимавшихся историей Афин и Аттики (например: Philoch. FGrHist.328 F1, 35a, 114, 168). Именно аттидографическая традиция, насколько можно судить, в наибольшей мере оказала влияние на Аристотеля, который не раз обращался к фигуре Солона, как в «Политике», так и особенно в «Афинской политике» (гл.5—12), где дан самый ранний из полностью дошедших до нас связный рассказ о солоновской реформаторской деятельности — рассказ, и по сей день составляющий основу наших знаний о ней.

Из произведений более позднего времени (мы не будем перечислять все встречающиеся в них упоминания о великом афинском законодателе) в наибольшей степени приближается по значению к указанному пассажи «Афинской политике» плутархово жизнеописание Солона²¹, построенное также в значительной степени на аттидографическом материале. Существует еще одна биография законодателя, принадлежащая автору начала III в. н.э. Диогену Лаэртию (I.45—67), но она несравненно менее информативна, хотя и сохранила кое-какие интересные и из других источников неизвестные детали. Наконец, среди поздних сообщающих о Солоне текстов следует отметить ряд весьма важных мест из трактата-диалога Цицерона «О законах» (II.59, 64—66).

²¹ О нем см. наиболее подробно: *Ruschenbusch E.* Plutarchs Solonbiographie // ZPE. 1994. Bd. 100. S. 351—380.

Выше мы указали на, так сказать, формальную историю традиции о Солоне. Какова ее содержательная сторона? Практически все занимавшиеся данной проблематикой исследователи совершенно справедливо отмечали, что образ Солона в источниках претерпевает с течением времени существенные изменения. Для большинства относительно ранних авторов (от Геродота до Платона) Солон — мудрец, поэт, законодатель, но не реформатор афинского полиса на демократических началах. Интерес к солоновским демократическим реформам впервые возникает, насколько можно судить, в конце V в. до н.э., и это находится, как мы уже отметили чуть выше, в самой прямой связи с имевшей место в это время оживленной полемикой об истоках афинского государственного устройства, о демократии и олигархии и т.п.²² В частности, одним из наиболее убежденных приверженцев *πάτριος πολιτεία* был Ферамен, которого порой небезосновательно считают инициатором возобновления интереса к Солону²³. Но это были лишь первые шаги; полномасштабное же создание образа Солона — «отца афинской демократии» связано с идейными поисками политической публицистики IV в. до н.э.²⁴, причины чего достаточно очевидны. В Афинах этого времени, наученных горьким опытом олигархических переворотов, началось серьезное переосмысление самого понимания демократии, смещение акцентов в ее определении с «власти народа» на «власть закона»²⁵. В по-

²² О конституционных спорах этого времени и их отражении в последующей литературе см., например: *Ruzé F.* Op. cit. P. 185 ss.

²³ См.: *David E.* Op. cit. P. 129 ff.

²⁴ Об эволюции афинской демократической идеологии в этом столетии см.: *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert V. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 227—244.

²⁵ См. об этом процессе: *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, 1986; *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // *Die athenische Demok-*

добных условиях фигура самого знаменитого аттического законодателя просто не могла не привлечь к себе повышенного внимания. Но это «открытие Солона» имело и свою оборотную сторону. Происходит поступательная мифологизация его образа; так, если Исократ считает Солона основоположником умеренной «отеческой» демократии, то у его младшего современника Демосфена законодатель предстает уже как творец демократии радикальной²⁶.

В связи с вышесказанным, безусловно, перед исследователями не может не вырисовываться проблема репрезентативности античной традиции о Солоне. Точки зрения на этот вопрос не раз менялись в западной историографии в начале XX века. В начале столетия был популярен скорее гиперкритический подход к традиции. Так, мы уже упоминали о том, что книга И.Линфорта о Солоне написана исключительно на базе данных, содержащихся в соловонских же элегиях, а позднейшие источники в ней попросту практически не учитываются как не отражающие реальную действительность. Около 1925 г.²⁷ на смену скептицизму начинает приходить доверие к традиции, порою граничащее с некритическим отношением к ней (с таких позиций написана, в частности, книга Вудхауза, автор которой склонен принимать на веру всё, что пишут Аристотель и Плутарх о массовой задолженности крестьян в

ratione im 4. Jahrhundert V. Chr. Stuttgart, 1995. S. 249—250; *Маринович Л. П.* Закон и власть в классических Афинах // *Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 5—18. Институциональным проявлением этой «смены парадигм» явилось, в частности, расширение полномочий афинских судов присяжных в IV в. до н.э.: *Hansen M. H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // *The Greek City: From Homer to Alexander.* Oxf., 1991. P. 215—243.

²⁶ Ср.: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ... S. 399 ff.; *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 280; *Доватур А. И.* Ук. соч. С. 140.

²⁷ *Ленцман Я. А.* Рабы в законах Солона... С. 54.

досолоновскую эпоху, о гектемомах и т.п., и заинтересован только тем, как согласовать между собой данные этих двух авторов, значительно различающиеся и даже в некоторых отношениях противоречащие друг другу).

В послевоенной историографии в отношении рассматриваемой проблематики в целом утвердился умеренный критицизм. С одной стороны отмечаются слабые места имеющейся в нашем распоряжении традиции о Солоне: чрезмерное внимание Аристотеля к социально-классовым аспектам политической жизни, причем понимаемым и толкуемым сквозь призму категорий его времени²⁸, стремление Плутарха (или его источников) приписать законодателю многие мероприятия, в действительности к нему не относящиеся²⁹ и т.п. Но в то же время подчеркивается, что в IV в. до н.э. в распоряжении историков было вполне достаточно репрезентативного материала (в том числе эпиграфического), отражавшего солоновскую эпоху. И хотя методы работы с этим материалом были, мягко говоря, далеки от совершенства, всё же наряду с представителями риторической публицистики, мало озабоченными тем, насколько их построения соответствуют исторической действительности, были и серьезные ученые, заинтересованные в непредвзятом установлении достоверных фактов³⁰.

Итак, полный скептицизм в отношении традиции вряд ли уместен. Вне зависимости от нашего желания или нежелания, нам приходится опираться именно на нее, коль скоро мы стремимся придти к каким-то конструктивным и позитивным, а не только негативным результатам. Однако важно попытаться установить, какие составляющие

²⁸ *Ellis J. R., Stanton G. R. Op. cit. P. 110.*

²⁹ *Stanton G. R. Op. cit. P. 24; Harris E. M. A New Solution... P. 111.*

³⁰ *Rhodes P. J. "Alles eitel Gold"? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 53—64; Stroud R. S. Aristotle...*

античной традиции о Солоне следует считать наиболее аутентичными.

С достаточной долей уверенности это можно сказать, прежде всего, о Солоновых законах. В распоряжении историков IV в. до н.э. текст этих законов, несомненно, имелся. По свидетельству комедиографа Кратина (fr.274 Kock), в середине V в. до н.э. деревянные кирбы, на которых законы были изначально записаны³¹, еще существовали, но находились в очень плохом состоянии. Весьма вероятно (по сути дела, практически несомненно), что в конце V в. было осуществлено копирование законов на каменные стелы. Выше отмечалось, что именно в этот период, в 409/8 г. до н.э., был скопирован с аксонов на стелу закон Драконта об убийстве, причем мы видели, что копия была сделана очень качественно, с сохранением архаизмов стиля и языка. Видимо, то же можно сказать и о законах Солона: при копировании их текст, насколько можно судить, специальной переработке не подвергался. В IV веке судебные ораторы активно работают с солоновскими законами, запечатленными уже на стелах (хотя, подчеркнем, старая разбивка кодекса на кирбы и аксоны была при копировании зафиксирована, как и в случае с законом Драконта). Именно в такой форме их должны были видеть и Аристотель, и позже Плутарх. Во всяком случае, до времени жизни последнего деревянные доски во всем своем комплексе сохраниться никак не могли, разве что незначительные фрагменты³².

Следует сказать, что с законодательным наследием Солона дело обстоит всё же несколько сложнее, чем с дра-

³¹ Мы не касаемся здесь дискуссионного вопроса о соотношении кирб и аксонов. См.: *Stroud R. S. The Axones...; Robertson N. Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 2. S. 147—176.*

³² Именно такие «небольшие остатки» Плутарх (Sol.25) видел в афинском Пританее. Ср.: *Thomas R. Op. cit. P. 77.*

контовским. Дело в том, что в последнее десятилетие V в. до н.э. в Афинах осуществлялся пересмотр существующих законов³³. Он начался сразу после низложения олигархии Четырехсот (очень возможно, что инициатором этого мероприятия был Ферамен), затянулся вплоть до свержения демократии после поражения Афин в Пелопоннесской войне, затем был продолжен правительством Тридцати и, наконец, окончательно завершён после реставрации демократического устройства, в 399 г. Вслед за этим процедура принятия новых законов была крайне усложнена, установилось четкое различие между законом и псефисмой (постановлением народного собрания по конкретному поводу)³⁴ и т.п., иными словами, законодательный корпус был зафиксирован в достаточно стабильном виде.

Впрочем, пересмотр законов, о котором идет речь, именовался не *νομοθεσία*, а *ἀναγραφή*, то есть следует говорить не о составлении новых законов и даже не о ревизии существующих, не об их исправлении, а просто об их «переписывании», копировании. Однако насколько пунктуально комиссия, занимавшаяся пересмотром, подходила к тексту солоновских законов? О деятельности одного из членов этой комиссии — некоего Никомаха — имеется в высшей степени негативный отзыв Лисия (Lys.XXX). По словам оратора, Никомах «вместо Солона сделал себя самого законодателем... одни законы вписывал, а другие вычеркивал» (Lys.XXX.2)³⁵, «губил Солонovy законы»

³³ Об этом мероприятии см.: *Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // REA. 1987. V. 89. № 1/2. P. 21—37.*

³⁴ Ср.: *Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 30.* В целом о категориях закона (*νόμος*) и псефисмы см.: *Quass F. Nomos und Psephisma: Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971.*

³⁵ ...ἀντὶ μὲν Σόλωνος αὐτὸν νομοθέτην κατέστησεν... τοὺς μὲν (sc. νόμους) ἐνέγραφε, τοὺς δὲ ἐξήλειφεν.

(*ibid.*26)³⁶. Конечно, если принять эти слова на веру, да еще и посчитать, что вся комиссия подходила к исполнению своих обязанностей так же, как Никомах, то придется признать, что законы Солона были в этот период совершенно искажены и потеряли свой первоначальный вид. Соответственно, иногда в литературе высказываются сомнения по поводу аутентичности тех «Солоновых» законов, на которые столь часто ссылаются авторы IV в. до н.э.³⁷

Впрочем, для объективной оценки достоверности вышеупомянутых сообщений Лисия необходимо учитывать их крайнюю тенденциозность. Речь против Никомаха была составлена логографом для судебного процесса против этого афинянина (кстати, судя по всему, судили его вовсе не за «порчу законов», а в связи с каким-то совсем другим делом³⁸) и предназначалась для произнесения одним из обвинителей, судя по всему, политическим или личным врагом подсудимого. Как и следовало ожидать, речь оказывается переполненной стандартными топосами, характерными для подобного рода текстов. Никомаха — по «доброму старому обычаю» — уличают в рабском происхождении (которое удивительным образом осталось неизвестным его согражданам, дважды, в 410 и 403 гг., назначившим его на ответственную государственную должность), тут же прибавляются упреки типа «он занимался редактированием законов четыре года, тогда как можно было покончить с этим делом в один месяц» (неужели обвинитель действительно считал, что на столь трудоемкую работу достаточно было бы месяца?). Подробно разбира-

³⁶ ...τοὺς Σόλωνος νόμους ἐλυμαίνετο.

³⁷ Например: *Лурье С. Я.* Ук. соч. С. 87—88; *Ленцман Я. А.* Рабы в законах Солона... С. 51.

³⁸ Скорее всего, он обвинялся в присвоении казенных денег. Так полагает С. И. Соболевский, комментировавший данную речь Лисия: *Лисий. Речи / Перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского.* М., 1994. С. 262.

ется всяческий вред, который Никомах приносил полису в течение своей жизни³⁹; в связи с этим и заходит речь о его участии в пересмотре законов. Естественно, эта деятельность обвиняемого рисуется самими черными красками; предъявляемые обвинения действительно весьма суровы, но приходится признать, что почти всегда они выглядят голословными.

Лишь в двух случаях оратор подкрепляет свои слова фактами, причем один из этих случаев вызывает серьезные сомнения. В речи говорится, что незадолго до установления правления Тридцати Никомах по сговору с олигархами, желавшими погубить вождя радикальной демократии Клеофонта, «обнародовал такой закон, согласно которому и Совет должен был участвовать в суде» (Lys.XXX.11)⁴⁰; в результате Клеофонт был приговорен к смертной казни. Никомах, таким образом, предстает союзником олигархических гетерий. Однако несколько позже (ibid.15—16) сам же оратор указывает, что при Тридцати Никомах был изгнан из Афин (или сам ушел в изгнание — глагол $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\epsilon\iota\nu$, как известно, допускает и то, и другое понимание) и возвратился в город лишь с восстановлением демократии. Иными словами, выясняется обстоятельство, прямо противоречащее вышесказанному. Оказывается, олигархи вовсе не считали Никомаха «своим», да и сам он связывал свою судьбу отнюдь не с ними, а с демократической группировкой. Наверное, не случайно он был сразу же восстановлен в прежней должности члена комиссии по пересмотру законодательства. Вся рассказанная Лисием история о неблагоприятной роли, сыгранной Никомахом при осуждении Клеофонта, таким образом, сильно теряет в убедительности. Кстати говоря, если даже сам факт обнародования Никомахом вышеупомяну-

³⁹ О такого рода приемах в судебных речах см.: Суриков И. Е. О некоторых особенностях... С. 40—41.

⁴⁰ ...νόμον ἀποδείξει ὡς χρῆ καὶ τὴν βουλὴν συνδικάζειν.

того закона действительно имел место, ни из чего не следует, что этот закон был выдуман им *ad hoc*. Напротив того, есть большая вероятность, что он действительно принадлежал к комплексу солоновского законодательства; во всяком случае, ничего противоречащего духу реформ Солона, насколько они нам известны, закон, предписывающий Совету (изначально мог иметься в виду либо учрежденный Солоном Совет Четырехсот, либо Совет Ареопага) участвовать в суде, не содержит (ср. в связи с этим: *Arist.Ath.pol.*8.4; *Plut.Sol.*19). События, на которые ссылается Лисий, в действительности, скорее всего, развивались следующим образом. Никомас обнаружил, то есть перенес с деревянной доски на стелу, закон, о котором идет речь, причем сделал это не из злого умысла и не потому, что был с кем-то в сговоре, а просто потому, что такова была его прямая обязанность. Этим законом воспользовались олигархи, интриговавшие против Клеофонта⁴¹, что впоследствии и дало повод приписать Никомасу косвенное соучастие в расправе над последним.

Другое конкретное обвинение, предъявляемое Никомасу в речи Лисия, представляется более обоснованным, но оно имеет довольно-таки частный характер: Никомас ввел какие-то новые жертвоприношения, не предусмотренные ранее существовавшими законами. На этом обстоятельстве оратор останавливается очень подробно и даже, пожалуй, слишком многословно (*Lys.XXX.*17—25), особенно упирая на то, что новые жертвы обременительны в финансовом отношении для истощенного войной государства. Очевидно, это было, по сути дела, единственным деянием, которое можно было доказательно инкриминировать обвиняемому. Подчеркнем, однако, что в данном случае Никомас вовсе не фальсифицировал законов

⁴¹ Совет Пятисот в период, непосредственно предшествовавший установлению режима Тридцати, был настроен в большинстве своем антидемократически.

Солона, а лишь учреждал наряду с ними новые установления.

Вышесказанное служит цели продемонстрировать, что не следует преувеличивать степени искажения основных положений солоновского законодательства в Афинах последующих эпох. Нельзя, конечно, утверждать, что никаких поправок в законы вообще никогда не вносилось. Известно, например, что в конце V в. до н.э. Тридцать тиранов (в самом начале своего правления, когда они еще имели репутацию благонамеренных реставраторов «отеческого государственного устройства») отменили или изменили некоторые из законов Солона (Arist.Ath.pol.35.2)⁴². Неизвестно, оставила ли восстановленная в 403 г. демократия эти изменения в силе. Как бы то ни было, можно с уверенностью утверждать, что прецеденты подобного рода были весьма нечасты. В целом можно считать именно тексты законов, цитируемые позднейшими авторами (к сожалению, эпиграфические памятники не донесли до нас этих текстов), наиболее аутентичной составляющей солоновской традиции. Разумеется, в случае возникновения сомнений по поводу того или иного конкретного закона его приходится анализировать специально, взвешивая все pro и contra.

Другое дело, что многие законы Солона отразили не его собственные нововведения, а положения обычного права, архаичные традиционные нормы. В этом смысле вполне правомерно указание ряда исследователей⁴³ на то, что выражение «законы Солона» обозначало фактически то же, что «законы Афин», *Corpus iuris Atheniensium*. Но сам этот факт также много говорит о Солоне как законо-

⁴² Представляется наиболее вероятным, что инициатором этих законодательных реформ был Ферамен — лидер «умеренного» крыла Тридцати.

⁴³ *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 68—69; *Murray O.* Early Greece. L., 1993². P. 184.

дателе. Почему одни нормы были им изменены, а другие оставлены в прежнем виде? Скажем, сохранение законодательства Драконта об убийствах свидетельствует о том, что оно вполне укладывалось в создававшуюся Солоном систему нормативно-регулятивных актов и не требовало корректив, иначе, не приходится сомневаться, такие коррективы были бы осуществлены.

Достоверность античной традиции о солоновских законах косвенным образом подтверждают и памятники материальной культуры. Так, закон, запрещавший приносить в жертву умершим крупный рогатый скот (Plut. Sol.21), находит подтверждение в изображении похоронных церемоний аттическими вазописцами⁴⁴. Наиболее широкое подтверждение в археологическом материале вообще нашли именно законы, связанные с погребением, о чем подробнее речь пойдет ниже.

В отличие от свода законов как такового, рассчитанного на долговременное (в принципе — «вечное») использование, реформы, призванные решить конкретные проблемы социально-экономической и политической жизни (в том числе знаменитая сисахфия) входили в рамки текущей деятельности Солона на протяжении его архонтата и, скорее всего, имели иной статус (проводились псефисмами⁴⁵). Во всяком случае, на кирбах или аксонах они не фиксировались, а следовательно — не сохранялись столь же тщательно, как законы, не будучи *per se* объектами пиетета⁴⁶. Поэтому традицию об этих реформах следует при-

⁴⁴ Garland R. *The Greek Way of Death*. Ithaca, 1985. P. 112—113.

⁴⁵ Так считает, например, Эренберг: *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 69. Можно возразить, что во времена Солона вряд ли проводилось сколько-нибудь существенное различие между законами (*νόμοι*) и псефисмами. Однако утверждение, что реформы Солона и законы Солона — явления не одного порядка, представляется нам верным.

⁴⁶ Fritz K. von. *Nochmals das solonische Gesetz gegen Neutralität im Bürgerzwist* // *Historia*. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 245—247.

знать в целом значительно менее аутентичной, тем более что на интерпретацию этих мероприятий в классическую эпоху оказала серьезное влияние упоминавшаяся выше идеологическая борьба по поводу *πάτριος πολιτεία*. Так, с полным основанием отмечалось, что разделение афинских граждан на четыре имущественных разряда, единодушно приписываемое нашими источниками Солону, на деле отнюдь не было изобретено этим законодателем, а в той или иной форме существовало задолго до него⁴⁷; в результате же солоновских реформ эти разряды получили лишь четкие, выражающиеся конкретными цифрами, критерии разграничения друг от друга. Далее, весьма существенные сомнения вызывает у специалистов-нумизматов донесенная Аристотелем (Ath.Pol.10) информация о реформе Солонем афинской монетной системы⁴⁸.

⁴⁷ Колобова К. М. Революция Солона... С. 26; Bugh G. R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 22. Действительно, термины *ἵππεις* и *θῆτες*, вне всякого сомнения, весьма архаичны; с немалой долей уверенности это можно утверждать и относительно термина *ζευῦται*. Несколько сложнее обстоит дело с названием первого разряда — *πεντακοσιομέδιμοι*. Возможно, Солон выделил в особый, высший разряд богатейшую верхушку всадников. Не менее вероятно, однако, что этот разряд существовал и ранее, а Солон только дал ему новое наименование. До того он мог называться, например, *ἀρματηλάται* («правлящие колесницами»), но это название утратило смысл в связи с выходом из употребления к солоновскому времени боевых колесниц на полях сражений.

⁴⁸ Историчность солоновской денежной реформы признавал еще Селтман (*Seltnan C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924*). Однако в настоящее время справедливо отмечается, что никакой монеты во времена Солона вообще еще не чеканили: Kraft K. Op. cit.; Crawford M. H. Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. 1972. V. 10. P. 5—8; Kraay C. M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 55 ff.

Недостаточно достоверный характер сообщений источников о солоновских экономических и политических реформах, кстати, вызывает и хронологические затруднения, возникающие в связи с этими мероприятиями. Традиционная и до недавнего времени общепринятая датировка реформ Солона (594 г. до н.э.) в течение последних двух-трех десятилетий подверглась настоящей «массированной атаке» со стороны ряда весьма авторитетных специалистов, настаивающих на отнесении пика деятельности реформатора к 570—м годам, то есть ко времени после его возвращения из десятилетнего путешествия⁴⁹. Нам не кажется, что подобная достаточно радикальная ревизия хронологии деятельности Солона имеет достаточно веские основания. Многие исследователи продолжают придерживаться традиционной даты⁵⁰. Попытку отыскать какую-

⁴⁹ *Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600—300 B. C.* Oxf., 1971. P. 323—324; *Cassola F. La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato // Parola del passato.* 1973. V. 28. P. 75—87; *Marianos S. S.* Op. cit.; *Sealey R. Zum Datum der solonischen Gesetzgebung // Historia.* 1979. Bd.28. Ht.2. S. 238—241; *Stockton D. The Classical Athenian Democracy.* Oxf., 1991. P. 20; *Stanton G. R.* Op. cit. P. 34. Еще дальше идет Д. В. Панченко, считающий, что законодательство Солона имело место, вероятнее всего, на хронологическом отрезке 556—552 гг. до н.э., а первый приход к власти Писистрата датирующий соответственно 547—545 гг. (*Panchenko D. Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus.* 2000. V. 6. Fasc.1. P. 61 ff.). Следует сказать, что статья Панченко, имеющая целью ревизию всей ранней греческой хронологии, содержит ряд несомненно ошибочных положений. Так, в ней предлагается относить архонство Фемистокла к 481/0 г. до н.э., то есть к периоду начала похода Ксеркса. Однако вполне достоверно известно, что эпонимным архонтом этого года был Гипсихид (Arist. Ath. pol.22.8).

⁵⁰ Например: *Cadoux T. J. The Athenian Archons from Kreon to Hysichides // JHS.* 1948. V. 68. P. 93—95; *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 393—394; *Молчанов А. А., Суриков И. Е. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 257, 260.

то среднюю, компромиссную позицию предпринял Н. Хэммонд; по его мнению, реформы осуществлялись в два этапа — вначале в период архонтата Солона (594/3 г.), а затем в ходе занятия им некоей экстраординарной магистратуры, которую можно условно определить, прибегнув к римским аналогиям, как *dictator reipublicae constituendae causa* (592/1 г.)⁵¹.

Все эти разногласия, насколько мы можем судить, имеют своей причиной следующее обстоятельство: действительно трудно представить себе, что вся серия радикальных изменений, внесенных Солоном в социально-политическое устройство Афин, могла уместиться в один-единственный год, в течение которого законодатель был архонтом-эпонимом, пусть даже и с чрезвычайными полномочиями. Как бы то ни было, само наличие столь серьезных расхождений заставляет подходить к проблемам, связанным с солоновскими реформами, с крайней осторожностью. А ведь это — отнюдь не единственное хронологическое затруднение, которое возникает, когда речь заходит о деятельности афинского мудреца и поэта. Так, в нескольких фрагментах дошедших до нас стихотворений Солона упоминается нависшая над городом угроза тирании. По вопросу о том, с чьей стороны исходила эта угроза, против кого конкретно предостерегал сограждан автор, также нет единого мнения. Говорят в данной связи то о Писистрате (560—е гг.), то о Дамасии (580—е гг.), а то даже о Драконте (620—е гг.), хотя о претензиях этого последнего на тираническую власть вроде бы ничего не известно⁵².

В целом достаточно аутентичной представляется нам традиция о внешнеполитической и военной деятельности Солона. Так, его участие в афино-мегарском конфликте

⁵¹ *Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 145—170.*

⁵² К этой проблеме см.: *Hammond N. G. L. Studies... P. 160; Rihll T. E. Lawgivers and Tyrants (Solon, fr.9—11 West) // ClQ. 1989. V. 39. No. 2. P. 277—286.*

из-за Саламина надежно зафиксировано его собственными стихами, а также прорицаниями Дельфийского оракула. На другие оракулы, а также на дельфийские храмовые документы (*ὑπομίματα*) ссылаются античные авторы, сообщающие о роли Солона в первой Священной войне (наиболее ценно здесь свидетельство Аристотеля в «Пифиониках», fr.615 Rose, ap.Plut.Sol.11). Больше вопросов ставят сообщения источников о посреднической миссии Солона в связи с «Килоновой скверной» и Алкмеонидами, о приглашении им критского прорицателя Эпименида для культового очищения Аттики. Сообщения эти требуют, бесспорно, критического подхода, однако в основе своей они вполне историчны⁵³. Иными словами, вокруг тех событий жизни Солона, которые не имели прямого отношения к *πάτριος πολιτεία*, впоследствии не велось ожесточенной борьбы в публицистике, которая способствовала бы искажению этих событий или существенному затемнению их смысла.

Итак, говоря об античной традиции, связанной с Солонем, приходится признать, во-первых, ее значительную «неровность», весьма различную степень достоверности отдельных ее элементов. Во-вторых, наиболее аутентично в этой традиции отражены три момента: свод законов Солона, его внешнеполитическая деятельность, его мировоззрение (последнее — прежде всего по причине сохранности оригинальных солоновских стихотворений). Именно к этим аспектам его жизни и деятельности нам и предстоит в первую очередь обратиться, тем более, что это напрямую обусловлено задачами, обозначенными во введении к данной части нашей работы.

Солон и Дельфы. Рассмотреть вопрос о связях афинского законодателя с самым почитаемым в архаическую

⁵³ Вопрос подробнее разбирается нами в другой работе (см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 36—40, 133—140).

эпоху святилищем Эллады, хотя бы в краткой форме, представляется нам необходимым. Дело в том, что, согласно устоявшемуся в историографии (и, насколько можно судить, вполне обоснованному) мнению, Дельфы оказали значительное влияние на становление самого феномена раннего греческого законодательства⁵⁴. Говорить о прямой дельфийской инспирации во всех конкретных случаях деятельности номофетов, пожалуй, было бы слишком категоричным. Однако не следует забывать и о том, что категория закона в архаическую эпоху относилась, в сущности, к религиозной, сакральной сфере жизни. Введение новых законов или изменение старых (даже такое изменение, как простой их перевод из устной формы в письменную) рассматривался как акт космического значения, призванный восстановить гармоничный миропорядок, но могущий в то же время привести и к еще худшему его нарушению в случае, если этот акт не основывался на подобающей божественной санкции⁵⁵. Данное обстоятельство, кстати, нередко упускается из виду в исследовательской литературе, когда архаическое законодательство анализируется исключительно в социально-экономических и политических терминах.

⁵⁴ Особенно интенсивно этот тезис отстаивал крупнейший в XX веке исследователь древнегреческой религии Мартин Нильсон. См.: *Nilsson M. P. Greek Piety*. Oxf., 1948. P. 46; *idem. Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 1. München, 1952. S. 640—644. Ср. также: *Meier Chr. The Greek Discovery of Politics*. Cambridge Mass., 1990. P. 43; *Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.)*. СПб., 2001. С. 154 слл.

⁵⁵ О космичности, «глобализме» древнегреческого правосознания см.: *Суриков И. Е. Камень и глина...* С. 281; *он же*. Из истории греческой аристократии... С. 118. О сакральном характере ранних греческих законов ср. также: *Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.)*. СПб., 2002. С. 240.

Если Дельфийский оракул Аполлона к началу VI в. до н.э. и не имел еще панэллинского значения (так, например, для греков Малой Азии более влиятельными оставались в то время местные святилища в Дидимах, Эфесе и др.⁵⁶), то, во всяком случае, для полисов Балканской Греции его авторитет был уже весьма высок. Мы склонны, вопреки новейшим гиперкритическим течениям, с доверием относиться к традиции о роли Дельфов в начавшейся в VIII в. Великой греческой колонизации. Не убеждает нас пока и тезис (в отечественном антиковедении разделяемый И. А. Макаровым) о том, что никакой специфической дельфийской идеологии, дельфийской этики, «дельфийского духа» просто никогда не существовало, что это — не более, чем литературная фикция⁵⁷. Будь это действительно так, пришлось бы представить жречество пифийского храма некой абсолютно беспринципной, циничной и своекорыстной корпорацией, озабоченной лишь возрастанием собственных доходов и готовой ради этой цели служить «и вашим, и нашим», — иными словами, нарисовать картинку «поповщины» в духе большевистской антирелигиозной пропаганды. Но ведь тогда окажется совершенно непонятным, на чем же зиждился пресловутый дельфийский авторитет. А уж факт этого авторитета, который остался практически незыблемым даже после двусмысленной позиции оракула в годину Греко-персидских войн, думается, никому не придет в голову отрицать или объявлять фикцией.

Таким образом, автор этих строк вполне осознанно присоединяется к точке зрения тех ученых, которые видят в деятельности архаических Дельфов выражение «легалистской» (термин М.Нильссона) тенденции эпохи, в силу

⁵⁶ *Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience*. Baltimore, 1994. P. 24 ff.

⁵⁷ *Макаров И. А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII-VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 4. С. 123—124.

чего они и оказывались способными влиять на первые кодификации права. В свете тематики данной работы интересно рассмотреть вопрос о том, насколько высказанное выше общее положение применимо к конкретному случаю Солона, можно ли проследить «дельфийский след» в его политике, мировоззрении и в конечном счете в его законодательстве.

К моменту выступления Солона на политическую сцену отношения Афин с Дельфами не имели за собой сколько-нибудь длительной истории, более того, не были ни слишком интенсивными, ни слишком теплыми⁵⁸. По сути дела, известно лишь об одном эпизоде из досолоновской истории афинского полиса, к которому оказался причастен Дельфийский оракул: в 636 г. до н.э. он фактически подтолкнул молодого олимпийщика Килона к захвату тиранической власти (Thuc.I.126.4). Не стоит удивляться, что Дельфы в этой ситуации оказались на стороне потенциального тирана. Хотя порой и утверждается, что дельфийское жречество в целом негативно относилось к тирании как форме правления⁵⁹, в действительности дело обстояло совсем иначе. Из раза в раз, на протяжении не только архаической, но и раннеклассической эпохи оракул выступал в поддержку тиранов в различных полисах⁶⁰; еще в V в. до н.э. он демонстративно благоволил к сиракузским Дейноменидам. Отметим, что сложившийся в дельфийской среде круг «Семи мудрецов» включал в себя некоторых тиранов (Diog.Laert.I.13) — Периандра

⁵⁸ О начале афино-дельфийских отношений см.: *Daux G.* Op. cit. P. 37 ss.

⁵⁹ Например: *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // *Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества.* СПб., 1995. С. 12—27.

⁶⁰ *Georges P.* Op. cit. P. 26; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron.* 1998. Bd. 28. S. 193—212

Коринфского, Клеобула из Линда на Родосе, Питтака Митиленского⁶¹, а в некоторых списках — и Писистрата Афинского (хотя этот последний, видимо, оказался в каноне позже и вряд ли по инициативе Дельфов).

В нашу задачу здесь не входит выяснение причин симпатии Дельфов к тиранам⁶² и решение вопроса о ее согласовании с традицией, подчеркивающей прямое или косвенное участие жречества Аполлона в ниспровержении некоторых тиранических режимов. Ограничимся констатацией факта, тем более что, как будет видно из дальнейшего изложения, он имел непосредственные импликации для деятельности Солона. Как бы то ни было, Килон потерпел поражение, а это, безусловно, не могло повлечь за собой афино-дельфийской дружбы. Насколько можно судить, в конце VII в. определяющее влияние на политику оракула оказывал фокидский приморский город Криса (Кирра), фактически контролировавший святилище и даже оттеснивший Амфиктионию от управления им⁶³. В этой

⁶¹ Питтака обычно относят к категории не тиранов, а эсимнетов. Но, во всяком случае, его политические противники (в том числе Алкей) прямо называют его тираном. Кроме того, в последнее время выясняется, что отношение к эсимнетам в греческих полисах было не столь уж позитивным, как иногда полагали, что между эсимнегией и тиранией не видели принципиальных различий. См.: *Соломатина Е. И.* Питтак Митиленский: народный диктатор или вождь аристократов? // *Studia historica*. Т. 3. М., 2003. С. 19—37.

⁶² Возможно, нам кое-что будет ясно, если вспомнить, что еще в IV в. до н.э. Платон (*Legg. IV. 709e-711e*) считал, что при определенных условиях (в частности, при наличии молодого, способного и энергичного тирана) от тирании лежит самый короткий путь к наилучшему государственному устройству и наилучшим законам. См.: *Piérart M.* *Du règne des philosophes...* P. 265.

⁶³ О древнейшей истории Дельфийской (первоначально Пилейской, или Ателльской) амфиктионии см.: *Jeffery L. H.* *Op. cit.* P. 71—75; *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе...

ситуации и начинается политическая деятельность Солона. Как мы увидим, в течение этой деятельности положение резко изменяется к лучшему, и есть серьезные основания полагать, что в налаживании контактов Афин и Дельфов основная заслуга принадлежит персонально ему (а также близкому к нему аристократическому роду Алкмеонидов⁶⁴.

Первым известным из источников событием, в связи с которым упоминается имя будущего великого законодателя, является военный конфликт Афин с Мегарами из-за обладания Саламином (Sol.fr.2 Diehl; Plut.Sol.8—10; Diog. Laert.I.46—48; Polyaeen.I.20)⁶⁵. Плутарх, наиболее подробно рассказывающий об этой странице афинской истории, приводит оракул Аполлона Дельфийского, данный Солону в связи с этим островом:

Первых земли той героев склони ты обильною жертвой,
 Тех, кого грудью своей укрывает от нас Асопида,
 Мертвые, смотрят они в края заходящего солнца⁶⁶.

С. 169 слл.; *она же*. К вопросу о роли Пилейско-дельфийской амфикионии в политической жизни Эллады // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 35—42. Афины в рассматриваемый период еще не входили в этот религиозно-политический союз.

⁶⁴ О близости Солона и Алкмеонидов см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 133 слл.

⁶⁵ Об этом конфликте см.: French A. Solon and the Megarian Question // JHS. 1957. V. 77. No. 2. P. 238—246; Legon R. P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B. C. Ithaca, 1981. P. 124 ff.; Пальцева Л. А. Афино-мегарские отношения в VII—VI вв. до н. э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб. 1998. С. 43—56; *она же*. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 247 слл.

⁶⁶ Перевод С. И. Соболевского. Об этом оракуле см.: Mastrocinque A. “Gli dei protettori della città” // Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano). 1981. V. 7. P. 9.

Оракул явно благоприятен для Афин, обосновывавших свои претензии на Саламин историческим правом. Несколько темное место о мертвых героях, смотрящих «в края заходящего солнца», проясняется из следующего обстояательства, поведенного тем же Плутархом. Афинянам под водительством Солона удалось отвоевать у соседей спорный остров, но в конечном счете вопрос был вынесен на третейский суд Спарты. На этом-то суде Солон и ссылался на то, что в саламинских погребениях трупы лежат по афинскому, а не по мегарскому обычаю — лицами на запад (очевидно, им были проведены специальные изыскания по этому предмету). Чуть ниже биограф упоминает, не цитируя дословно, и другие дельфийские оракулы Солону, в которых Саламин был назван «Ионией»⁶⁷. При интерпретации этого факта следует учитывать, что афинский законодатель в своих стихах подчеркивает принадлежность своих сограждан к ионийскому племени, называет Афины «древнейшей землей Ионии» (Sol.fr.4 Diehl). Мегары же, как известно, были частью дорийского мира.

Оракулы во многом и определили конечную судьбу Саламина. Резонен вопрос: когда, на каком этапе афино-мегарской войны, длившейся от рубежа VII-VI вв. вплоть до 560-х гг. до н. э.⁶⁸, они были даны? Ряд соображений заставляет отнести их к последнему периоду этого вооруженного столкновения. Во-первых, эти прорицания появляются в связи с третейским судом, уладившим конфликт, а такой суд наиболее органично выглядит, естест-

⁶⁷ Приводимые Плутархом дельфийские прорицания Солону в связи с Саламином признаются историчными даже Дж.Фонтенроузом, который в целом достаточно скептически настроен по отношению к сохранным традициям текстам оракулов. См.: *Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its Responses and Operations*. Berkeley, 1981. P. 291.

⁶⁸ Писистрат незадолго до своего прихода к власти отличился в войне с мегарянами (Herod.I.59).

венно, в конце военных действий, а не в их начале или в середине. Во-вторых, позиция Дельфов, как она проявилась в оракулах, оказывается проафинской и антимегарской, а это с наибольшей долей вероятности могло быть ближе к середине VI в. до н.э., а не к его первым годам. Действительно, отношения Дельфов с Мегарами, в которых в этот период находилась у власти «необузданная демократия» (Plut.Мог.304е), на протяжении первой половины интересующего нас столетия поступательно ухудшались⁶⁹, а их контакты с Афинами, как мы увидим чуть ниже, напротив, становились всё более тесными и дружественными.

Важнейший вклад в это становление афино-дельфийского сотрудничества внесла, вне всякого сомнения, Первая Священная война⁷⁰. В интерпретации этого достаточно раннего события древнегреческой истории, сведения источников о котором скудны и противоречивы, мы опираемся на проницательную и убедительную (хотя, безусловно, в некоторых своих деталях и гипотетичную) концепцию У.Дж.Форреста⁷¹. Форрест понимает войну как борьбу ряда греческих государств (как членов Амфикионии, так и не входивших в нее) против вышеупомянутой Крисы за контроль над Дельфийским святилищем. Главную роль в «антикрисейской» коалиции играли Фессалия, Сикион, несколько меньшую — Афины. По традиции, война продолжалась десять лет (595—586 гг. до н.э.) и за-

⁶⁹ См.: Суриков И. Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Нижний Новгород, 1999. С. 51.

⁷⁰ «Священными» в греческой античности назывались войны, ведшиеся за контроль над Дельфами. Всего на протяжении VI-IV вв. до н.э. имели место четыре Священные войны.

⁷¹ Forrest W. G. The First Sacred War // BCH. 1956. V. 80. № 1. P. 33—52; *idem*. Delphi, 750—500 B. C. // CAn². V. 3. Pt. 3. 1982. P. 305—320.

вершилась взятием Крисы, после этого стертой победителями с лица земли. Однако уже на начальном этапе военного конфликта, скорее всего, даже в его первый год оказалась достигнутой весьма важная промежуточная цель: Дельфы были освобождены от крисейского влияния, и к контролю над оракулом пришла новая жреческая группировка, благоволившая к одерживавшим верх силам⁷². В конечном итоге основные участники войны добились для себя различных преимуществ: Афины и Сикион стали членами Амфиктионии, Фессалия укрепила свои позиции в ней⁷³.

Ряд античных источников сообщает об участии Солона в Первой Священной войне⁷⁴. Порой его роль в ней даже преувеличивается. Так, уже Плутарх справедливо возражал тем авторам, которые считали Солона главнокомандующим силами антикрисейской коалиции. Таким главнокомандующим был, по разным сведениям, либо фессалиец Еврилох, либо Клисфен Сикионский (а может быть, оба они на разных этапах войны). Солон же не командо-

⁷² Изменение отношения Дельфов можно проследить на примере Клисфена, тирана Сикиона. Вначале, проводя в своем полисе реформы в культовой области, он натолкнулся на крайне раздраженную реакцию оракула (Herod.V. 67). А впоследствии, сыграв исключительно активную роль в Первой Священной войне (Paus. II.9.6; X.37.6; Polyae. III.5; Frontin.Strat. III.6—7; Schol.Pind.Nem.IX.inscr.), он оказался очень влиятельным в дельфийском святилище и, в частности, в 582 г. до н. э. стал победителем в Пифийских играх, в состязаниях колесниц-четверок (Paus.X.7.6). О Клисфене Сикионском см.: *Mastrocinque A. Ricerche sulla storia greca arcaica. I. Clistene lapidatore di Sicione // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1977. V. 111. P. 167—174; Bicknell P. J. Herodotos 5.68 and the Racial Policy of Kleisthenes of Sikyon // GRBS. 1982. V. 23. No.3. P. 203—212.*

⁷³ Jeffery L. H. Op. cit. P. 75.

⁷⁴ Aeschin.III.107—112; Arist.fr.615 Rose; Plut.Sol.11 (со ссылками на различные версии); Paus.X.37.6—7; Suid.s.V. Σόλων.

вал даже афинским контингентом в составе союзных войск; эту должность, по указанию дельфийских ὑπομνημάτων (ар.Plut.Sol.11), занимал Алкмеон из рода Алкмеонидов. Тем не менее, представляется практически несомненным, что определенное, достаточно значимое место в истории войны против Крисы за Солоном следует резервировать⁷⁵. Он был, судя по всему инициатором начала военных действий (таково авторитетное свидетельство Аристотеля во фрагменте из недошедшего трактата «Пифионики», а также оратора Эсхина), а впоследствии выступал в роли всеми уважаемого советника⁷⁶. Насколько можно судить, именно на его запрос об исходе войны Дельфийский оракул дал следующее прорицание, приводимое с минимальными разночтениями Эсхином, Павсанием, лексиконом Суды:

Только тогда вы возьмете высокую города башню,
Волны когда, катясь из глубокопучинного моря,
Волею Амфитриты с очами темной лазури
Станут биться, дробясь о берег святого участка⁷⁷.

Именно выполняя эту волю Аполлона, амфикионы впоследствии посвятили ему приморскую равнину на месте разрушенной Крисы. Оракул, о котором идет речь, мог быть дан после успехов первого года войны, когда внешнеполитическая ориентация Дельфов сменилась.

⁷⁵ Мы не согласны с мнением, согласно которому Солон вообще не имел отношения к первой Священной войне, и участие в ней было приписано ему традицией (*Smertenko C. M., Belknap G. N. Studies in Greek Religion. Eugene, 1935. P. 5 ff.; Глускина Л. М. Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 215; Defradas J. Les thèmes de la propagande delphique. P., 1954. P. 266*).

⁷⁶ Ср.: *Masaracchia A. Op. cit. P. 96—98; Туманс Х. Ук. соч. С. 208—209* (в последней работе роль Солона в Первой Священной войне, может быть, несколько преувеличена).

⁷⁷ Перевод С. П. Кондратьева.

В целом можно говорить о том, что не только Афины в целом, но и лично Солон выиграл в результате первой Священной войны. Есть основания полагать, что к тому времени у него уже сложился план реформ, впоследствии проведенный в жизнь. Однако, чтобы приступить к их реализации, по тогдашним понятиям абсолютно необходимо было заручиться высокоавторитетной религиозной санкцией. Больше всего подходили для этой цели, конечно, именно речения Пифии. Но, как говорилось выше, до войны Дельфы были скорее враждебно настроены по отношению к Афинам. Обратившись с запросом к оракулу на этом этапе, законодатель рисковал получить откровенно бранный, дискредитирующий ответ, подобный тому, которого «удостоился» Клисфен Сикионский. А это поставило бы под серьезное сомнение саму возможность проведения намеченных преобразований. Не случайно в 596 г. до н.э., приступая к первым реформам в области погребальных ритуалов (подробнее см. ниже), Солон пригласил для содействия не дельфийского эмиссара, а критского пророка и чудотворца Эпименида, относившегося к Дельфам скорее критически⁷⁸. Но это не решало всех вопросов: с точки зрения авторитетности Эпименид был несопоставим с Аполлоном.

Теперь, после «смены атмосферы» в Дельфийском святилище, задача Солона значительно упросталась. На тот момент, когда в 594 г. он был избран эпонимным архонтом и наделен чрезвычайными полномочиями для рефор-

⁷⁸ См.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 36 слл., 136, 234 слл. (с указаниями на литературу). В недавней работе об Эпимениде этот деятель назван связанным с Дельфами. См.: Зайков А. В. Эпименид в Спарте (Критская экзотическая мантика и становление «спартанского космоса») // ВДИ. 2002. №4. С. 114. Но в этой работе вообще много крайне спорных положений: о множественности Эпименидов, о близости имени «Эпименид» к глаголу ἐπιμαίνεσθαι (бесноваться) и др.

маторской деятельности и законотворчества, афинский мудрец пользовался безусловной и даже, пожалуй, утрированной поддержкой Дельфов. С высот Парнаса пришло прорицание (ар.Plut.Mor.152c), в котором в слегка завуалированной форме Солону предлагалось ни более ни менее, как провозгласить себя афинским тираном:

Благо, ежели град единому голосу внемлет!⁷⁹

Дельфийское жречество, таким образом, не отошло от своей прежней линии поддержки тиранов. Солон, однако, не имел ничего общего с Килоном. В своих стихах, как уже говорилось, он однозначно выступал против тирании. Особенно характерен отрывок из написанного хорейскими тетраметрами стихотворения «К Фоку» (Sol.fr.23 Diehl). Этот отрывок пародирует взгляды сторонников тирании, осуждавших законодателя за то, что он, по их мнению, не воспользовался предоставившейся блестящей возможностью установить единовластие:

«Нет, ни опытным ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуюсь, он сеть закинул, только выгащить не мог.
Помутился его разум, был он мужества лишен...»⁸⁰

О том, что речь в данном фрагменте идет именно о тирании, можно судить как по прямому употреблению гла-

⁷⁹ Εὐδαίμων πτολίεθρον ἔνδ' κήρυκος ἀκούων. Перевод М. Л. Гаспарова. Этот оракул признается подлинным в наиболее фундаментальном на сегодняшний день труде о Дельфах: Parke H. W., Wormell D. E. W. Op. cit. V. 1. P. 112. Фонтенроуз отвергает его подлинность, считая, что на самом деле стих, о котором идет речь, представляет собой цитату из какой-то недошедшей элегии самого Солона (Fontenrose J. Op. cit. P. 290). На наш взгляд, этот исследователь глубоко ошибается. Солон в своих стихотворениях выступает убежденнейшим противником тирании, и приписывать ему строку, оправдывающую единоличную власть, нет решительно никаких оснований.

⁸⁰ Перевод Г. Церетели.

гола *τιραννεύειν* несколькими строками спустя, так и из одного косвенного намека, а именно метафоры с забрасыванием сети. Этот литературный образ, насколько можно судить, имел самое непосредственное отношение к захвату тиранической власти; он встречается нам в пророчестве прорицателя Амфилита, данном Писистрату в тот момент, когда последний устанавливал свою тиранию в Афинах (Herod.I.62):

Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи⁸¹.

Наиболее интересна вторая строка процитированного выше стихотворения Солона (в оригинале: *ἔσθλὰ γὰρ θεοῦ δίδοντος αὐτὸς οὐκ ἐδέξατο*). Что же это за благо, которое давал Солону бог, но от которого тот отказался? С наибольшей вероятностью можно предположить, что имеется в виду именно оракул дельфийского бога, содержащий совет установить тиранию⁸². Когда выяснилось, что законодатель ни в коем случае не пойдет по этому пути, жречество Аполлона несколько модифицировало свою позицию. В новом данном Солону прорицании (ар. Plut. Sol.14) о единовластии речи уже не шло:

Смело средину заняв корабля, управляй им спокойно.
Верных помощников в том ты найдешь среди многих
афинян⁸³.

Здесь, напротив того, содержится призыв к опоре на содействие широких масс граждан и к проведению «средней», компромиссной линии. Не приходится сомневаться,

⁸¹ Перевод Г. А. Стратановского. На совпадение семантики этих двух пассажей независимо от автора данной работы обратил внимание также Х. Туманс (*Туманс Х. Ук. соч. С. 301—302*).

⁸² Ср.: *Forrest W. G. The First Sacred War...* P. 48.

⁸³ Ἦσο μέσην κατὰ νῆα, κυβερνητήριον ἔργον | εὐθύων· πολλοί τοι Ἀθηναίων ἐπίκουροι. Перевод С. И. Соболевского.

что этот второй оракул был реформатору больше по душе, нежели предыдущий⁸⁴.

Итак, можно практически с полной уверенностью утверждать, что Дельфийское святилище в 594 г. до н.э., то есть, очевидно, уже сразу после окончания одной-двух летних кампаний первой Священной войны, поддержало законодательную и реформаторскую деятельность Солона⁸⁵. Тот не оставался в долгу и старался предпринимать ответные дружественные шаги. Так, по предположению ряда авторитетных исследователей (см. выше, прим. 1 на с. 39), именно при Солоне в Афинах была учреждена коллегия экзегетов-пифохрестов, назначавшихся с санкции Дельфийского оракула и призванных толковать его прорицания. Очевидно, количество таких прорицаний в связи с налаживанием афино-дельфийских отношений значительно возросло, и их интерпретацию уже нельзя было оставлять в руках случайных людей. Небезынтересно еще одно солоновское новшество — присяга, приносимая архонтами при вступлении в должность, в которой они обязывались в случае нарушения ими законов посвятить в Дельфы золотую статую в натуральную человеческую величину (*ἀνδριάντα χρυσοῦν ἰσομέτρητον ἀναθήσειν ἐν Δελφοῖς*, Plut.Sol.25; ср. Arist.Ath.pol.7.1). Из источников неизвестно, было ли это наказание хоть раз применено на практике; во всяком случае, оно — ввиду дороговизны золота, не добывавшегося в Аттике, — выглядит весьма суровым. Даже если перед нами чисто теоретическое предписание, имевшее мало общего с реальной жизнью, в нем следует видеть безусловный знак почтения к оракулу Аполлона⁸⁶.

⁸⁴ Ср.: *Goušchin V. Pisistratus' Leadership in A. P. 13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B. C. // ClQ. 1998. V. 49. No. 1. P. 19.*

⁸⁵ *Hönn K. Op. cit. S. 84—85.*

⁸⁶ *Daux G. Op. cit. P. 40—41.*

Начиная с времени деятельности Солона, прочное влияние в Дельфах получили его союзники Алкмеониды, сохранявшие это влияние на протяжении всего VI в. до н.э.⁸⁷ (кстати, через посредство дельфийского жречества и Алкмеонидам и Солону удалось установить контакты с богатой заморской Лидией). В целом, нужно подчеркнуть, Дельфы занимали весьма важное место в политике Солона, прежде всего внешней, но также и внутренней — поскольку между этими двумя сферами трудно провести сколько-нибудь четкую границу, а также поскольку главной исторической задачей законодателя была ликвидация внутривнутриполитического кризиса в Афинах, и прежде всего этой цели должны были служить его отношения с оракулом Пифийского Аполлона.

Рассмотрим в интересующем нас контексте вопрос о дельфийском влиянии на этическое и правовое мировоззрение Солона. Об этом мировоззрении можно составить достаточно определенное представление, поскольку, как говорилось выше, сохранился целый ряд солоновских стихотворений — отчасти фрагментарно, а отчасти даже полностью. Впрочем, лирическая поэзия — весьма специфический тип исторического источника; вряд ли стоит надеяться, что на ее основе удастся сделать какие-то совершенно непротиворечивые, бесспорные выводы. Напротив, можно быть уверенным, что в этой области нас ждет много гипотетичного. Соответственно, вполне закономерным будет вопрос о возможных дополнительных свидетельствах мировоззрения Солона.

Одно из таких свидетельств уже было разобрано автором данной работы в другом месте⁸⁸. Это знаменитый рассказ Геродота (I.29—33) о Солоне в гостях у Креза. Здесь можно лишь резюмировать сделанные там наблю-

⁸⁷ См.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 140—150.

⁸⁸ Суриков И. Е. Гостеприимство Креза... С. 72 слл.

дения. Мы обратили внимание на черты прямого сходства между излагаемой «отцом истории» речью Солона перед лидийским царем и безусловно аутентичными стихотворениями афинского законодателя. К числу таких сходных черт можно причислить: неуверенность в завтрашнем дне, невозможность предсказать грядущее (Sol.fr.1.63—70 Diehl; ср. Herod.I.32.4—5;10); непрочность обладания богатством (Sol.fr.4.9—12 Diehl; ср. Herod.I.32.6); сравнение богача с человеком умеренного достатка в пользу последнего (Sol.fr.14 Diehl; ср. Herod.I.32.6—7); невозможность называться счастливым при жизни (Sol.fr.15 Diehl; ср. Herod.I.32.8); важность наличия детей для счастья (Sol.fr.13 Diehl; ср. Herod.I.30.5;32.7); определение срока человеческой жизни в 70 лет (Sol.fr.19.17—18; ср. Herod.I.32.2)⁸⁹. Безусловно, имеются в словах Солона у Геродота и некоторые мысли, внесенные самим историком. Такова идея зависти богов (Herod.I.32.2), чуждая Солону, но очень характерная для самого Геродота⁹⁰. Однако в целом, насколько нам представляется, галикарнасский историк довольно точно передал солоновские взгляды. Всё это позволило нам аргументированно солидаризироваться с гипотезой, мимоходом высказанной Л.Джеффри⁹¹, согласно которой Геродот мог, строя свой рассказ о Солоне и Крезе, основываться на каком-то не дошедшем до нас стихотворении Солона, обращенном к Крезу. Это стихотворение могло называться, например, Πρὸς Κροΐσων и заключать в себе те мысли, которые получили отражение в геродотовском логосе⁹².

⁸⁹ Позже, когда Солону исполнилось 70 лет, он изменил свою точку зрения, передвинув предел жизни к 80 годам (Sol.fr.22 Diehl). См.: *Доватур А. И.* Ук. соч. С. 118—124.

⁹⁰ Отчленение собственно солоновских элементов от геродотовских в речи Солона перед Крезом проводится в работе: *Chisson Ch.* Op. cit.

⁹¹ *Jeffery L. H.* Op. cit. P. 141—142.

⁹² Судя по всему, и некоторые другие античные авторы использовали стихи Солона, не цитируя дословно, а вольно пере-

В исследовательской литературе уже проводилась мысль о том, что эпизод «Солон и Крез» в повествовании Геродота овеян неким дельфийским ореолом⁹³. Геродотовский Солон выступает в какой-то степени даже рупором дельфийской этики при дворе варварского владыки. Если не списывать это всецело на настрой самого Геродота (вне сомнения, симпатизировавшего Дельфам) и считать, что воззрения афинского законодателя тоже нашли здесь какое-то отражение, то немалое значение получает следующий штрих. Солон у Геродота (I.31) говорит Крезу о Клеобисе и Битоне, об их подвиге и смерти, об их статуях, посвященных аргивянами в Дельфы. Эти статуи (кстати, по счастливой случайности дошедшие до нас), созданные аргосским скульптором Полимедом, датируются первой четвертью VI в. до н.э.⁹⁴, то есть именно временем активной деятельности Солона. Как мы видели выше, Дельфийский храм занимал важное место в политической деятельности Солона; последний, поддерживая с Дельфами тесные контакты, должен был посещать это панэллинское святилище, а, следовательно, видел там упомянутые ста-

сказывая или парафразируя их. Так, К. М. Колобова высказала основательное мнение, согласно которому содержащий яркие поэтические образы рассказ Плутарха о введении Солоном Совета Четырехсот (Plut.Sol.19) представляет собой пересказ какого-то солоновского стихотворения: *Колобова К. М. Революция Солона... С. 29*. Кстати, если это действительно так, то теряет всякую основу популярная в современной западной историографии тенденция отрицать сам факт учреждения Солоном этого органа.

⁹³ Например: *Defradas J. Op. cit. P. 217; Georges P. Op. cit. P. 143—152*.

⁹⁴ Об этих статуях и их историко-художественном контексте см.: *Колтинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. 2 изд. М., 1988. С. 70; Croissant F. Les débuts de la plastique argienne // Polydipsion Argos: Argos de la fin des palais mycéniens à la constitution de l'État classique. P., 1992. P. 69 ss.*

ту и слышал сложившуюся вокруг них храмовую легенду. Эту легенду, помимо прочего, он и мог использовать в своей нравоучительной элегии, адресованной лидийскому царевичу⁹⁵. В противном случае, если предположить, что речь Солона была сочинена Геродотом или кем-то другим в более позднее время, оказывается необъяснимым точное совпадение времени установки статуй и упоминания их афинским законодателем.

Итак, мы приходим к выводу, что геродотовский логос, о котором шла речь, вполне может быть использован в качестве дополнительного источника по мировоззрению Солона, по элементам дельфийской этики в нем. С другой стороны, того же, на наш взгляд, нельзя сказать об изречениях Солона, приводимых таким поздним автором, как Диоген Лаэртский. Большинство этих изречений (знаменитое «Ничего слишком!», а также «Слово есть образ дела», «Пекись о важном», «Не советуй угодное, советуй лучшее», «С дурными не общайся», «Богам — почет, родителям — честь» и др.) представляет собой, по сути дела, набор общих мест, заимствованный доксографом из обильной традиции о Семи мудрецах — традиции, в которой различные гномы без особых к тому оснований «кочевали» от одного из мудрецов к другому. Впрочем, некоторые из цитируемых Лаэртciem солоновских изречений (например, «От богатства родится пресыщение, от пресыщения — спесь») выглядят вполне аутентичными и действительно восходят, скорее всего, к произведениям самого Солона.

Дошедшие до нас элегии и другие стихотворения поэта-законодателя остаются основным и самым надежным источником по его мировоззрению, от них прежде всего приходится отталкиваться, делая выводы сколько-нибудь

⁹⁵ На момент пребывания Солона в Сардах царем Лидии был Алиатт, а его сын Крез — наследником престола, подростком лет десяти-двенадцати. Ср.: Lévy E. Op. cit.

принципиального характера. Какое же отношение к аполлоновской религии Дельфов обнаруживается в этих литературных памятниках? Мы лишь с существенными оговорками можем согласиться с мнением, согласно которому это отношение было равнодушным, прохладным⁹⁶. Действительно, вознося молитвы богам, Солон нередко апеллирует к Зевсу, Афине, но никогда — к Аполлону. Имя бога-стреловержца встречается в его наследии только один раз (Sol.fr.1.53 Diehl), причем в совершенно нейтральном, можно сказать, проходном контексте. Перечисляя различные профессии и их тщету, автор, в частности, говорит:

Этого царь Аполлон-дальновержец вешателем сделал,
Может он людям проречь близость грядущей беды,
Если сопутствуют боги ему... Но ни жертвы, ни птица
Вещая нас не спасут от неминуемой судьбы!⁹⁷

Однако стоит ли на основании редкости упоминаний Аполлона Солоном делать вывод об отсутствии дельфийского влияния на его религиозные взгляды? Для ответственного суждения об этом необходимо рассмотреть солоновскую религию несколько подробнее. Возможность такого рассмотрения существует: сборник сохранившихся стихов Солона при небольшом объеме очень богат по тематике. Наряду с программными заявлениями конкретно-политического характера, любовной лирикой, бытовыми зарисовками в нем присутствуют также размышления на религиозно-этические темы. Речь идет в первую очередь о двух больших (самых больших в сборнике) элегиях — «К музам» (Sol.fr.1 Diehl) и «Благозаконие» (fr.3 Diehl), элегиях, которые можно было бы назвать философскими, если бы мы не находились еще в дофилософской эпохе. В них Солон в какой-то степени излагает свое общемировоззренческое кредо. Каково же это кредо?

⁹⁶ Smertenko C. M., *Belknap G. N.* Op. cit. P. 5 ff.

⁹⁷ Перевод Г. Церетели с нашей поправкой.

Законодатель твердо верит в водительство богов, в их власть над человеческими судьбами. Если счастье и богатство дано человеку богами, то оно будет прочным, надежным, долговременным. То же, чего люди добились помимо воли небожителей, собственной наглостью (*ὑφ' ὕβριος*), в конечном счете обязательно повлечет за собой возмездие от Зевса. Конечно, владыка Олимпа подчас не спешит с карой, и это может создать для злодеев иллюзию безнаказанности. Однако рано или поздно справедливость восторжествует: если сам содеявший дурное дело не искупит его при жизни, это искупление ляжет на плечи его детей и более отдаленных потомков. Таким образом, Солон выражает твердую уверенность в факте страдания невинных за преступления предков, полностью признает идею коллективной ответственности рода⁹⁸. Иного и трудно было бы ожидать на рубеже VII-VI вв. до н.э., да еще из уст благочестивого поэта. Обратим всё же внимание на подмеченный А. И. Доватуром нюанс: Солон называет подвергающихся наказанию потомков преступника именно «невиновными» (*ἀναίτιοι*). Таким образом, в коллективную ответственность он верит, а в коллективную вину — не верит⁹⁹.

⁹⁸ *Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. Oxf., 1959. P. 163—164; Доватур А. И. Ук. соч. С. 102 слл.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 243.*

⁹⁹ В своей молодости Солон имел возможность наблюдать яркое проявление принципа коллективной ответственности: весь род Алкмеонидов был осужден на «вечное» изгнание из Афин за религиозное преступление, совершенное в ходе подавления мятежа Килона, хотя непосредственные виновники содеянного ко времени суда были уже мертвы (*Arist.Ath.pol.1*). Характерно в связи с этим, что впоследствии законодатель способствовал возвращению Алкмеонидов на родину, впервые в афинской истории применив такую меру, как амнистия (*Plut. Sol.19*).

Во всяком случае, видеть в богах причину бед и неудач не следует (ср. также Sol.fr.8 Diehl)¹⁰⁰: в своих несчастьях виноваты лишь сами люди, тешащиеся напрасными мечтами, имеющие слишком высокое мнение о себе и лишь после того, как на них обрушатся какие-нибудь испытания, приходящие к пониманию необходимости разумной меры во всем. Сказанное относится не только к частной, но и к общественной, полисной жизни. Афины никогда не погибнут по Зевсовой воле; если что-то и может их погубить, то это безумие, гордыня и несправедливость самих граждан, особенно «вождей народа» (δημῶν θ' ἡγεμόνων), под которыми в солоновское время следует понимать, очевидно, аристократов. От этих причин пробуждается междоусобная распря, торжествует беззаконие (δυσνομίη).

Дисномии Солон противопоставляет евномию («благозаконие»)¹⁰¹. Характеризуя эту ключевую для своих взглядов категорию, он не жалеет красок:

¹⁰⁰ По поводу представления Солона о божественной справедливости см.: *Ranulf S.* The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens: A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. V. 1. Copenhagen, 1933. P. 130—132; *Freeman K.* God, Man and State: Greek Concepts. L., 1952. P. 208 ff.; *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 72; *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece. L., 1972. P. 47—57; *Webster T. B. L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P. 94; *Murray O.* Early Greece... P. 183.

¹⁰¹ О важности идеи евномии в мировоззрении Солона см.: *Reinhardt K.* Solons Elegie εις εαυτόν // RhM. 1916. Bd. 71. S. 128—135; *Jaeger W.* Solons Eunomie // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. 1926. S. 69—85; *Vlastos G.* Solonian Justice // CPh. 1946. V. 41. No. 2. P. 65—83; *Lumpe A.* Solons Einfluss auf Xenophanes // RhM. 1955. Bd. 98. Ht. 4. S. 378; *Jones J. W.* Op. cit. P. 93; *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969. P. 68—69. В целом об идее евномии см.: *Маркиш Ш.* Сумерки в полдень: Очерк греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны. СПб., 1999. С. 148.

Благозаконье же всюду рождает порядок и стройность.
 В силах оно наложить цепь на неправых людей,
 Сгладить неровности, наглость унизить, ослабить кичливость,
 Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
 Выправить дел кривизну¹⁰², и чрезмерную гордость умерить,
 И разномысля делам вместе с гневливой враждой
 Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинает
 Всюду, где люди живут, разум с порядком царить¹⁰³.

Идея евномии не является изобретением афинского законодателя. Она имеет дельфийское происхождение, что с несомненностью вытекает из следующего обстоятельства. Незадолго до Солона, во второй половине VII в. до н.э., величайший спартанский поэт Тиртей (кстати, по преданию, тоже афинянин по происхождению) написал элегию, также носившую название «Благозаконие» (Tyr. fr.4 West). Спартанское, тиртеевское «благозаконие» оказывается в этой элегии прямо инициированным Дельфами:

Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
 Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
 «Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
 Спарты всерадостный град на попечение дан,
 Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
 Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
 Только благое вещают и правое делают дело,
 Умыслов злых не тая против отчизны своей, –
 И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!»
 Так свою волю явил городу нашему Феб¹⁰⁴.

¹⁰² Дословно — «исправляет неправые тяжбы» (εὐθύνει δὲ δίκας σκολιάς).

¹⁰³ Перевод Г.Церетели.

¹⁰⁴ Перевод В. В. Латышева. Первые две строки этого фрагмента цитируются приводящими их авторами — Диодором (VII.12.6) и Плутархом (Lycurg.6) с некоторыми разночтениями, впрочем, не влияющими на смысл. Последние четыре стро-

Не будем здесь касаться сложного вопроса об историчности постулировавшегося древними дельфийского происхождения «Ликургова» законодательства. Во всяком случае, ясно одно: для лакедемонского поэта евномия (а это для него синоним государственного устройства Спарты с ее царями, герусией и апеллой¹⁰⁵) идет именно из Дельфов, от Аполлона и провозглашается оракулом. Судя по всему, аналогичных взглядов придерживался и Солон. При этом само «благозаконие» он, конечно, понимал в достаточной мере иначе, нежели Тиртей. Для него оно воплощалось, с одной стороны, в обладании полиса справедливыми законами, а с другой — в сознательном подчинении граждан этим законам. Деталей конституционного устройства Солон, в отличие от Тиртея, не касается в связи с евномией. Очевидно, для него это понятие принадлежит скорее к этической, чем к политической сфере. «Благозаконие» тесно сопряжено со справедливым отправлением правосудия. Кроме того, оно призвано (это настойчиво подчеркивается несколько раз) «чрезмерную гордость умерить».

Солон — воистину поэт меры, враг любой экстравагантной крайности¹⁰⁶. Мера воспевается и в ряде других его стихотворений (Sol.fr.fr.4, 5, 10, 14, 16 Diehl). Наверное, не случайно в дельфийской традиции именно ему преимущественно из всех Семи мудрецов приписывается знаменитое $\mu\eta\delta\epsilon\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\nu$. И в этом солоновское мировоззрение было глубоко созвучно дельфийской идеологии, в которой Аполлон предстал как бог меры, предела, по-

ки часто считаются позднейшей вставкой, — на наш взгляд, без особенного к тому основания: если их элиминировать, то предшествующая строка окажется оборванной на полуфразе.

¹⁰⁵ Фактически данный отрывок представляет собой не что иное, как стихотворный пересказ Великой ретры Ликурга.

¹⁰⁶ Ср.: Lumpe A. Op. cit. P. 378; Greenhalgh P. A. L. Aristocracy and its Advocates in Archaic Greece // Greece & Rome. 1972. V. 19. No. 2. P. 196.

рядка, гармонии, противостоящий хаотическим, энтропийным силам, в архаическую эпоху воплощавшимся, в частности, в образе Диониса¹⁰⁷.

Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности. Для характеристики религиозной семантики многих нововведений, осуществлявшихся великим афинским законодателем, большое значение имеет новаторский подход к этой проблеме, осуществленный не столь давно У.Коннором¹⁰⁸. Этот исследователь аргументированно подчеркнул наличие религиозных, культовых элементов даже в тех солонических мероприятиях, у которых ранее видели только политическую или социально-экономическую подоплеку (разделение гражданского коллектива на цензовые классы, сисахфия и др.). Идя по пути, проложенному Коннором, в перспективе можно даже попытаться успешно решить задачу весьма общего характера — найти религиозный стержень всего законодательства Солона. Впрочем, на данном этапе задача такого рода представляется нам слишком широкой по объему. Здесь мы ограничимся рассмотрением в религиозном (если выразиться несколько точнее, в религиозно-политическом) контексте лишь нескольких комплексов законов, и в первую очередь займемся теми из них, которые имеют отношение к погребальной обрядности.

Прежде всего следует привести свидетельства источников¹⁰⁹. Демосфен в одной из речей на частном процессе

¹⁰⁷ О «борьбе» Аполлона и Диониса в Дельфах см.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 34 слл. О дельфийской по своему происхождению доктрине умеренности, самоограничения см.: *Meier Chr.* Op. cit. P. 45. О «дельфийском духе» у Солона см.: *Hönn K.* Op. cit. S. 72; *Masaracchia A.* Op. cit. P. 57.

¹⁰⁸ *Connor W. R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS*. 1987. V. 107. P. 40—50.

¹⁰⁹ Оригинальный текст свидетельств см.: *Суриков И. Е.* Законодательство Солона... С. 8—10.

о спорном наследстве (XLIII.62)¹¹⁰ цитирует (надо полагать, дословно, хотя, скорее всего, не полностью) закон Солона:

«Умершего выставлять внутри дома, как захотят родные. Вынести умершего на следующий день после этого до восхода солнца. Когда будут нести, мужчинам идти спереди, женщинам сзади. Женщинам не разрешается входить в дом умершего и сопровождать его до могилы, кроме тех, кто превысил шестидесятилетний возраст, и родственниц, включая двоюродных племянниц. И после выноса трупа женщинам не разрешается входить в дом умершего, кроме родственниц, включая двоюродных племянниц»¹¹¹.

Далее, ряд упоминаний о погребальном законодательстве Солона содержится в трактате Цицерона «О законах», исключительно важном для нас во многих отношениях, в том числе и по той причине, что он позволяет установить значительные черты сходства и, возможно, преемственности (во всяком случае, сам Цицерон говорит именно о преемственности) между древнегреческой и римской практикой. Естественно, что римского оратора и правоведа больше всего интересуют родные для него законы Двенадцати Таблиц; в связи с ними он и касается солоновских законодательных мер. Вначале Цицерон (De leg. II.23.59) в общей форме говорит о том, что «предписа-

¹¹⁰ Иногда XLIII речь демосфеновского корпуса считается принадлежащей не самому Демосфену, а какому-то другому оратору того же времени. Для целей нашего исследования этот вопрос не имеет никакого значения. Достаточно констатировать, что речь была произнесена в середине IV в. до н.э. и, таким образом, является самым ранним сохранившимся письменным свидетельством о погребальном законодательстве Солона.

¹¹¹ Перевод Л. М. Глускиной. В следующем параграфе речи (XLIII.63) оратор, несколько видоизменяя лексику (видимо, к его времени казавшуюся уже несколько устаревшей), излагает своими словами некоторые положения только что процитированного закона.

ния Двенадцати Таблиц, ограничивающие расходы на погребение и оплакивание умершего, в общем перенесены в них из законов Солона»¹¹². Чуть ниже (*De leg.* XXV.64 sqq.) речь об этом заходит конкретнее и подробнее:

«Когда впоследствии, как пишет Деметрий Фалерский¹¹³, начали устраивать похороны, стоившие дорого и сопровождавшиеся громким плачем, то это было запрещено законом Солона; этот закон наши децемвиры почти в тех же выражениях включили в десятую таблицу своих законов. Ведь указания относительно трех головных покрывал¹¹⁴ и многих мелочей принадлежат Солону. О сетованиях говорится его подлинными словами: “Женщины не должны по случаю похорон ни царапать себе щек, ни испускать воплей”. О гробницах у Солона говорится только следующее: “Никто не должен ни разрушать их, ни хоронить в них сторонних людей”. И устанавливается кара: “Если кто-нибудь, — гласит закон, — осквернит, опрокинет, сломает гробницу (ведь, по моему мнению, это и есть *τύμβος*), или памятник, или колонну...” Но по истечении некоторого времени, ввиду великолепия гробниц, которые мы можем видеть на Керамике, законом было определено, что “никто не должен ни сооружать гробницу, которая потребовала бы труда большего, чем труд десяти че-

¹¹² Цитаты из Цицерона приводятся в переводе В. О. Горенштейна.

¹¹³ Обратим внимание на то, что Цицерон использует здесь в высшей степени авторитетный источник. Афинский философ-перипатетик и государственный деятель Деметрий Фалерский был весьма добросовестным, компетентным и скрупулезным автором. Кроме этого, он специально интересовался вопросами погребального законодательства, поскольку в годы своего правления в Афинах в конце IV в. до н.э. сам проводил реформы в этой области. О Деметрии Фалерском см.: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 58—71.

¹¹⁴ Имеется в виду солоновский запрет класть в могилу больше трех гиматиев (см. ниже, в свидетельстве Плутарха).

ловек в течение трех дней”, ни покрывать ее штукатуркой, ни устанавливать на ней так называемые гермы; произносить речь о заслугах умершего разрешалось только при государственных похоронах и только тому лицу, которому это было поручено властями. Кроме того, дабы уменьшить сетования, было запрещено собираться множеству мужчин и женщин: ведь стечение людей усиливает горе».

Далее Цицерон пишет о реформах Деметрия Фалерского в той же сфере погребального культа, но эти реформы уже слишком далеко отстоят во времени от солоновской эпохи и потому пока не должны нас непосредственно интересовать. При этом Деметрию приписывается предписание хоронить умершего до рассвета. Здесь либо римский автор допустил какую-то путаницу, либо его источник — Деметрий — преувеличил собственные заслуги. Из цитировавшегося выше закона, приводимого Демосфеном, мы видели, что это предписание существовало заведомо раньше правления Деметрия и, судя по всему, восходит к самому Солону.

Здесь мы не касаемся вопроса об историчности настоятельно подчеркиваемых Цицероном заимствований законов Солона о погребении римскими децемвирами. Во всяком случае, имевшее место во второй половине 450-х гг. до н.э. посольство римлян в Афины, в ходе которого, по данным античной традиции (Liv.III.31.8; III.32.6; Dion.Hal.Ant.X.51 sqq.), это заимствование было осуществлено, следует считать, как нам приходилось писать в другом месте¹¹⁵, вполне реальным фактом, а отнюдь не поздней литературной фикцией.

¹¹⁵ Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 95—100. Ср. также: Дементьева В. В. Причины создания и целевое назначение децемвирата // ВДИ. 2001. № 4. С. 57 слл.

Наконец, мы приводим последнее обширное свидетельство об интересующем нас в данном очерке комплексе солоновских законов и мероприятий. Это свидетельство принадлежит Плутарху. Рассказывая в жизнеописании Солона о приглашении последним в Афины Эпименида Критского для совершения очистительно-умилостивительных обрядов, служивших цели избавления Аттики от «Килоновой скверны» (Plut.Sol.12), херонейский биограф пишет:

«По прибытии в Афины он (Эпименид — *И. С.*) подружился с Солоном, во многом ему тайно помогал и проложил путь для его законодательства. Он упростил религиозные обряды, смягчил выражение скорби по умершим, введя жертвоприношения непосредственно при похоронах и отменив грубые, варварские обычаи, которые соблюдались большинством женщин. Но самое главное, умилостивительными жертвами, очищениями, сооружением святынь он очистил и освятил город и тем самым сделал граждан послушными голосу справедливости и более склонными к единодушию»¹¹⁶.

В другом месте того же жизнеописания (Plut.Sol.21), насколько можно судить, сведены вместе упоминания о различных законах Солона, имевших отношение к умершим. К этой группе относятся закон, запрещающий дурно говорить о покойниках, закон о завещаниях и, в частности, особенно интересующий нас закон, ограничивавший проявления неумеренной скорби на похоронах:

«Также и относительно выезда женщин из города, их траурных одежд, их праздников Солон издал закон, запрещающий беспорядок и неумеренность... Он запретил женщинам царапать себе лицо, бить себя в грудь, употреблять сочиненные причитания, провожать с воплями постороннего им покойника. Он не позволил приносить

¹¹⁶ Цитаты из плутарховой биографии Солона даются в переводе С. И. Соболевского.

вола¹¹⁷ в жертву покойнику, класть с ним больше трех гиматиев, ходить на чужие могилы, кроме как в день похорон».

Какие наблюдения позволяют сделать процитированные выше сообщения античных авторов? Прежде всего, из них (в частности, из Плутарха) видно, что нововведения Солона в области погребального культа были вообще самыми первыми его мероприятиями, осуществленными еще до его архонтата, а именно в 596 г. до н.э.: именно так следует датировать визит Эпименида в Афины¹¹⁸. Судя по всему, роль критского пророка и очистителя в этом эпизоде афинской истории была весьма велика, так что в какой-то степени можно даже говорить о реформах Солон–Эпименида. Впоследствии, когда Солон уже в качестве архонта приступил к изданию свода законов, интересные нас положения целиком вошли в этот свод.

Отметим также, что свидетельства Демосфена, Цицерона и Плутарха, разделенные между собой весьма значительными хронологическими отрезками, ни в чем друг другу не противоречат, напротив, отчасти дублируют, отчасти дополняют друг друга. Это является сильным аргументом в пользу достоверности всех анализируемых свидетельств, тем более что они принадлежат писателям, к которым в целом, безусловно, можно относиться с достаточным доверием. Демосфен работал непосредственно с корпусом солоновских законов. То же можно сказать и о Плутархе, который, как правило, добросовестно относился к своим документальным источникам. Цицерон, правда, имел посредника между законами и собой, но посредника только одного, причем, как отмечалось ранее, в высшей степени компетентного — Деметрия Фалерского. Можно с полной уверенностью сказать, что из цитат и ссылок

¹¹⁷ Собственно, речь идет не только о воле, но о крупном рогатом скоте вообще.

¹¹⁸ Обоснование этой датировки см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 36—40.

перечисленных авторов перед нами вырисовываются очертания подлинных законов Солона. При этом, следует подчеркнуть, речь идет, что для нас особенно ценно, именно об аутентичных законах, действительно разработанных самим Солоном в начале VI в. до н.э., а не о записанных им нормах обычного права и не о позднейших наслоениях в законодательном корпусе Афин.

Этот последний тезис нам позволяют выдвинуть следующие обстоятельства. Во-первых, солоновские погребальные законы имеют ярко выраженный реформаторский характер. Они призваны не зафиксировать существующее положение вещей, а внести в него изменения. Во-вторых, мы уже видели, что Солон действительно проявлял несомненную заинтересованность в погребальных обрядах: в частности, в связи со спорным вопросом о принадлежности Саламина он провел специальное исследование саламинских некрополей¹¹⁹, причем в этих изысканиях ему, судя по всему, покровительствовало дельфийское жречество. В-третьих, Цицерон четко отграничивает солоновские законы о погребениях от последующих афинских же законодательных мер по этому вопросу, а именно от не датированного им точно, введенного *post aliquanto* (скорее всего, во времена Клисфена) закона, ограничивавшего размеры гробниц¹²⁰, а также от законодательства Деметрия Фалерского. Иными словами, мероприятия разных эпох не подверглись контаминации, имелось вполне точное представление, какие из них принадлежат Солону, а какие были осуществлены позже.

Существуют прослеживающиеся как по нарративным, так и по эпиграфическим данным достаточно ранние ана-

¹¹⁹ Таким образом, к многочисленным заслугам Солона можно добавить еще и то, что он был первым в европейской (если не мировой) истории археологом.

¹²⁰ Об этом законе и его последствиях см.: *Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. L., 1971. P. 121.*

логии интересующим нас здесь солоновским мерам по регулированию погребальных обрядов, в большинстве своем происходящие из других полисов. Почти все эти аналогии, правда, несколько позднее по времени, нежели законы Солона: они принадлежат классической эпохе¹²¹. К V в. до н.э. относятся законы Гелона в Сиракузах (Diod. XI.38), закон из кеосской Юлиды (Syll.³ 1218), а также культовые предписания фратрии Лабиадов в Дельфах (SEG. XXV. 574). Последний документ отметим особо, поскольку он происходит из тех самых Дельфов, о которых у нас только что подробно шла речь в связи с деятельностью Солона. Среди юридических памятников V в., которые детально и с целым рядом сродных солоновским законам черт трактуют вопросы погребального культа, нельзя не назвать и упоминавшиеся выше римские законы Двенадцати таблиц¹²². IV веком до н.э. датируются реформы в той же сфере, проводившиеся в Афинах Деметрием Фалерским (Cic.De leg.II.26.66). Целый комплекс законов о погребении содержится в трактате Платона «Законы». Разумеется, платоновы уложения не имели никакой юридической силы и являлись литературной фикцией, но не приходится сомневаться, что при их составлении философ опирался на реально существовавшую традицию погребальных законодательств в различных греческих государствах, хотя,

¹²¹ Об этих аналогиях см.: *Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. L., 1974. P. 14 ff.; *Humphreys S. C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 85—89; *Parker R.* Op. cit. P. 34; *Гаврилов А. К.* Белый траур в Греции и Риме (II) // *Hyperboreus*. 2000. V. 6. Fasc. 1. С. 175 слл.

¹²² Вопросам, связанным с погребением, была посвящена десятая таблица этого законодательства. Подробнее см.: *Toher M.* The Tenth Table and the Conflict of the Orders // *Social Struggles in Archaic Rome*. Berkeley, 1986. P. 301—326. Автор отмечает, что в целом регулирование погребального ритуала чуждо италийской традиции и что в данном случае скорее можно говорить о греческом влиянии.

конечно, он и вносил в эту сферу ряд собственных идей. В эпоху эллинизма памятники аналогичной направленности (в основном надписи) продолжают множиться и их географический ареал становится всё более обширным — от Гамбрия в Малой Азии до италийского Брундизия.

Как мы уже сказали, все эти случаи законодательства о погребальном культе следуют во времени после законов Солона. В связи с этим может вставать вопрос, имело ли место в каждом конкретном полисе заимствование из Афин или же можно говорить о независимом развитии, вызванном сходными причинами. На наш взгляд, одно другому не противоречит. С одной стороны, пути эволюции политического устройства различных греческих государств, пути формирования полиса были во многих отношениях едиными, более или менее предполагавшими (во всяком случае, до определенного момента) одну и ту же последовательность прохождения определенных этапов. Различными были лишь темпы этого прохождения. Весьма схожими во всех полисах были и взаимоотношения религии с государственным организмом, что предопределяло одинаковые способы реагирования на одинаковые проблемы, встающие на стыке этих двух сфер. С другой стороны, уже с самого начала эпохи классики и далее влияние Афин практически на весь эллинский мир было весьма значимым, причем постоянно возрастающим. Не приходится, таким образом, сомневаться и в том, что какие-то законодательные новшества, в том числе и в культовой сфере, могли прямо или косвенно инспирироваться этим влиянием, особенно в небольших и тесно связанных с Афинами полисах. Можно резонно предположить, что именно так происходило дело в маленькой Юлиде, расположенной на географически очень близком к Аттике острове Кеос. Ну, а, скажем, что касается Дельфов, то в этом случае позволительно усомниться в непосредственном воздействии на тамошние уложения афинских законов, по-

скольку город Аполлона никак нельзя назвать отсталым или нуждающимся в чужом примере в такой области, как законодательство, особенно культовое.

Есть и упоминания, правда, достаточно смутные, о погребальных законах, принадлежавших деятелям эпохи архаики, современным Солону или даже предшествовавшим ему во времени. В подобных случаях, если они заслуживают доверия, разумеется, не может быть и речи о заимствовании из Афин. Цицерон в уже неоднократно упоминавшемся нам трактате «О законах» (II.26.66) говорит о том, что «Питтак вообще запрещает присутствовать на похоронах чужим людям». Деятельность Питтака в Митилене в качестве эсимнета и законодателя падает на конец VII в. до н.э., то есть имело место раньше, чем законодательство Солона в Афинах. Позднеантичный эрудит Иоанн Стобей (V в. н.э.) в своей «Антологии» цитирует законы сицилийского законодателя VI в. до н.э. Харонда, среди которых есть и относящиеся к погребению умерших (Stob.Flor.IV.2.24). Впрочем, неясно, насколько вообще цитаты Стобея можно считать действительно восходящими к самому Харонду. Они довольно многословны, несут на себе следы риторической литературной обработки и в целом не производят впечатления архаического законотворчества¹²³. Сказанное, конечно, не означает, что Харонд не вводил погребальных законов.

Несомненный интерес представляет собой такая параллель, как спартанские законы о погребениях (Plut. Lycurg. 27), приписывавшиеся Ликургу и, во всяком случае, имеющие весьма архаичное происхождение. Следует сказать, что спартанцы и в этой сфере, как и большинстве других, превосходили остальные греческие полисы жестко-

¹²³ Значительно более достоверным источником о законодательстве Харонда является Диодор (*Строгоцкий В. М. Ук. соч. С. 72 слл.*), который как раз ничего не говорит о мерах этого законодателя в отношении погребений.

стью узаконений и их, если так можно выразиться, экстравагантностью. У них запрещалось класть что бы то ни было в могилу с покойным и предписывалось лишь обернуть тело в красный плащ и увивать его зеленью оливы. Не разрешалось и надписывать на надгробии имя умершего. Устанавливался чрезвычайно короткий срок траура — одиннадцать дней, меньше, чем где бы то ни было в Греции. С другой стороны, не было никаких ограничений на погребения внутри городской черты и даже вблизи храмов. Это идет вразрез с общегреческой практикой, согласно которой хоронить умерших следовало за пределами города. Из этого правила существовало лишь одно значимое исключение, но и оно лишь подтверждает правило: в колониях ойкиста хоронили на агоре, и его могила становилась общеполисным святилищем, центром культа героизированного основателя.

Итак, законы Солона, регулировавшие различные аспекты погребального ритуала, прекрасно укладываются в русло общей тенденции, характерной для греческого мира архаической, да еще и классической эпохи. Суть этой тенденции с полным основанием можно определить как ограничительную¹²⁴. Для дальнейшего изложения необходимо оговорить, что древнегреческий обряд погребения уже как минимум с гомеровского периода состоял из двух основных элементов, в этом отношении разительно напоминающая наши современные обычаи. Этими элементами были, во-первых, выставление тела умершего для прощания (πρόθεσις) — на парадном ложе, после Солона обычно во внутреннем перистиле ойкоса, — и, во-вторых, вынос тела к месту погребения (ἐκφορά)¹²⁵. После предания по-

¹²⁴ Lacey W. K. *The Family in Classical Greece*. Ithaca, 1968. P. 66; Humphreys S. C. *The Family...* P. 13—14.

¹²⁵ См.: Ahlberg G. Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art. Göteborg, 1971. В целом о погребальном обряде и культе умерших в гомеровский период см.: Andronikos M. *Totenkult* (Archaeologia Homerica. Bd. 3. Kap. W). Göttingen, 1968.

койного земле или кремации участники похорон возвращались в его дом для участия в поминальной тризне.

Как мы можем видеть из процитированных выше свидетельств, Солон в своих законах налагал ограничения на обе эти части погребального ритуала. Протесис должен был продолжаться не более одного дня; на нем не разрешалось присутствовать женщинам, за исключением близких родственниц, а также старух, превысивших шестидесятилетний возраст. В последнем случае имеются в виду прежде всего плакальщицы. Не меньше, если не больше, ограничений встречаем мы в связи с экфорой. Ее предписывалось проводить до восхода солнца; запрещалось жертвоприношение крупного рогатого скота и вообще проявление роскоши при похоронах. Относительно участия женщин вводились те же ограничения, что и при протесисе; кроме того, они должны были идти позади мужчин. Запрещались страстные, экстатические погребальные плачи женщин. Специально оговаривалось, что не следует ходить на чужие могилы.

С.Хамфрис на основании законов Солона о погребениях предпринимает интересную попытку реконструировать примерные очертания погребальных ритуалов в досолоновскую эпоху¹²⁶. Они имели, насколько можно судить, следующий вид (во всяком случае, когда хоронили аристократа, видного в городе человека). Протесис продолжался настолько долго, насколько было физически возможно, при этом, вероятно, изначально проходил не в доме умершего, а в каком-нибудь общественном месте. Экфора имела место днем, у всех на виду. Во время этой процессии похоронные носилки были покрыты богатыми тканями. Их сопровождали многочисленные друзья и сто-

¹²⁶ *Humphreys S. C. The Family...* P. 86. Подробное описание древнейшего погребального ритуала мы встречаем в XXIII песне «Илиады» (погребение Патрокла), а также в «Энеиде» Вергилия (VI.212 sqq.; XI.59 sqq., 184 sqq.).

ронники умершего, шли лица обоих полов, тут же присутствовали музыканты и профессиональные плакальщицы. Мужчины могли идти в воинских доспехах или даже ехать в колесницах. При этом они в целом сохраняли самоконтроль, чего нельзя сказать о женщинах. Последние, напротив, даже должны были согласно старинным обычаям, проявлять дикое горе — испускать громкие вопли, до крови царапать себе щеки и т.п. Погребальный кортеж двигался медленно, часто останавливаясь на перекрестках и привлекая всеобщее внимание страстными рыданиями. Непосредственно на погребальном костре (кремация была преимущественно распространена именно в аристократических кругах) в память покойного сжигалось большое количество дорогостоящих вещей, приносились в жертву животные. Участники похорон долго оставались у огня, пока он не догорал, а тем временем ходили на соседние могилы, воспевали славу лежащих в них предков и родственников умершего. В конце концов все направлялись на поминальный пир в дом наследника, а то и на погребальные игры.

По основным из вышеописанных черт Солон и наносил удар своим законодательством, как это делали и многие другие законодатели архаического и классического времени. Попробуем ответить на вопрос, каковы были причины вышеописанных ограничений и, соответственно, их цели. На один из связанных с этим вопросом аспектов не столь давно обратил внимание И. Моррис¹²⁷. Он отметил, что в ограничениях роскоши погребального ритуала, проявившихся в архаической Греции если и не повсеместно, то весьма часто, нашли отражение эгалитарные тенденции, связанные со становлением полиса. Ведь все такого рода ограничения имели в виду в первую очередь аристократов: именно они из жажды престижа устраива-

¹²⁷ *Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of Greek City-State. Cambridge, 1989. См. также: Robinson E. W. Op. cit. P. 65 ff.*

ли демонстративно богатые похороны, превозносясь таким образом над массой рядового демоса. Во многом эта идея представляется нам верной, однако существует одно обстоятельство, препятствующее безоговорочно солидаризироваться с ее автором.

Дело в том, что, по указанию Цицерона, Солон не ввел никаких ограничений, которые касались бы размеров надгробных памятников и роскоши их исполнения. Археологические данные полностью подтверждают цицероновские сведения. Действительно, на протяжении всего VI в. до н.э., то есть в послесолоновский период, в Аттике зафиксированы чрезвычайно монументальные и пышные надгробия, зачастую с использованием рельефной или круглой скульптуры¹²⁸. Создается впечатление, что аристократы, ущемленные в проявлениях своего богатства и великолепия непосредственно во время похорон, как бы «отыгрывались», возводя на могилах своих умерших родственников настоящие произведения искусства, вне сомнения, крайне дорогостоящие¹²⁹. Перелом наступает на рубеже VI—V вв. до н. э. С этого времени и вплоть до Пелопоннесской войны подобного рода роскошные надгробия практически совершенно исчезают, что, не приходится сомневаться, связано с фактом установления афинской демократии при Клисфене, впрочем, скорее не напрямую, а опосредованно. Мы имеем в виду датированный, вероят-

¹²⁸ Об этих памятниках см.: *Richter G. M. A. Archaic Attic Gravestones. Cambridge Mass., 1944.* Зачастую на могилах ставились статуи курсов, о которых см.: *Richter G. M. A. Kouroi: A Study of the Development of the Greek Kouros from the Late Seventh to the Early Fifth Century B. C. Oxf., 1942.*

¹²⁹ Э. Снодграсс даже считает, что погребальное законодательство Солона фактически стимулировало строительство надгробных памятников как моральную компенсацию за запрет иного рода расходов на похороны: *Snodgrass A. Op. cit. P. 146.* Ср.: *Sourvinou-Inwood C. 'Reading' Greek Death: To the End of the Classical Period. Oxf., 1996. P. 370.*

нее всего, клисфеновской эпохой закон¹³⁰, о котором мы уже кратко упоминали выше: как раз он-то и ввел такие ограничения. Впрочем, ближе к концу V в. до н.э. этими ограничениями, кажется, начали пренебрегать. Надгробные памятники вновь стали появляться в изобилии, достигнув невиданной художественной высоты¹³¹. Наконец, Деметрию Фалерскому (а может быть, и не ему лично, а общему обеднению афинского полиса в эллинистический период) удалось вновь пресечь эту возродившуюся традицию.

Таким образом, если меры Солона в данной сфере были всецело обусловлены только полисным эгалитаризмом, то не вполне понятно, почему его желание сгладить расслоение в социальном отношении не распространилось на практику изготовления монументов, иными словами, почему он не пошел по спартанскому пути: в Спарте, как указывалось выше, даже имя умершего на надгробии запрещено было надписывать, не говоря уже о возведении дорогостоящих стел. Да и в целом Солон — и как мыслитель, и как практический деятель — отнюдь не производит впечатления «эгалитариста». Достаточно вспомнить, что он был решительным противником такой уравнивательной акции, как передел земель (*γῆς ἀναδασμός*), хотя демос и побуждал его к этому (Arist.Ath.pol.11.2; Plut.Sol.16). Солон не уравнивал граждан, а воздавал suum

¹³⁰ О возможных датировках этого закона см.: *Stupperich R. Staatsbegräbnis und Privatgrabmal im klassischen Athen. Münster, 1977. S. 72—77.*

¹³¹ По сравнению с архаической эпохой изменилась форма надгробий. Теперь это были не высокие и узкие стелы-колонны, а плиты с превышением ширины над высотой, с небольшим фронтоном сверху. См.: *Richter G. M. A. Archaic Attic Gravestones...* P. 119 ff. Об иконографии афинских надгробий классического времени см.: *Stupperich R. The Iconography of Athenian State Burials in the Classical Period // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 93—103*

сүйке, выстраивал в полисе четкую градацию имущественных классов.

Вряд ли могло играть решающую роль в упорядочении погребальных обрядов и стремление законодателя к экономии средств, его желание уменьшить «непроизводительные» расходы¹³². Не говоря уже о том, что на дела, связанные с религией, на устройство пышных празднеств, возведение монументальных храмов из дорогого камня в архаической (да еще и классической) Греции никогда не скупилась, не будем забывать, что похороны в досолоновскую эпоху устраивались отнюдь не за государственный счет; все расходы несли родственники умершего. Не имело смысла ограничивать их в этих расходах просто из соображений экономии: всё равно сэкономленные таким образом средства пошли бы не в общепolisное пользование, а попросту были бы истрачены теми же аристократами на какие-нибудь другие чисто личные цели¹³³. Нам представляется, что были и другие причины регулятивных мероприятий афинского законодателя в области погребальной культуры, кроме эгалитарной тенденции чисто политического характера или стремления к экономии, которые не следует преувеличивать. Одна из причин, о которых идет речь, относится к религиозной жизни и рели-

¹³² Ср.: *Toher M.* Op. cit. Passim. Исследователь аргументированно полемизирует с распространенной точкой зрения, согласно которой законы о погребениях входили в категорию законов, ограничивавших расходы (sumptuary laws), и склонен делать акцент скорее на религиозных причинах такого рода установлений.

¹³³ Престижные траты играли важную роль во всем образе жизни аристократии. Они являлись неотъемлемым элементом так называемой престижной экономики, широко распространенной в архаических обществах. О престижной экономике см.: *Семенов Ю. И.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993.

гиозному мировоззрению архаической эпохи, другая — лежит на стыке религии и политики.

Прежде всего, не будем забывать о категории скверны, культовой нечистоты, о которой нам уже приходилось говорить выше в связи с законом Драконта. Скверну следует рассматривать не только в связи с проблемами убийства. Поводов для ее возникновения было более чем достаточно. Как отмечается практически всеми исследователями, которые занимались этой проблематикой, скверна, имевшая самое прямое отношение к категории табу, неприкосновенности (неприкасаемости), фиксировала вступление человека в контакт с некими могущественными и непостижимыми силами: миром богов (особенно хтонических), миром смерти, миром тьмы¹³⁴. Вполне естественно, что присутствие трупа в доме, в полисе становилось мощным источником скверны, воспринимавшейся как заразная болезнь. Участие в похоронах само по себе оскверняло индивида¹³⁵. По сути дела, период траура по покойному, присутствующий, наверное, в обычаях всех времен и народов, есть по своим корням не что иное, как своеобразный срок «карантина». Многочисленные ограничения, налагавшиеся Солоном, как и другими законодателями, на погребальный ритуал, преследовали, помимо прочего, цель минимизировать возможность осквернения, «зараже-

¹³⁴ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 96—97; Latte K. Schuld und Sünde in der griechischen Religion // Archiv für Religionswissenschaft. 1920—1921. Bd.20. S. 260; Frazer J. G. The Golden Bough. V. 2. L., 1913. P. 138—145, 224; Chantraine P., Masson O. Sur quelques termes du vocabulaire religieux des Grecs: la valeur du mot *áγος* et de ses dérivés // Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Bern, 1954. P. 107; Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Cambridge Mass., 1985². P. 87. Об особом нарастании страха перед скверной в Греции архаической эпохи см.: Доддс Э. П. Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 48 слл.; Mikalson J. D. Athenian Popular Religion. Chapel Hill, 1983. P. 88.

¹³⁵ Parker R. Op. cit. P. 34—35.

ния» граждан полиса. Для того-то и сокращался срок протесиса, экфора проводилась до рассвета, когда на улицах было еще относительно безлюдно¹³⁶.

Не может не броситься в глаза, что едва ли не большинство солоновских погребальных предписаний касаются участия женщин¹³⁷. Это должно стоять в связи с общим восприятием женщины в мире греческого полиса¹³⁸. В женщине греки, особенно в архаическую эпоху, видели средоточие сил хаоса, чуждое гармоничному порядку благоустроенного полиса. Женщина для них воплощала собой нечто стихийное, хтоническое. Соответственно, ее жизнь должна была подвергаться наибольшему количеству разнообразных ограничений и регуляций. Это проявлялось во многом, в частности, в том, что в ряде полисов создавались коллегии специальных должностных лиц — гинекономов, призванных следить за поведением женщин. Интересно, что в Афинах коллегию гинекономов ввел неоднократно уже упоминавшийся Деметрий Фалерский¹³⁹, который упорядочивал также и погребальные обряды. Очевидно, две сферы — сфера женского бытия и сфера смерти — лежали в непосредственной близости друг от друга, можно сказать, соприкасались. Считалось, что женщина по самой своей природе более предрасположена к осквернению¹⁴⁰.

¹³⁶ *Sourvinou-Inwood C.* 'Reading'... P. 178. Есть еще мнение, что преследовалась цель не осквернять солнечный свет (*Маркии III*. Ук. соч. С. 292), но нам это кажется маловероятным.

¹³⁷ *Alexiou M.* Op. cit. P. 16.

¹³⁸ Из необъятной литературы о роли женщин в греческом мире и об отношении к ним укажем на книгу, в которой, как нам кажется, эти вопросы излагаются наиболее удачно: *Just R.* *Women in Athenian Law and Life*. L. — N. Y., 1989. На выводах ее автора в основном и базируются наши последующие рассуждения.

¹³⁹ *Хабихт X.* Ук. соч. С. 61.

¹⁴⁰ Насколько можно судить, такое мнение связано с тем, что женщина действительно в течение своей жизни несравненно

Итак, законы Солона о погребениях служили решению и такой задачи, как борьба со скверной. Они выполняли очистительную функцию. И здесь Солон действовал вполне в русле дельфийской религиозной политики. В эпоху архаики (да и позже) именно Аполлон Пифийский считался богом-очистителем, блюстителем культовой чистоты кат' ἑξοχήν, а его храм в Дельфах — одним из главных пурификационных центров¹⁴¹. Кстати говоря, во многом сам акт введения писанных законов в том или ином полисе рассматривался как очистительное мероприятие, которое должно было снять с граждан скверну междоусобной смуты.

Обратим внимание еще на один аспект проблемы. Своим погребальным законодательством Солон во многом продолжал меры Драконта по пресечению родовой кровной мести. До солоновских упрощений и ограничений афинские погребальные ритуалы с их широким размахом и ярко выраженным экспрессивно-эмоциональным характером нередко должны были порождать прямую угрозу стабильности полисов. Ритуалы эти, как важное проявление общественной жизни, нередко эксплуатировались аристократами в политических и пропагандистских целях¹⁴². Особенно часто это могло происходить в тех случаях, когда хоронили человека, не умершего своей смертью, а погибшего от рук согражданина. В таких обстоятельствах страстные причитания над могилой или у погребального костра не могли не ожесточать присутствующую

чаще, чем мужчина, находилась в состоянии осквернения (в периоды менструаций, при беременности, после родов). См.: *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. С. 219—222; *Sokolowski F.* Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1955. P. 186.

¹⁴¹ Ср.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 232—233.

¹⁴² Ср.: *Snodgrass A.* Op. cit. P. 117; *Garland R.* Op. cit. P. 22.

щих и нередко выливались в призывы к мщению, которые могли тут же перерасти в непосредственные действия. Как это происходило, можно наглядно увидеть хотя бы из эсхилловских «Хоэфор»¹⁴³.

Как раз относительно незадолго до солоновских реформ в Афинах, не исключено, что даже на глазах самого Солона, произошли события, которые могли послужить хорошим уроком в этом отношении. Мы имеем в виду последствия мятежа Килона. Оставшиеся в живых сторонники неудачливого претендента на тиранию начали мстить роду Алкмеонидов, сыгравшего главную роль в подавлении мятежа и резне его участников. Кровавая месть в среде виднейших и наиболее влиятельных граждан потрясла основы формирующегося полиса, влекла за собой перманентное состояние распри-стасиса. Одним из важнейших необходимых условий для проведения законодательных мероприятий было установление в Афинах внутреннего мира, пресловутой евномии. Нам представляется не случайным, что одним из первых действий Солона в 594 г. до н.э. был закон об амнистии (Plut.Sol.19). Алкмеониды (которым законодатель вообще симпатизировал) смогли по этой амнистии возвратиться на родину, а вот «килоновцы» из нее были исключены, поскольку их преступление заключалось в попытке установления тиранической власти. Не подпадали под амнистию также и осужденные за убийство. Эту последнюю оговорку следует счесть весьма дальновидной. Действительно, допустим, что убийцы по-

¹⁴³ Ср.: *Rohde E. Psyche. Le culte de l'âme chez les Grecs et leur croyance à l'immortalité.* P., 1928. P. 185; *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 136. В целом по проблеме кровной мести у греков см.: *Treston H. J. Poine: A Study in Ancient Greek Blood-Vengeance.* L., 1923; *Дворецкая И. А., Залобовина Г. Т., Шервуд Е. А.* Ук. соч. С. 19 слл. Об индоевропейских истоках связанных с кровной мезтью представлений см.: *Орел В. Э.* Об одном институте индоевропейского права. Опыт лингвистического комментария // ВДИ. 1986. № 1. С. 130—144.

лучили бы от государства прощение и вернулись бы из изгнания в Аттику. Трудно даже представить, к какой вспышке кровной мести это привело бы. Сородичи убитых немедленно начали бы мстить своим врагам, коль скоро те оказались в пределах досягаемости, и никакие законы, никакие запреты не смогли бы их остановить.

Итак, принимая меры по упорядочению погребальных обрядов, афинский законодатель, насколько мы теперь можем судить, руководствовался следующими соображениями. Во-первых, он стремился свести к минимуму возможность распространения в полисе «скверны», культовой нечистоты. Во-вторых, его целью было помешать использованию погребения в качестве повода для кровной мести¹⁴⁴. В-третьих (это последнее обстоятельство, на наш взгляд, было менее важным), сыграла некоторую роль и общая тенденция воспрепятствовать аристократам демонстрировать на похоронах свою силу и богатство: такая демонстрация, конечно, не могла встречать сочувствия у демоса.

Согласно традиции, сохраненной ритором и историком IV в. до н.э. Анаксименом (FGrHist.72 F24), именно Солоном был введен столь распространенный впоследствии в Афинах обычай произнесения надгробных речей (ἐπιτάφιοι λόγοι). Иногда это сообщение считают не-

¹⁴⁴ Обратим внимание, что италийская, этрусско-римская традиция решила ту же проблему совершенно иным, чуждым грекам способом. Насколько можно судить, своеобразной имитацией или сублимацией кровной мести служили в ней жертвоприношения рабов на могиле покойного, из которых впоследствии выросла практика гладиаторских боев. Нам представляется, что здесь коренится одна из причин того, что в Риме — даже после ограничений Двенадцати таблиц — погребальный обряд продолжал сохранять значительно более пышный и демонстративный характер, нежели в Афинах, с публичной церемонией на форуме, костюмированным действием в посмертных масках предков и т. п. (см.: Polyb.VI.53—54).

достоверным, полагая, что в действительности этой обычай появился позже, например, во времена Клисфена¹⁴⁵. Мы, однако, не видим основательных причин отвергать зафиксированную у Анаксимена традицию¹⁴⁶. В пользу ее аутентичности говорит, между прочим, то обстоятельство, что Цицерон (*De leg.* II.26.65), пересказывая послесолоновский (скорее всего, клисфеновский) погребальный закон, приводит следующее его положение: «Произносить речь о заслугах умершего разрешалось только при государственных похоронах и только тому лицу, которому это было поручено властями». В достоверности этого цicerоновского сообщения, восходящего к Деметрию Фалерскому, сомневаться нет решительно никаких оснований, поскольку в классических Афинах (об этом свидетельствует Фукидид) практика была именно такой, как она здесь описана. Таким образом, при Клисфене вносились *изменения* в установление о погребальных речах, а это-то как раз и означает, что само установление уже существовало, но только в иной форме. А в какой форме — это достаточно ясно из самих изменений: до того, как они были осуществлены, надгробную речь можно было произносить не только на государственных, но и на частных похоронах, причем это позволялось любому желающему, а не только специально уполномоченному лицу. Видимо, именно таким был закон об ἐπιτάφιοι λόγοι, введенный Солоном.

Надгробная речь должна была, по мысли законодателя, заменить собой (хотя бы отчасти) рыдания и причитания над могилой. Таким образом, Солон задавался целью сде-

¹⁴⁵ См., в частности: *Stupperich R.* Staatsbegräbnis... S. 201 ff.; *Loraux N.* L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P., 1981. P. 28.

¹⁴⁶ Признают достоверность традиции: *Hammond N. G. L.* Studies... P. 356; *Alexiou M.* Op. cit. P. 23; *Garland R.* Op. cit. P. 90; *Суриков И. Е.* Гостеприимство Креза... С. 75.

лать весь погребальный ритуал более упорядоченным, стройным, «цивилизованным», чуждым хаотическим проявлениям скорби, иначе говоря, придать ему в большей степени полисный характер¹⁴⁷. С введением эпитафия значение устного слова в афинской общественной жизни, естественно, возрастала; создавались первые предпосылки для громадной роли ораторского искусства в классических, демократических Афинах¹⁴⁸. В том же русле превращения погребального культа из частного, родового в общеполитическое дело следует рассматривать введение Солоном Генеций — празднества в честь умерших. Этот праздник отмечался ежегодно в 5—й день месяца боэдромиона (Bekker Anecd.I.86.22)¹⁴⁹.

В связи со всем, что говорилось выше об ограничениях пышности и роскоши погребальных обрядов, осуществленном афинским законодателем, небезынтересно хотя бы вкратце остановиться на следующем сюжете. Не столь давно в западной антиковедческой литературе появились сенсационные сообщения о том, что археологам, возможно, удалось открыть могилу самого Солона. На афинском Керамике, где находился самый крупный и престижный в Аттике некрополь, специалистами из Немецкого археологического института, ведущими там раскопки, было обна-

¹⁴⁷ Ср. об аналогичной роли надгробной речи в Риме: Polyb. VI.53—54; Dionys.Hal.Ant.V. 17.

¹⁴⁸ Об огромной власти устного слова, речи в демократических Афинах см.: Ober J. *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999. P. 18 ff.

¹⁴⁹ Об этом празднике и введении его Солоном см.: Jacoby F. ΓΕΝΕΣΙΑ... Passim; Snodgrass A. Op. cit. P. 117; Garland R. Op. cit. P. 105; Латышев В. В. *Очерк греческих древностей: Богослужбные и сценические древности*. СПб., 1997. С. 129. К. М. Колобова подмечает, что важное место в деятельности Солона занимала инкорпорация родовых культов в государственную, полисную религию: Колобова К. М. *Революция Солона...* С. 70. Ср. также: Alexiou M. Op. cit. P. 20.

ружено огромное надгробное сооружение — могильный холм объемом 2600 м³, сразу ставший самым крупным из известных памятников такого рода в архаических Афинах. Датируется памятник 570—550 гг. до н.э., причем изначально в нем находилось одно погребение, а впоследствии, спустя недолгое время, было устроено еще не менее 12 впускных шахтных гробниц, достаточно богатых¹⁵⁰.

Действительно, мысль о принадлежности данного сооружения именно Солону казалась крайне заманчивой. Оно, вне сомнения, было возведено за государственный, а не частный счет, о чем говорят и его громадные размеры, и тот факт, что более ранние погребения на этом же месте были попросту уничтожены для возведения нового кургана. Похоронено в последнем было, безусловно, лицо, в высшей степени влиятельное в полисе. Единственная сразу приходящая в голову альтернатива Солону в этом отношении — Писистрат — отпадает по хронологическим соображениям: афинский тиран умер, как известно, значительно позже.

Однако в связи с идентификацией памятника как могилы Солона возникает целый ряд резонных сомнений и возражений. Во-первых, постройка столь монументального и дорогостоящего надгробного сооружения выглядит противоречащей всему духу солоновского законодательства о погребениях, имевшего в виду, как мы видели, не в последнюю очередь ограничение затрат на них, введение их в рамки умеренности, к тому же запрещавшего разрушать существующие гробницы (а именно это и было сделано). Это возражение, впрочем, легко отвести. Ведь граждане Афин из благодарности и признательности своему законодателю могли при его похоронах и отступить от общих правил, оказав великому человеку соответствующие экстраординарные посмертные почести. К тому же раз-

¹⁵⁰ См.: *Humphreys S. C. The Family... P. 95; Morris I. Op. cit. P. 131—132.*

меров погребальных сооружений Солон в своих законах вообще не ограничил. Кроме того, один из сохранившихся фрагментов стихотворений Солона дает повод считать, что к себе лично собственные законы о погребении он не слишком-то склонен был применять. В этом фрагменте (Sol.22 Diehl) автор высказывает нежелание остаться после смерти неоплаканным и хочет, чтобы друзья встретили его кончину страданиями и стонами. Возникает даже противоречие между теми тенденциями, которые мы наблюдаем в солоновских законах, и теми чаяниями, которые звучат в его же элегиях.

Итак, с этой точки зрения отнюдь не представляется невозможным, чтобы Солон получил от полиса подобного рода роскошное погребение. Есть, однако, и более серьезные возражения *contra*, которые тоже необходимо принимать в расчет. В частности, совершенно неясно, кому бы могли принадлежать позднейшие впускные захоронения в «солоновском» кургане. Его потомкам? Но о таковых никаких достоверных сведений нет¹⁵¹. Похоже, Солон просто не оставил после себя никакого потомства, тем более столь многочисленного. Не случайно, что в последующей истории Афин мы не находим ни одного деятеля, который по прямой линии возводил бы себя к нему (хотя родственники Солона по боковым линиям, конечно, встречаются, среди них — глава Тридцати тиранов Критий и философ Платон). В таком случае впускные захоронения должны принадлежать посторонним Солону лицам? Но ведь как раз это и запрещал закон самого Солона, цитируемый Цицероном (см. выше): «Никто не должен ни разрушать их (гробниц — *И. С.*), ни хоронить в них сторонних людей». В данном случае мы имеем дело, несомненно, с могилой одного лица, превращенной в фамильную усыпальницу¹⁵².

¹⁵¹ *Davies J. K. Op. cit. P. 324.*

¹⁵² Ср.: *Humphreys S. C. The Family... P. 95.*

Наконец, самый весомый аргумент. Античные авторы дают весьма разноречивые сведения по вопросу о том, где и как был похоронен Солон¹⁵³. Комедиограф V в. до н.э. Кратин (fr.228 Kock) и Аристотель (fr.392 Rose) говорят, что законодатель завещал развеять свой прах над завоеванным им некогда Саламином. По словам Валерия Максима (V.3.ext.3), он скончался на Кипре и там же был погребен. Элиан (Var.hist.VIII.16) сообщает, что Солон был похоронен за государственный счет неподалеку от афинской городской стены. Именно это последнее свидетельство выглядит наиболее правдоподобным. Из заслуживающего доверия источника — историка IV в. до н.э. Фания Лесбосского (ap.Plut.Sol.32)¹⁵⁴ — известно, что Солон умер в Афинах в преклонном возрасте на следующий год после первого прихода к власти Писистрата. Таким образом, «кипрская» версия заведомо отпадает. Что же касается информации о развеянии солоновского праха над Саламином, то она, несмотря на авторитет поддержавшего данную версию Стагирита, уже Плутарху казалась нелепой, да и действительно совершенно не соответствует всему, что мы знаем об афинских погребальных обрядах архаической эпохи. Это не более чем красивая легенда, навеянная воспоминаниями о славном деянии Солона — победе в войне за обладание острова¹⁵⁵.

Солон, вне сомнения, был похоронен на одном из афинских кладбищ, скорее всего на Керамике. Однако обратим

¹⁵³ Сопоставление традиций по этому сюжету см.: *Linforth I. M.* Op. cit. P. 308—310.

¹⁵⁴ О Фении как историке Солона см.: *Mühl M.* Solon und der Historiker...

¹⁵⁵ Ф. Буррио считает достоверной версию о том, что прах Солона был развеян над Саламином, но сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу этого не приводит: *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. *Periodes archaïque et classique.* Lille — P., 1976. P. 1014—1015.

внимание вот на какое обстоятельство. Судя по тому, что уже авторы классического времени (в том числе такой ранний, как Кратин) прибегают при описании похорон Солона к разного рода экзотическим, неправдоподобным гипотезам, им не было известно действительное место его погребения. Этого никак не могло бы случиться, если бы останки законодателя покоились под вышеописанным надмогильным холмом, огромным, монументальным и, конечно, заметным для всякого. А следовательно, это и было погребение не Солона, а какого-то другого афинянина.

Но кого конкретно? Позволим себе высказать сугубо личное мнение, ни в коей мере не настаивая на его истинности. Нам представляется, что человеком, похороненным в этой роскошной гробнице, с наибольшей долей вероятности мог быть отец Писистрата Гиппократ. Известно, когда умер этот последний. Но если допустить, что он скончался после прихода своего сына к тиранической власти в Афинах (а ничего невероятного в таком допущении нет¹⁵⁶), то вполне естественно, что Писистрат оказал покойному родителю буквально «царские» почести при погребении. Впускные захоронения должны в таком случае принадлежать каким-то другим членам рода Писистратидов.

Завершая разговор о погребальном законодательстве Солона, отметим еще его тесную связь с законами о наследстве¹⁵⁷. В представлениях греков (не только архаической, но и классической эпохи) участие в погребальном

¹⁵⁶ В пользу этого допущения может косвенно свидетельствовать следующий факт. Несколько детей мужского пола, родившихся в 450-х гг. до н.э. в роде Алкмеонидов, союзном в то время с Писистратом, получили имя Гиппократ (*Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 153). Не могли ли Алкмеониды таким образом выразить свое почтение к памяти недавно скончавшегося отца своего могущественного союзника?

¹⁵⁷ *Alexiou M.* Op. cit. P. 20 f.

культе и право на наследование имущества умершего взаимообуславливали друг друга. Нередко в судебных речах аттических ораторов, относящихся к процессам о наследстве, фигурирует именно такой аргумент: коль скоро имярек участвует в погребальном культе по отношению к лицу, чье наследство оспаривается, то, стало быть, он принадлежит к числу его близких родственников и имеет право на долю в этом наследстве. Подобного рода доводы мы встречаем, например в XLIII речи Демосфена, произнесенной на одном из этапов многолетней тяжбы о наследстве Гагния из рода Буселидов¹⁵⁸. Думается, вполне закономерно, что именно в этой демосфеновской речи мы встречаем, как говорилось выше, самое раннюю цитату из законов Солона о регулировании погребальных ритуалов. Плутарх также в одной и той же главе биографии Солона приводит и законы о завещаниях, и законы о погребальных обрядах. Их несомненная близость друг к другу, таким образом, всегда осознавалась, в том числе, надо полагать, и самим Солоном, который при составлении законодательства работал над всем этим кругом вопросов одновременно.

По поводу наследования наибольшее количество проблем вставало, как правило, в связи с женщинами. Дело в том, что женщины не вносились в гражданские списки, что затрудняло получение достоверных сведений об их происхождении; примешивались и сложности, порождаемые специфическим институтом эпиклерата. Наверное, Солон имел и это в виду, когда он в законах о погребении особо оговорил, что в протесисе и экфоре имеют право участвовать лица женского пола лишь до определенной

¹⁵⁸ По поводу процесса о наследстве Гагния в связи с XLIII речью Демосфена см.: *Глускина Л. М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // *Демосфен. Речи*: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 412—414.

степени родства. Присутствие на похоронах, таким образом, становилось в какой-то степени критерием при установлении права на долю в наследстве.

Итак, законы Солона, регулировавшие погребальные обряды, представляют собой один из первых на греческой почве комплексов юридических памятников такого рода и, во всяком случае, самый ранний, о котором мы имеем достаточно полные и достоверные сведения¹⁵⁹. Принимая эти законы, афинский реформатор пытался разрешить целый ряд взаимосвязанных задач, о которых речь шла выше, и в основном ему это удалось. Разумеется, не следует считать, что Солон раз и навсегда покончил со всеми проблемами, возникавшими в связи с погребальным ритуалом. Это очевидным образом не так: и позже, в частности, во времена Деметрия Фалерского, афинянам приходилось вновь прибегать к упорядочивающим, ограничительным мерам в этой области. Но подобные кажущиеся возвращения к одному и тому же были вызваны не какими-то недоработками Солона, а различными конкретными перипетиями сложной исторической судьбы афинского полиса.

Согласно правовым воззрениям греков, человек и после смерти продолжал обладать определенной совокупностью прав¹⁶⁰. Должна ли эта совокупность оставаться неизменной или же в ней можно осуществлять какие-то изменения, как это делалось в отношении прав живых граждан? Кажется, Солон был склонен ко второму ответу на этот вопрос. Он смело вторгся своими регулирующими мерами в сакральную сферу, ранее находившуюся в исключительном ведении жреческих коллегий¹⁶¹, и фактически «ограничил права» покойных. Очевидно, без этого

¹⁵⁹ Поэтому нам непонятна точка зрения И. Морриса, считающего, что погребальные законы в основном были приписаны Солону позже, в V в. до н. э.: *Morris I. Op. cit. P. 50—51.*

¹⁶⁰ *Garland R. Op. cit. P. 8.*

¹⁶¹ *Ср.: Vlastos G. Op. cit. P. 67, 74.*

не мог быть сделан следующий шаг в складывании классического греческого полиса.

Религиозный аспект некоторых других законов и мероприятий Солона. Во избежание чрезмерного разрастания объема работы мы можем лишь достаточно кратко остановиться на том, какую роль играла религия в других нововведениях этого законодателя. Некоторые из соловских реформ имеют четко выраженный религиозный характер. Так, известно, что именно Солоном был введен принцип жребия при выборе высших должностных лиц полиса, в том числе коллегии девяти архонтов (Arist. Ath. pol.8.1). До того архонтов назначал Ареопаг¹⁶². Принцип жеребьевки при избрании магистратов в древнегреческих государствах, по справедливому мнению ряда ученых¹⁶³, имел, помимо прочих своих коннотаций, самое непосредственное отношение к религии. Жребий рассматривался как воля богов, в чьи руки, таким образом, теперь и передавался высший контроль над полисными властями.

Солон осуществил реформу афинского календаря. Наиболее подробно об этом повествует Плутарх (Sol.25): «Солон заметил аномалии месяца и видел, что движение луны не совпадает вполне ни с заходом солнца, ни с восходом, но часто в один и тот же день догоняет солнце и опережает его. Такой день он приказал называть “старым и молодым”, ввиду того, что часть дня, предшествующая конъюнкции, относится к кончающемуся месяцу, а остальная — к уже начинающемуся... Следующий день он назвал новолунием. Дни от двадцатого до тридцатого он считал от конца месяца, называя их убывающими числами и сводя на нет соответственно ущерб луны». Более кратко говорит о том же Диоген Лаэртский (I.58—59): «Со-

¹⁶² О дальнейших изменениях в способе избрания архонтов см.: Суриков И. Е. Афинский ареопаг... С. 33—34.

¹⁶³ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 113; Murray O. Early Greece... P. 195.

лон впервые назвал тридцатый день месяца старым и новым... Афинянам он советовал считать дни по лунным месяцам»¹⁶⁴. Аристотель в «Афинской политике» ничего не говорит о календарных реформах Солона, скорее всего, потому, что заинтересован прежде всего изменениями в государственном устройстве Афин, а не какими-либо другими вопросами.

Из процитированных источников следует, что афиняне считали Солона фактическим создателем их полисного календаря со всеми его характерными особенностями. Так это или не так — судить трудно; вряд ли в Афинах досолоновского времени не существовало еще сколько-нибудь разработанной календарной системы. Несомненно, во всяком случае, следующее. Во-первых, Солон действительно проводил какие-то реформы в данной области. О конкретном содержании этих реформ можно спорить, но это конкретное содержание и не имеет для нас принципиального значения, коль скоро мы занимаемся здесь не историей греческих календарей, а религиозным аспектом законодательства Солона. Во-вторых, представляет особый интерес тот факт, что Солон вносил изменения именно в религиозный календарь. Дело в том, что впоследствии, в классическую эпоху, в Афинах сосуществовали два календаря: религиозный (его еще называют праздничным или архонтским) и гражданский. Первый из них был основан на лунном месяце; именно по нему отмечались даты праздников и иных культовых мероприятий. В основе же гражданского календаря лежала притания — отрезок длиной в десятую часть года. Этот календарь служил для назначения сроков народных собраний, выборов должностных лиц и в целом применялся в государственной жизни полиса¹⁶⁵. В солоновские времена ка-

¹⁶⁴ Перевод М. Л. Гаспарова.

¹⁶⁵ О религиозном и гражданском календарях в Афинах см.: *Samuel A. E. Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity*. München, 1972. P. 57 f.

лендарь, основанный на притании, скорее всего, вообще еще не существовал, по крайней мере, в своем окончательно сформировавшемся виде. Кроме того, из сообщений Плутарха и Диогена Лаэртция ясно видно, что Солон реформировал тот календарь, который имел основной единицей исчисления лунный месяц.

Таким образом, эта мера законодателя прямо относится к религиозной сфере¹⁶⁶. Крупнейший специалист в области греческой религии М.Нильссон считает, что календарные реформы в греческих полисах проводились под значительным дельфийским влиянием. Солон и здесь, как в случае погребальной обрядности, смело принимал на себя фактически жреческие прерогативы. Реформируя лунный календарь, он, конечно, отдавал себе отчет в том, что изменения в нем повлекут за собой изменения в сроках культовых действий — празднеств, жертвоприношений.

Афинский мудрец осуществлял нововведения и непосредственно в отношении этих последних. Плутарх (Sol.23) отмечает, что им была проведена оценка жертвоприношений (τὰ τιμῆματα τῶν θυσιῶν). Он осуществил также переоценку наград победителям на общегреческих состязаниях, в частности, на Олимпийских играх (Plut.Sol.23; Diog.Laert.I.55), причем при этой переоценке сократил размеры наград. Диоген Лаэртций приводит следующую мотивацию, которой будто бы руководствовался законодатель: «Нехорошо, говорил он, излишествовать в таких наградах, когда столько есть граждан, павших в бою, чьих детей надо кормить и воспитывать на народный счет... Гимнастические же борцы и в учении недешевы, и в успехе небезопасны, и венцы принимают за победу не столько над неприятелем, сколько над отечеством» (ср. также Diod.IX.25). Эту мотивацию во всей ее сово-

¹⁶⁶ О религиозном значении солоновской реформы календаря см.: Hönn K. Op. cit. S. 84; Nilsson M. P. Geschichte... Bd. 1. S. 644 ff.; Masaracchia A. Op. cit. P. 179—181.

купности нелегко принять. Она явно взята Диогеном у какого-то автора классической эпохи и отражает взгляды этого времени, когда, по наблюдению А. И. Зайцева, в связи с распространением демократии и реставрацией коллективистских ценностей происходила частичная утрата атлетикой ее места в жизни¹⁶⁷.

Однако обратим внимание на некоторые странные выражения. Почему атлеты «в успехе небезопасны» (ἰκκῶντες ἐπιζήμιοι)? Почему они принимают венцы за победу над отечеством (στέφανοῦνται κατὰ τῆς πατρίδος)? Всё становится на свои места, если мы припомним, что олимпийские архаической эпохи действительно нередко представляли собой угрозу стабильности полиса, в частности, начинали претендовать на тираническую власть¹⁶⁸. Олимпийские победители из Афин не были исключением. Об одном из них — неудачливом мятежнике Килоне, победителе 640 г. до н.э. — уже упоминалось. Еще один афинский олимпиец — Фрион, победитель 636 г. до н.э. — также, видимо, оказался человеком с амбициями; он в конечном счете так и не смог ужиться со своими согражданами и отправился во главе колонизационной экспедиции на берега Геллеспонта, где и погиб¹⁶⁹. Всё это происходило еще на памяти Солона, и нет ничего удивительного в том, что он в интересах единства и стабильности полиса, предотвращения гражданской распри принимал определенные меры для снижения престижа и значения олим-

¹⁶⁷ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 111 слл.

¹⁶⁸ См.: Зельин К. К. Олимпийские и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21—29; Bengtson H. Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190—207.

¹⁶⁹ О времени олимпийской победы Фринона см.: Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R., 1957. P. 66. Об обстоятельствах его гибели см.: Jeffery L. H. Op. cit. P. 89—90.

пиоников. В целом эту меру не без оснований можно охарактеризовать как антиаристократическую¹⁷⁰.

Назначал Солон и новые празднества. Об одном из них — Генесиях — речь уже шла выше. Другой, еще более важный введенный афинским законодателем праздник, сопровождавшийся общим жертвоприношением, назывался Сисахфиями (Plut.Sol.16). Не приходится сомневаться в том, что учреждение этого праздника должно было освятить память о, пожалуй, самой знаменитой из солоновских реформ — сисахфии, облегчении долгового бремени¹⁷¹. По справедливому утверждению Коннора¹⁷², «Солон, как многие политики архаической эпохи, действовал в значительной степени в рамках церемоний, ритуалов и праздников и через их посредство». Этот исследователь полагает, что и сама сисахфия проходила в форме праздника, вероятно, представляя собой процессию граждан по афинской хоре с ритуальным уничтожением «закладных камней» (ῥοι). Характерно, что ни один из этих камней досолоновского времени не найден археологами. Создается впечатление, что они были демонстративно разрушены или, еще вероятнее, удалены за пределы Аттики, подобно останкам оскверненных. С этим-то актом высокого символического значения и было, судя по всему, связано учреждение благодарственного жертвоприношения богам.

Коннор считает также, что еще одна важнейшая социально-политическая мера Солона — разделение гражданского коллектива на четыре имущественных класса — тоже имела свой религиозный аспект. Он задается вопросом, почему в качестве критерия границ между классами фигурирует оценка их доходов в медимнах, и обращает вни-

¹⁷⁰ *Vlastos G. Op. cit. P. 74—75.*

¹⁷¹ Н.Хэммонд даже считает, что само название этой реформы Солона, закрепившееся в античной традиции, произошло именно от названия праздника, которое было первичным: *Hammond N. G. L. Studies... P. 160.*

¹⁷² *Connor W. R. Op. cit. P. 49.*

мание на то, что, согласно данным афинских надписей, именно в медимнах велось исчисление приношений начатков урожая (ἀπαρχαί) на аттических аграрных празднествах. Чем богаче был человек, тем он, естественно, больше приносил в жертву. Праздники такого рода по обычаю, сопровождалась процессиями, в которых, по мнению Коннора, статус представителей различных классов проявлялся даже внешне: пентакосиомедимны ехали в колесницах, всадники — на конях, зевгиты шли пешком. Феты к этим процессиям во времена Солона могли еще просто не допускаться. Таким образом, главное солоновское нововведение получало легитимацию путем включения его в традиционную ритуально-символическую модель. Тем конкретным праздником, процессия которого послужила основой для создания системы четырех классов, скорее всего, были Панафинеи. В то время в Афинах еще не было Великих Панафинеи, справлявшихся раз в четыре года с особым блеском. Однако ежегодные, обычные Панафинеи с их процессией-помпой, безусловно, существовали и уже являлись самым важным событием религиозной жизни полиса¹⁷³.

¹⁷³ Совсем недавно Х.Туманс предложил иное объяснение натурального характера солоновского имущественного ценза. Он считает, что Солон не желал улучшить положение богатых торговцев и ремесленников, которые, по мнению исследователя, измеряли свое состояние не в сельскохозяйственных продуктах, а в деньгах, и потому автоматически попадали в низший класс фетов. См.: *Туманс Х.* Ук. соч. С. 241 слл. Подчеркнем, однако, что во времена Солона вряд ли вообще кто бы то ни было в Афинах измерял свое состояние в деньгах. Как уже говорилось выше, в начале VI в. до н.э. афинский полис еще не чеканил монету. Монеты из других полисов могли, конечно, спорадически попадать в Афины, но еще не играли сколько-нибудь значительной роли в экономике и не могли использоваться для оценки состояний. Если и была какая-нибудь альтернатива медимнам как цензовой единице, то этой альтернативой могли быть

Таким образом, законодатель не только вводил новые празднества, но и осуществлял определенные изменения в существовавших ранее. Известно, в частности, что один из его законов касался Элевсинских мистерий (Andoc.I.111). С именем Солона можно связать создание ряда культовых построек. Плутарх (Sol.9) говорит о храме Эниалия, построенном Солоном на Саламине в ознаменование овладения этим островом. К. М. Колобова считает (на наш взгляд, не без основания), что первые каменные храмы на афинском Акрополе (в том числе, возможно, прообраз Геатомпедона на месте царского дворца микенской эпохи) тоже были возведены именно при Солоне¹⁷⁴. Сохранились упоминания о законах Солона, которые регулировали деятельность афинских культовых сообществ — фиасов, оргеонов и др. (Dig.XLVII.22.4; Phot.Lex.s.v.ὄργεῶνιες).

Коснемся религиозного компонента еще некоторых законов и реформ Солона. Говоря о «погребальном» законодательстве, мы уже указывали, что Солон, как, наверное, каждого грека архаической эпохи, очень заботились проблемы культового осквернения; он всячески старался избежать такового. Скверна могла прийти едва ли не отовсюду; приходилось постоянно быть начеку и в каких-то случаях даже заведомо подстраховываться. Признаки такого отношения прослеживаются во многих солоновских мероприятиях. Характерно, что Солон — при всей масштабности своих нововведений — всецело оставил в силе законодательство Драконта об убийстве (Plut.Sol.17), а в этом законодательстве, как мы видели выше, категория скверны занимает достаточно важное место. Плутарх (Sol.23), насколько можно судить, указывает на то, что одно изменение в драконтовский закон Солон всё-таки внес, а именно оговорил, что убийство любовника жены in flagranti не

только головы скота. Скот еще с гомеровских времен широко использовался в греческом мире для оценки богатства.

¹⁷⁴ Колобова К. М. Революция Солона... С. 70.

влечет за собой наказания (стало быть, не оскверняет убившего?)¹⁷⁵. Возможно, Солон действительно расширил круг убийств, не вызывавших скверну. Впрочем, не менее вероятно, что он просто повторил предписание закона Драконта (как раз в части, касающейся убийств, не чреватых последствиями, дошедший до нас текст этого закона сильно испорчен и не подлежит полной и исчерпывающей реконструкции).

В солоновских законах идея скверны (по большей части, правда, имплицитно) встречается не раз. Так, законодатель издает закон о всеобщей амнистии (Plut.Sol.19) — но не включает в эту амнистию лиц, виновных в индивидуальных или массовых убийствах, то есть тех, чья оскверненность была несомненной. Далее, как уже указывалось выше, по солоновским законам архонт, нарушивший клятву, принесенную им при вступлении в должность, обязан был установить в Дельфах золотую статую (Agist. Ath.pol.7.1; Plut.Sol.25)¹⁷⁶. В данном случае, очевидно, имеется в виду искупление скверны, порожденной клятвопреступлением. Обратим внимание на способ этого искупления — установку статуи. Способ этот весьма характерный, причем чисто дельфийский. Дельфы неоднократно в своей истории требовали от различных полисов очищаться от скверны, в числе прочего, именно таким образом. Так, когда спартанцы в V в. до н.э. умили голодом в храме Афины Халкиойкос мятежного военачальника Павсания, оракул обязал их воздвигнуть близ этого храма

¹⁷⁵ Именно на этот закон ссылается защищающийся в I речи Лисия.

¹⁷⁶ Именно Солону античная традиция приписывало (и, насколько можно судить, с полным основанием) учреждение целого ряда клятв — не только клятвы архонтов, но также клятвы членов Совета, присяги гелиастов (Demosth.XVIII.6; XXIV. 147—148; Poll.VIII.142; Liban.Decl.I.9; Hesych.s.V. τρεῖς θεοί; Bekker Anecd.I.242.20). О религиозном значении клятвы вряд ли нужно специально говорить.

две бронзовые статуи умерщвленного. В Афинах в тех же катартических целях была поставлена на Акрополе (скорее всего, в начале Пелопоннесской войны) статуя мятежника Килона, убитого Алкмеонидами при попытке захвата тиранической власти¹⁷⁷. Предписание Солона прекрасно укладывается в рамки той же парадигмы.

Скверна, как известно, порождалась отнюдь не только убийством или клятвопреступлением. Характерен в этом отношении еще один солоновский закон, приводимый Диогеном Лаэртием (I.55) со ссылкой на оратора Лисия. Этот закон запрещал развратникам выступать с трибуны (τόν ἡταρῆκότα εἶργειν τοῦ βήματος), то есть участвовать в политической жизни. Этический момент здесь, бесспорно, тоже присутствует. Но не будем забывать и о том, что общественные места полиса (во времена Солона к ним относились Акрополь и примыкавшая к нему с востока «Старая Агора» с административными постройками¹⁷⁸) считались территорией священной, чистой в культурном отношении. Допущение недостойных в эту сакральную зону, тем более дозволение им производить там какие-то важные действия общественного характера, безусловно, привело бы к осквернению полиса. Теми же опасениями, скорее всего, был продиктован закон Солона, запрещающий дурно говорить об умерших, а также браниться (даже по отношению к живым) «в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ» (Demosth.XX.104 cum schol.; Plut.Sol.21), то есть в тех же общественных местах и во время общественных мероприятий. Перед нами, по сути, перечисление потенциально оскверняющих действий. В том же ключе нужно

¹⁷⁷ См. об этих акциях: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 111—112. Там же приводятся ссылки на источники.

¹⁷⁸ О местонахождении «Старой Агоры» см.: Robertson N. The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. V. 67. No. 3. P. 283 ff.

рассматривать и аtimiю (лишение гражданских прав, то есть опять же запрещение участвовать в политической деятельности, появляться в общественных местах) для граждан, не содержащих собственных родителей или растративших их имущество (Diog.Laert.I.55). Такие люди, в категориях архаического менталитета, нарушали неписанные, но священные и высокоавторитетные обычаи рода, родовой солидарности и, следовательно, тоже могли стать источником скверны¹⁷⁹.

Вводимые Солоном правовые нормы, долженствовавшие воспрепятствовать возникновению и распространению культового осквернения, на наш взгляд, свидетельствуют, в числе прочего, и о дельфийском влиянии на его деятельность. Почтение к Аполлону — к светлому, гармоничному Аполлону, богу-очистителю — достаточно ясно видно в этих нормах. Отметим один интересный солоновский закон (Diog.Laert.I.57): «Архонту, если его застанут пьяным, наказание — смерть». Мера, кажущаяся очень суровой, прямо-таки жестокой и, во всяком случае, несоразмерной с тяжестью проступка, особенно если учитывать, что вино в Древней Греции было наиболее употребительным напитком. А не проявилось ли здесь стремление свести к минимуму эксцессы нарождающегося дионисизма?¹⁸⁰ Культ Диониса, который как раз в это время стремительно распространялся по Греции, принимая на первых порах, грубоватые, полуварварские и слабо гармонизировавшие с полисными ценностями формы буйных оргий, встретил себе мощного противника в лице жречества Аполлона, особенно дельфийского. В конце концов, дионисизм удалось ввести в «цивилизованные» рамки и в

¹⁷⁹ О факторе скверны в такого рода установлениях см.: *Mikalson J. D.* Op. cit. P. 86.

¹⁸⁰ См. об этом явлении: *Dabdab Trabulsi J. A.* Dionysisme: pouvoir et société en Grèce jusqu'à la fin de l'époque classique. P., 1990.

таким виде сделать даже частью государственной религии (в том числе и в самих Дельфах), но это случилось уже несколько позже, в частности, в Аттике — не ранее, чем при Писистратидах. В солоновские же времена «дионисийский вопрос» должен был стоять весьма остро. Отсюда — и суровость наказания за пьянство, если речь идет о высшем должностном лице¹⁸¹.

Судя по всему, именно Солон первым в Афинах, еще до Писистрата, всерьез занялся упорядочением эпической традиции, сбором гомеровских героических песен (Diog.Laert.I.57; ср.Plut.Sol.10). Это, конечно, было нужно ему и в политических целях (в частности, в контексте афино-мегарского соперничества за обладание Саламином). Но в целом данная мера имела также и религиозное значение; она может говорить о том же «аполлоновском духе»¹⁸².

* * *

Солона с полным основанием можно назвать не только реформатором в социально-экономической и политической областях, но и религиозным реформатором. Разумеется, далеко не все его законы, имевшие отношение к религии, являли собой новшества, изменения существующих обычаев. Зачастую прибегал он и просто к записи норм устного традиционного права. Так, одно из его сохранившихся установлений («Кто выколлет глаз одноглазому, тому за это выколоть оба глаза», Diog.Laert.I.57)

¹⁸¹ Отметим, что у Солона был и закон, возбранявший всем гражданам употребление несмешанного вина (Alexis fr.9 Kock).

¹⁸² Писистратиды, впоследствии наиболее активно занимавшиеся приведением в систему гомеровского эпоса, были враждебны дельфийскому жречеству. Но из этого не следует, что они неприязненно относились к культуре Аполлона как таковому. Скорее напротив: они проводили очистительные ритуалы на Делосе — священном острове, где, по преданию родился Аполлон (Herod.I.64), создали в Афинах святилище Аполлона Пифийского (Thuc.VI.54.6—7).

представляет собой не что иное, как разновидность обычной талиона¹⁸³. Интересно, что аналогичный закон приписывается античной традицией и другим законодателям архаической эпохи, в частности, Залевку. Из этого, на наш взгляд, не следует делать вывод ни о заимствовании одним законодателем у другого, ни, тем более, о недостоверности такого рода сообщений. Ведь талионные нормы и их эволюция были более или менее схожими в различных греческих полисах.

Однако, конечно, не в письменной фиксации обычного права главная заслуга Солона. Афинский мудрец, смело вторгаясь, как мы уже говорили, в прерогативы жречества, вносил серьезные изменения в религиозную жизнь государства. Сущность этих изменений можно определить как формирование системы полисной религии взамен родовой¹⁸⁴. Досолоновское жречество — в основном прерогатива знатных, евпатридских семей («кланов», как их часто, хотя не вполне точно, именуют в исследовательской литературе). Жречество после Солона, — конечно, не одномоментно, а постепенно — инкорпорируется в полисный мир. Жреческие должности в большинстве своем становятся полисными магистратурами и начинают восприниматься как таковые. Первые шаги к этому, насколько можно судить, сделал сам Солон. В частности, он, как указывалось выше, создал коллегию экзегетов-пифохрестов. Это была, бесспорно, жреческая коллегия, причем высокого ранга и с важными полномочиями, но она фактически не имела ничего общего, кроме названия, с более древними коллегиями экзегетов из аристократических родов. Далее, по справедливому мнению Эренберга, при Солоне оргеоны — члены культовых ассоциаций незнатных

¹⁸³ О рудиментах талионного права у древних греков см. наиболее подробно: *Дворецкая И. А., Залобовина Г. Т., Шервуд Е. А.* Ук. соч. С. 12 слл.

¹⁸⁴ Ср.: *Jacoby F. Atthis...* P. 38; *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 72.

афинян (фиасов) — получили равные религиозные права с геннетами, то есть аристократами, членами родов¹⁸⁵.

Солон, разрешив любому желающему из граждан выступать истцом по прямо не касавшемуся его делу (Arist. Ath.pol.9.1; Plut.Sol.18), таким образом, явился основателем нового типа иска и процесса — *γραφή*, иска публичного, противостоящего иску частному (*δίκη*). Это также демонстрирует сознательную устремленность на формирование полисных ценностей, на замену родовой солидарности солидарностью сограждан¹⁸⁶. В частности, к Солону, очевидно, восходит закон о *γραφή ὑβρεος* (см. об этом законе Aeschin.I.15). Понятие *ὑβρις* (высокомерие, надменность, гордыня, превознесение себя над другими) было одним из ключевых для древнегреческого менталитета и в полисную эпоху всегда вызывало активное отторжение. Солон с его подчеркнутым пиететом перед «благозаконием», дельфийской этической идеей самоограничения, тоже должен быть считать *ὑβρις* достойным всяческого наказания: ведь он противоречил всем основным устоям полиса¹⁸⁷.

Создание системы полисной религии всемерно поощрялось Дельфийским оракулом с его идеями «легализма» (удачный термин, введенный Нильссоном). Солон шел в данном отношении по дельфийскому пути, и жречество Аполлона не забыло этого. Как известно, Солон довольно рано (очевидно, уже в течение VI в. до н.э.) оказался включенным в канон Семи мудрецов и занял в нем, пожалуй, самое устойчивое место. Канон же этот создавался при активном участии Дельфов.

¹⁸⁵ *Idem*. The Greek State. 2 ed. L., 1969. P. 20.

¹⁸⁶ Ср.: *Ranulf S.* Op. cit. V. 1. P. 130.

¹⁸⁷ По поводу религиозного характера закона Солона о *ὑβρις* см.: *Леницман Я. А.* Рабы в законах Солона... С. 67. В целом о понятии *ὑβρις* см.: *Del Grande C.* Hybris: Colpa e castigo nell'espressione poetica e letteraria degli scrittori della Grecia antica (da Omero a Cleante). Napoli, 1947; *Dirat M.* L'hybris dans la tragédie grecque. Lille, 1973; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 40 слл.

Итак, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что раннее афинское законодательство (особенно солоновское) при всем разнообразии своих проявлений имело некую общую интенцию, единый стержень. И фиксировался он где-то на стыке права и религии. С одной стороны, законодательные реформы создали в Афинах целостную систему писаного права, по которому отныне полис жил на всем протяжении своей истории. С другой же стороны, как мы видели, эти реформы фактически создали целостную систему полисной религии (или, во всяком случае, заложили основание для ее создания). И всё это в своей совокупности, безусловно, способствовало формированию классической афинской гражданской общины.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ДП	— Древнее право
AJPh	— American Journal of Philology
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
CAH	— Cambridge Ancient History
CIPh	— Classical Philology
CIQ	— Classical Quarterly
CIR	— Classical Review
CM	— Classica et mediaevalia
FGrHist	— <i>Jacoby F.</i> Die Fragmente der griechischen Historiker
GRBS	— Greek, Roman and Byzantine Studies
IG	— Inscriptiones Graecae
JHS	— Journal of Hellenic Studies
MH	— Museum Helveticum
REA	— Revue des études anciennes
REG	— Revue des études grecques
RFIC	— Rivista di filologia e d'istruzione classica
RhM	— Rheinisches Museum für Philologie
SEG	— Supplementum epigraphicum Graecum
Syll.	— <i>Dittenberger W.</i> Sylloge inscriptionum Graecarum
TAPhA	— Transactions of the American Philological Association
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik